№ 2 (34) 2021
ISSN 2305-8838

НОПриЛ NAAL

Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научно-исследовательский журнал

№ 2 (34)

МОСКВА
2021

УДК 81’33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:
д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:
д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:
Ph.D. М.Н. Дубинина
(ГСГУ, г. Коломна)

Редакционная коллегия:
д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)
к. культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)
д.филол.н., доцент Т.В. Ивченко (РГГУ, г. Москва)
д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)
д.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)
к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Л.В. Полубиченко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
Robert Ilson (University College London)
Zhong Weihe (Guangdong University of Foreign Languages)
профессор Ян Кэ (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2021 – 170 с.
ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))
ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.
Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 01.06.21. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
Миньяр-Белоручева А.П. Концептуализация времени в историческом дискурсе	7
Чеснокова О.С., Монфорте Дюпре Роберто Концепт «Стыд» в русской и испанской лингвокультурах	24
Ахренова Н.А. Особенности презентации концепта COVID-19: концептуальная метафора	47
ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	
Жирова И.Г. Адаптативный перевод сочетаний неопределённого артикля и абстрактных существительных с английского языка на русский: когнитивный аспект	55
Мигдаль И.Ю. Особенности передачи индивидуально-авторских неологизмов при переводе художественного текста	69
СЕМАНТИКА	
Воробьёва Е.Ю. Развитие семантики «белого» и «черного» во французском языке	83
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Сергиенко П.И. Культура речи и дисфемизмы в комментариях к политическим статьям	94
ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ	

Гвозданная Н.В. Межкультурная корпоративная коммуникация – трудности и перспективы	106
Зарипов Р.И. Метафорический образ современной России во французских СМИ: обзорное исследование	116
Павловская А.В. Пандемия как фактор национальной идентичности	136
Третьякова Т.П. О цифровизации лингвистического образования: поиск системного анализа	156
Список авторов	166

CONTENTS

COGNITIVE LINGUISTICS STUDIES	
Alla Minyar-Beloroucheva Conceptualizing Time in Historical Discourse	7
Olga Chesnokova, Roberto Monforte Dupret The Notion “Shame” in Russian and Spanish Linguistic Cultures	24
Natalia Akhrenova Peculiarities of presentation of the concept COVID-19: cognitive metaphor	47
TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES	
Irina Zhirova Adaptive translation of combinations of the indefinite article and abstract nouns from the English language into Russian: the cognitive aspect	55
Irina Migdal Peculiarities of Translating Author’s Individual Neologisms in Literary Texts	69
SEMANTICS	
Elena Vorobyeva Development of the semantics of "white" and "black" in the French language	83
LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY	
Polina Sergienko Reflection of semantic borrowings in PR terminology	94
LANGUAGE. CULTURE. COMMUNICATION	
Nadezda Gvozdannay Cross – cultural corporate communication-challenges and prospects	106

Ruslan Zaripov The metaphorical image of Russia in the French media	116
Anna Pavlovskaya The Pandemic as a National Identity Factor	136
Tatyana Tretyakova On the digitalization of linguistic education: the search for a systematic analysis	156
List of authors	166

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.111.

Миньяр-Белоручева
Алла Петровна
Alla
Minyar-Beloroucheva

Концептуализация времени в историческом дискурсе

Conceptualizing Time in Historical Discourse

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы исторического времени, которое в разные эпохи по-разному визуализировалось и вербализовалось, становясь концептуальное оружием историков и политиков. Значимость исторического времени и его репрезентации в историческом дискурсе обусловливает актуальность данной статьи. Хронология, являющаяся основой исторического конструкта, определяет восприятие исторических событий. Научная новизна данной работы определяется применением системного подхода к изучению проблемы исторического времени, выраженного в формах и названиях, характерных для конкретного исторического периода. Цель данной статьи заключается в рассмотрении парадигмальных сдвигов, влекущих за собой изменение формы и маркировки исторического времени, отражающих господствующую идеологию на определенном этапе исторического развития человеческого общества. Для достижения поставленной цели был выбран комплексный метод контекстуального анализа, описательно-аналитический метод, метод анализа и синтеза. Материалом исследования послужил научно-исторический дискурс. В статьи проводится краткий экскурс в историю становления современной сегментированной хронологической шкалы, а также отмечается, что в новое и новейшее время смена парадигм проявляется на уровне изменения маркировки каждой части оси времени, перестраивание которой приводит к новому восприятию исторических событий и разрушению традиционной картины исторического мира, создающейся посредством лексических единиц языковой картины мира, трансформация которой приводит к изменению концептуальной картина мира в сознании реципиента. В выводах подчеркивается, что изменение маркировки хронологической шкалы, обусловленное господствующим мировоззрением, выраженное в аббревиатурах, играет определяющую роль в историческом конструкте, поскольку, сохраняя неизменным событийный ряд на линии времени, оно трансформирует восприятие истории. Созданная человеком хронологическая шкала, фиксирующая исторические события, не является неизменной, она коррелирует со сменой парадигм, что находит соответствующее отражение в языке.*

Abstract. *The paper focuses on visual and verbal mechanisms of historical time expression, which in different historical epochs had different forms and names to be a conceptual weapon of historians and politicians. The significance of historical time and its presentation in the historical discourse determines the relevance of this article. Chronology as a skeleton of a historical construct determines the perception of historical events. The novelty of this work lies in the application of a systematic approach to the study of historical time, which is visualized*

and verbalized in the forms and names particular for a certain historical period. The aim of this paper is to demonstrate the correlation of a paradigm shift and perceptions and expression of historical time to date historical events. These phenomena are ideologically interrelated and interdependent. To achieve the posed aim, a comprehensive method of discourse analysis, a descriptive-analytical method, and methods of analysis and synthesis have been applied. Historical discourse formed material for investigation. The results provide a historical outline of the formation of the modern segmented chronological scale and underlines that unlike in antiquity present day paradigm shift correlates with the name change of different parts of the timeline to date historical events. Although the new abbreviations do not change the periodization of history or the representation of historical events, they change their perceptions indicating the recipients' adherence in the worldview peculiar for the pre-Christian times. In conclusion, it is emphasized that the change of the timeline's abbreviations is determined by a paradigm shift. Though the new abbreviations of the timeline preserved the sequence of historical events, they transformed the perception of history.

Ключевые слова: *исторический дискурс, историческое время, хронологическая шкала, исторические события, вербализация, мировоззрение*

Keywords*: historical discourse, historical time, timeline, historical events, verbalization, worldview*

1.Введение

Историческое время является одной из базовых и наиболее сложных категорий исторической науки. В каждую отдельно взятую эпоху историческое время воспринимается, членится и вербализуется по-разному, становясь консциентальным оружием историков, направленным на завоевание сознания масс с целью его перекодирования для решения политических задач настоящего в будущем с опорой на прошлое. Историческое время характеризуется неоднородностью, гетерогенностью, многомерность, прерывистостью, относительностью, оно имеет свой ритм, тип частоты и свою периодичность [Репина (ред.) 2010]. Актуальность данной статьи определяется интересом к историческому времени, его визуальной и вербальной репрезентацией, приятой в конкретный период развития человеческого общества для сохранения и воспроизведения последовательности исторических событий. С древнейших времен философы и ученые стремились найти точку отчета, необходимую для структурирования событийной истории. Проблема обозначения исторического времени восходит к философам античности. В Новый и Новейший период категория исторического времени находилась в фокусе исследовательского

интереса таких выдающихся ученых как Л. фон Ранке, В. Дильтея, О. Шпенглера, Ф. Броделя, Дж. Гэдисса, Т. Куна, Ж.-Ф. Лиотара, Л. Февра, К. Ясперса, М. Барга, М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева, А.В. Гулыги, АЛ. Гуревича. Рассматривая историческое время с историко-философских и культурологических позиций, они демонстрировали зависимость его восприятия от господствующей идеологии и уровня развития цивилизаций, диктующих законы его обозначения. Несмотря на высокую степень разработанности проблемы исторического времени и стремление ученых обосновать истинность, выдвигаемых ими теорий, многие вопросы, касающиеся лингвистического осмысления названий, разделивших хронологическую шкалу, требует дальнейшего исследования. Обозначение исторического времени не является неизменным, поскольку «ни люди, ни их действия не находятся во времени: время, как конкретное свойство истории, созидается людьми на основе их изначального времяполагания» [Сартр 1994: 113]. Научная новизна работы заключается в рассмотрении взаимосвязи смены парадигм [Kuhn 1962] и изменении названий маркеров, сегментирующих хронологическую шкалу, необходимую для фиксирования исторических событий.

2.1. Историческое время как конструкт исторического прошлого

Историческое время – это ментальный конструкт, созданный историком в соответствии с официальной идеологией конкретной эпохи и страны. Особенность «времени» проявляется в его существовании исключительно в человеческом обществе при наличии пространства и действия [Гуревич 1999]. На протяжении тысячелетий как представления о формах времени, так и хронологические маркировки времени подвергались изменению. Время, выраженное в исторических датах, как правило, привязывали к определенным событиям и пространству, сохраняя классическое триединство. Отличительной чертой исторического дискурса является пребывание историка в нескольких темпоральных пространствах одновременно [Gaddis 2002: 17]. Это достигается посредством

языка, который, опредмечивая неперцептивный мир прошлого, возрождает его в историческом дискурсе.

2.2. Лингвистические средства выражения исторического времени

Историческое время отражает ритм внутренней структуры локальной истории в зависимости от длительности явления, события и процесса [Барг 1984: 57]. Для того чтобы изложить события, происходившие в разные отрезки исторического времени в одном и том же географическом пространстве, в темпоральных словосочетаниях историки инвариантно сохраняют одни лексические единицы, превращая в вариант другую их часть, что позволяет создать прецизионные единицы, соотносящиеся с определенным хронологически установленным историческим периодом. Приведем темпоральные словосочетания, переменным, но стержневым компонентом которых являются антропонимы и этнонимы, а постоянным – такие лексические единицы как: age (the age of Viking, Elizabethan age; the Victorian age); day (Caesar's day, Saxon day, Alfred's day), epoch (glacial epoch, Viking epoch), era (the era of Celts, the Viking era), times (primitive times, Roman times, Saxon times, Norman times), period (interglacial period, Celtic period, Roman period, Saxon period, Norman period). Таким образом, для обозначения исторического времени используется такая синонимическая цепочка как: times – day – period – age – era – epoch. Один и тот же период историки обозначают по-разному, называя его Caesar's day и Caesar's times; Roman times и Roman period; the age of Viking, Viking era, Viking epoch. Все синонимические отрезки исторического времени узнаваемы. Это происходит за счет сохранения стержневых лексических единиц Caesar's, Roman, Viking. Оставляя определяющую лексическую единицу неизменной, историк варьирует определяемые. Несмотря на то, что этноним Roman сочетается с такими лексическими единицами как times и period, ясно, что речь идет об одном и том же отрезке исторического времени. Но если в темпоральном сочетании Roman period происходит замена этнонима Roman на этноним Iberian, то создается картина разных исторических эпох [Миньяр-Белоручева 2001: 27].

Наблюдаются также случаи, когда одному и тому же историческому периоду присваивают разные названия. Это относится к темпоральным единицам, в состав которых входят антропонимы исторических личностей [Миньяр-Белоручева, Княжинская, 2019], определивших последующий ход истории. Так, эпоху Великих географических открытий – the Age of Discovery – называют не только Exploration Age, но и Columbian epoch, и Vasco da Gama epoch. Данный синонимический ряд свидетельствуют о разных точках зрения исследователей о вкладе конкретной исторической личности в мировую историю. Так, для Х. Маккиндера открытие Х. Колумбом нового континента является наиболее значимым событием, что дает ему право назвать данный период исторического времени Columbian era – *эра Колумба* [Mackinder, 2004: 298]. К. Панниккар считает открытие Васко да Гамой нового пути в Индию более значительным событием, называя означенный исторический период Vasco da Gama epoch – *эпоха Васко да Гамы* [Panikkar 1969:13]. В данном случае наблюдается индивидуальное восприятие эпохи учеными и ее вербализация.

2.2.1. Восприятие исторического времени в античности

Установление хронологической последовательности исторических эпох и дат – сложный процесс, отражающий официальную доктрину государства, формирующую мировоззрение масс и не допускающую девиаций. В древних цивилизациях историческому времени не уделяли должного внимания. Так, для древних египтян мир был статичным и неизменным, вышедшим готовым из рук творца. Они воспринимали «исторические события как поверхностные нарушения установленного порядка или повторяющиеся события никогда не изменяющегося значения. Прошлое и будущее растворялось в «длительном настоящем». Для греков также вся история сводилась к современной им истории» [Уитроу 2003:76]. Древние греки, не имевшие представления о текучести времени, его линейной протяженности, особенно ценили его отсутствие, которое своей «неявленностью, пребыванием вне изменения, движения, развития и характеризовало особое,

неподвижное и ценностное состояние действительности» [Золоева, Порьяз 2000]. В языческой парадигме античного мира ход времени был представлен в виде круга или колеса, что, по сути, отрицало прогресс как в мире богов, так и людей, подчеркивая совершенство мира его неизменностью. Однако необходимость ведения летоисчисления вынудила древних греков в замкнутой окружности искать точку отсчета. Эра, начинавшаяся с Троянской войны, знаменуется летоисчислением, уникальным для каждого полиса и каждой части Эллады. За триста лет до введения единого исторического времени, позволившего связать разрозненные события, произошедшие на разных континентах, создав целостное представление об истории человеческого общества, древнегреческие философы ввели летоисчисление от Олимпийских игр.

Хронология истории Древнего Рима начиналась с основания «вечного города». В позднеримский период каждый император вел отчет событий от начала своего правления. В античном мире, текучесть времени, олицетворяющую перемены, не признавали, обратимость времени соотносилось с неизменно существующим порядком [Валлерстайн 1998: 190], укреплявшем представление о вечной, устойчивой и неизменной жизни. Несмотря на постоянно развивающиеся события, требующие своей фиксации в историческом пространстве, античные философы упорно держались за время, схематически выраженное в виде окружности. В конце XX века Дональд Р. Девис, американский астроном, сконструировавший «непротиворечивую модель пульсирующей Вселенной с замкнутыми линиями времени» [Время URL], доказал, что древнегреческие метафизики были правы, когда описывали «круговое время мира».

Переход от язычества к христианству привел к парадигмальным сдвигам, вызвавшим коренные преобразования в области летоисчисления, введения линейной хронологической шкалы и восприятии истории. Одновекторная направленность, длительность, текучесть, необратимость стали базовыми характеристиками новой шкалы времен.

2.2. Становление современной формы исторического времени

Линейное времени, которое соотносилось с движением вперед, к цели, обозначенной в конце пути, подразумевало прогресс и развитие. Однако для изменения маркировки хронологии потребовалось не одно столетие.

Несмотря на то, что Константин Великий официально признал христианство в 313 году, хронологию в Римской империи продолжали отсчитывать от 284 года, первого года правления императора Диаклетиана. Только в 353 году Константин I ввел новую систему летоисчисления «От сотворения мира», которая начиналась в 5493 году до н.э. После разделения Римской империи в 395 году на Западную и Восточную, в Византийской империи календарь, введенный Константином Великим, был утвержден императором Василием II только в 988 году и просуществовал до 1453 года. На Руси Византийским календарем пользовались со времени ее Крещения и до конца XVII века. В западной части бывшей Римской империи Византийское летоисчисление просуществовало до 525 года, когда на смену ей пришла хронологическая система, разработанная монахом Дионисием по поручению папы Иоанна I, отсчитывающая ход исторических событий «от Рождества Христова» – Anno Domini = the year of the Lord. Текущая эра была обозначена аббревиатурой AD. Обратная хронология «До Рождества Христова» – Before Christ или BC, была введена англосаксонским летописцем Бедой Достопочтенным в 731 году. Сегментированная хронологическая шкала, разделившая непрерывность исторических событий аббревиатурами BC и AD, нарушила текучесть времени и целостность восприятия истории.

В XX веке Карл Ясперс разработал теорию «осевого времени» для обоснования концепции единства и неделимости истории, которая, размыв грань между языческим и христианским восприятием прошедших событий, примирила их [Ясперс 2002: 28-32]. Однако еще в 1971 году темпоральный термин “Dark Ages” – Темные века, обозначивший период европейской истории с V по XI века, отмеченный культурным декадансом, заменили на темпорально-пространственный термин, получивший позже название «хронотоп», “Late

Antiquity” – Поздняя античность. Данный хронотоп объединил события, произошедшие в последние века «до нашей эры» и в «первые пять веков нашей эры» на территории бывшей Римской [Brown 1971]. Следует отметить, что термин «хронотоп», перенесенный в литературоведение из физиологии [Бахтин 1975] и получивший широкое распространение в работах медиевиста А. Гуревича [Гуревич 1999], позволяет создать новую историческую реальность.

В хронотопе “Late Antiquity” сливается пространство и время, становясь «осмысленным и конкретным целом. «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975: 258]. Функционирующий в историческом дискурсе хронотоп “Late Antiquity” с пересекающимся временем и пространством, не разрывает связь времен сегментированием хронологической шкалы маркерами-аббревиатурами BC и AD, символизирующими противостояние «свой–чужой и отсекая языческую античность от христианской духовности последующих веков. Но, элиминировав разделение оси времен, примиряет их, соединяя в новое гармоничное целое, разрушая традиционное представлении о противостоянии римлян и варварских племен, которое привело к падению Римской империи. Таким образом, изменение хронологических границ и присвоение им нового имени привело к очередному переписыванию истории. Маркировки сегментированной линейной системы летоисчисления (BC и AD), получившие широкое распространение в странах Западной Европе в VIII—IX веках, просуществовали в своем неизменном виде до последней четверти XX века.

2.2. Становление современной формы исторического времени в России

В отличие от Европы, придерживавшейся единой хронологической системы с начала VIII века, на территории Руси практиковалось шесть систем летоисчисления, берущих начало от сотворения мира [Кузьми URL], которым на изломе веков был

положен конец. В Российском царстве, приемнике Византийской империи, календарной реформой 1699 года Петр I ввел западное летоисчисление, продемонстрировав, тем самым, крах Византийской доктрины [Донини 1979] и сближение своего государства с Западом. Мировоззренческая победа Запада в данном вопросе заключалась в том, что для подданных Петра Великого данное событие оказалось судьбоносным, поскольку вместо празднования 1 сентября 7208 Новолетия по Коляд Дару, начиная с 1700 года, их обязали отмечать Новый год 1 января по Юлианскому календарю, в котором разрыв времен был закреплен в свернутых до символов аббревиатурах до РХ (до Рождества Христова) и после РХ (после Рождества Христова). Однако аббревиатурам, маркирующим новую хронологическую шкалу Российской империи, суждено было просуществовали только 128 лет.

Вызванные Октябрьской Революцией 1917 года, тектонические сдвиги, произошедшие в обществе и сознании подданных Российской империи, знаменовали радикальный разрыв с прошлым. «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря» ввел Григорианский календарь, и, подчеркивая секулярный вектор развития молодого государства, заменил хронологические аббревиатуры «до РХ» и «после РХ», т.е., «до» и «после» «Рождества Христова» на «до н.э.» (до нашей эры) и «н.э.» (наша эра), что способствовало перекодированию сознания строителей «светлого будущего», стремившихся осуществить мировую революцию. Следует отметить, что, несмотря на семантическое расхождение, английские десекулярные аббревиатуры “BC” и “AD” на русский язык переводили постсекулярными [Хабермас 2008] аббревиатурами «до н.э.» и «н.э.».

2.2.1. Трансформация построения концепции исторического времени эпохи постмодернизма

В середине 1970х годов маркировка хронологической «версии Скалигера-Петавиуса» не соответствовала постмодернизму, доктрине, развившейся в Западном обществе, повышенный интерес которой к человеку способствовал возрождению максимы Протагора “A man is a measure of all

things” – «Человек есть мера всех вещей». Под предлогом толерантного отношения ко всем конфессиям произошла замена десекулярных аббревиатур A.D. (Anno Domini – В лето господне, т. е. в ... году от Рождества Христова) на секулярные CE (Common Era, т.е. наша эра = н.э.) и BC (Before Christ) – на BCE (Before the Common Era, до нашей эры = до н.э.) [Wachal 1999]. Следует отметить, что секулярные аббревиатуры BCE и CE были введены Иоганном Кеплером еще в 1615 году, но в историческом дискурсе в активный оборот они вошли после 1970 года с введением постмодернизма, характеризующимся постсекуляризмом [Хабермас, 2008]. Несмотря на то, что изменения не коснулись самой шкалы летоисчисления, семантическая наполняемость данных аббревиатур полностью трансформировалась. Изменение хронологической маркировки и ее активное употребление свидетельствовали о глубинных преобразованиях, произошедших в идеологии общества. С де-христианизацией аббревиатур, веками маркировавших хронологическую шкалу, произошел «культурный поворт» –Cultural turn, к языческому прошлому Западной Европы.

Пересмотр отношения Западного общества к почти полуторатысячелетней традиции маркирования исторического летоисчисления свидетельствует об изменении вектора его движения: вперед в прошлое, к нео-паганизму, что приводит к отказу от, веками существовавших, духовно-нравственных ценностей и торжеству неоязычества. Следует отметить, что некоторые историки считают, что будущее – это прошлое, и чтобы увидеть его необходимо заглянуть в историю ушедших цивилизаций. Постсекуляризация Западного общества, оправдываемая политкорректностью и заботой о чувствах представителей разных конфессии, в первые годы XXI века вылилась в отказ от празднования Рождества, заменив на официальном уровне слово Christmas, на – Holiday для обозначения всего, что с этим событием связано [Тер-Минасова 2000]. Последовавшая за этим череда разрешений и запретов на употребление слова Christmas и его дериватов для обозначения христианского праздника, отмечаемого 25 декабря, свидетельствует о борьбе мировоззрений, происходящих в культуре новой этики Западной цивилизации.

Следует отметить, что изменение маркировки хронологической шкалы коррелирует со сменой парадигм и происходит на сломе эпох, причиной которой является «трансформационное событие» [Кургунян 2020]. В настоящее время такое событие соотносят с COVID-19, пандемия которого, объявленная 11 марта 2020 (311 – в американском обозначении календарного времени), с последующей «самоизоляцией» – lockdown, изменила жизнь людей на планете. Это нашло отражение в языке, который, определяя сознание, манипулирует им [Ахренова 2014], конструируя новую картину мира. Covid-19 разделил жизнь на «до» и «после» пандемии, введя новую аббревиатуру BCV (Before the CoronaVirus Era) и наполнив новым содержанием существующие аббревиатуры шкалы времен. Постсекулярную аббревиатуру эпохи постмодернизма BCE, знаменующую новый этап в жизни общества, в 2020 году декодировали как Before the Coronavirus Era или Before the Covid Era, т.е. как период «до короны вируса». Время коронавирусной пандемии интернет пользователи предложили называть Coronavirus Era («эра коронавируса»), сохранив аббревиатуру CE (Common Era), а посткоронавирусную эпоху было предложено обозначать как ACe, т.е. After Coronavirus Era [Schwab 2020: 8]. Таким образом, ставшая привычной, антиклерикальная аббревиатура постмодернизма наполнилась новым содержанием, отражающим «новую реальность». Аббревиатура всегда энигматична, поскольку содержит большое количество разнообразной информации [Minyar-Beloroucheva et al 2020], отвечающей актуальным потребностям общества.

Однако представители не всех областей исторического знания склонны пользоваться хронологической шкалой Скалигера-Петавиуса даже в ее преобразованном виде. В археологии, являющейся неотъемлемой частью истории, помимо общепринятого летоисчисления, используют ряд дополнительных, позволяющих им более точно установить дату происхождения конкретных артефактов. В конце 1900х годов Британский археолог Флиндерс Питри (Flinders Petrie) ввел аббревиатуры TPQ (Terminus post quem: the earliest possible date for an archeological deposit) и TAQ (Terminus ante quem: the latest possible date for the deposit), которые используются при

установлении дат артефактов египетских гробниц и мезоамериканских храмов. Открытие радиоуглеродного датирования и желание использовать непрерывную и нейтральную шкалу времен способствовало введению нового летоисчисления, которое археологи ведут от 1950 года, обозначив его аббревиатурой BP (Before Present), альтернативой которой является RCYBP (Radio Carbon Years Before Present). В том случае, если археологи обращаются к шкале Скалигера-Петавиуса, для датировки артефактов, то традиционная абревиатура BC сопровождается дополнительной аббревиатурой – Cal BC и Cal AD [Grant, et all 2002: 88]. Таким образом, для обозначения длительных периодов, уходящих вглубь доисторических времен археологам необходимы новые виды летоисчисления. Несмотря на кажущееся единообразие, историческое время разнопланово, многообразно, и шкала летоисчисления, созданная человеком, не является неизменной и данной навсегда.

3.Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что несмотря на то, что многоаспектную и многогранную категорию исторического времени исследуют в течение веков, многие вопросы остаются еще недостаточно изученными. В частности, это касается природы и сущности исторического времени, которое на разных этапах развития человеческого общества визуализировали и вербализовали в соответствии с доминирующим мировоззрением. Модели исторического развития человеческого общества конструировались в темпоральном сознании реципиентов в зависимости от восприятия ими парадигмально обусловленного исторического времени. С введением линейного времени, которое знаменовало новый этап в изучении исторического развития человечества, прошлое, настоящее и будущее были выстроены в порядке, подчеркивавшем последовательный ход исторических событий. Однако сегментированная хронологическая шкала, не позволяла целостно воспринимать исторический процесс. Историки разных направлений и школ Нового и новейшего времени, дробили время, сополагая его с историческими событиями и вычленяли

новые периоды, давая им свои названия. Смена парадигм и стремление воспроизвести непрерывный ряд исторических событий приводят к изменению значения одних аббревиатур и созданию новых, маркирующих реперные точки шкалы времен. Модификация аббревиатур хронологической шкалы или наполнение их новым значением приводит к трансформации языковой картины мира, влекущей за собой изменение концептуальной картины мира, исторической картины мира и к изменению восприятия истории в целом.

Литература

1. Ахренова Н.А. Манипулирование сознанием пользователей интернета лингвистический аспект // Языки и культуры в современном мире. Программа конференции. Сборник тезисов докладов участников конференции. 2014. С. 33-35.
2. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. —350 с.
3. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: СПб. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
4. Валлерстайн И. Время и длительность: в поисках неисключенного среднего // Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. №409'98. Серия: Философия. ХГУ, 1998. С. 186-197.
5. Время. Линейность и цикличность. URL: http://darov.net/rubriki/psikhofizika/vremya-chast-1-linejnost-i-tsiklichnost.html (Дата обращения 06. 09. 2020)
6. Гуревич А.Я. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир. М.-СПб.: Университетская книга, 1999. — 560 с.
7. Донини А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана). Пер. с итал. М.: Политиздат, 1979. — 341 с.
8. Данто А.С. Аналитическая философия истории. М.: Идея Пресс, 2002. Идея-Пресс. Серия «Университетская библиотека», 2002. — 292 с.
9. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». Серия: Гуманитарное знание - XXI век, 2010. — 400 с.

10. Золоева Л., Порьяз, А. Мировая культура: Древняя Греция. Древний Рим. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 446 с.
11. Кузьмин А. Г. Древняя Русь в IX-XI вв. URL: http://www.portal-slovo.ru. (Дата обращения: 22.03. 2021).
12. Кургунян С.Е. Мироустроительная война: Коронавирус, его цель, авторы и хозяева // Суть времен. № 40/ 31 октября 2020.
13. Миньяр-Белоручева А.П. Язык историка. М.: Изд-во МГУ, 2001. — 220 с.
14. Миньяр-Белоручева А.П., Княжинская, Е.В. Перевод антропонимов исторических личностей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2019, № 2. С. 79-93.
15. Репина Л.П. (ред.) Образы времени и исторические представления. Россия - Восток - Запад / М. Ф. Румянцева, И. Н. Ионов, З. А. Чеканцева и др.]; под ред. Л. П. Репиной; Ин-т всеобщей истории Рос. акад. наук, О-во интеллектуальной истории. М.: Кругъ, 2010. — 959 с.
16. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. Слово, 2000. — 262 с.
17. Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Пер. с фр.; примеч. В. П. Гайдамаки. М.: Прогресс, 1994. — 240 с.
18. Уитроу, Дж. Естественная философия времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.
19. Хабермас Ю. Постсекулярное общество — что это? Часть первая // Российская фило софская газета. 2008. № 4(18). С. 1–2.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. — 527 с.
21. Brown P. The World of Late Antiquity from Marcus Aurelius to Muhammad. Thames and Hudson, 1971. — 216 pp.
22. Gaddis, J.L. The Landscape of History. Oxford University Press. 2002. — 192 pp.
23. Grant J., Gorin S., Fleming, N. The Archeology Coursebook: an introduction to study skills, topics and methods. L., N.Y.: Routledge, 2002. — 323 pp.
24. Kuhn Th. The Structure of Scientific Revolutions. University of Chicago Press, 1962. — 228 pp.

25. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal, 1904 Vol. XXIII. № 4, pp. 298-321.
26. Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Vishnyakova E.A., Vishnyakova, O.D. Semantic and Cognitive Communicative Aspects of Abbreviation in the Modern English Discourse Varieties // International Journal of English Linguistics, 2020. Volume 10, № 1, pp. 26-36. DOI:10.5539/ijel.v10n1p26
27. Panikkar K.M. Asia and Western Dominance. A survey of the Vasco da Gama Epoch of Asian History 1498–1945. Collier Books, 1969. — 364 pp.
28. Schwab K., Malleret, Th. Covid-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020. — 110 pp.
29. Wachal R.S. Abbreviations Dictionary: A Practical Compilation of Today's Acronyms and Abbreviations. Houghton Mifflin, 1999. — 282 pp.

References

1. Akhrenova N.A. Manipulirovanie soznaniem pol`zovatelej interneta lingvisticheskij aspekt [Manipulation of the consciousness of Internet users linguistic aspect] // Yazy`ki i kul`tury` v sovremennom mire. Programma konferencii. Sbornik tezisov dokladov uchastnikov konferencii. 2014, pp. 33-35 (in Russian).
2. Barg M.A. Kategorii i metody` istoricheskoj nauki [Categories and methods of the historical science]. M.: Nauka, 1984. — 350 pp. (in Russian).
3. Bachtin M.M. Formy` vremeni i xronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj poe`tike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics] // Voprosy` literatury` i e`stetiki: SPb. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 234-407 (in Russian).
4. Wallerstein I.M. Vremya i dlitel`nost`: v poiskax neisklyuchennogo srednego [Time and duration: in search of a non-excluded middle] // Filosofskie peripetii. Vestnik Xar`kovskogo gosudarstvennogo universiteta. №409'98. Seriya: Filosofiya. XGU, 1998, pp. 186-197 (in Russian).

5. Vremya. Linejnost` i ciklichnost` [Time. Linearity and cyclicity]. URL: http://darov.net/rubriki/psikhofizika/vremya-chast-1-linejnost-i-tsiklichnost.html (accessed 06. 09. 2020) (in Russian).
6. Gurevich, A.Ya. Izbranny`e trudy`. Tom 2. Srednevekovy`j mir [Selected works. Vol. 2. The Medieval World]. M.-SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. — 560 pp. (in Russian).
7. Donini, A. U istokov xristianstva (ot zarozhdeniya do Yustiniana) [At the origins of Christianity: from its beginnings to Justinian]. Per. s ital. M.: Politizdat, 1979. — 341 pp. (in Russian).
8. Danto, A.C. Analiticheskaya filosofiya istorii [Analytical philosophy of History]. M.: Ideya Press, 2002. Ideya-Press. Seriya «Universitetskaya biblioteka», 2002. — 292 pp. (in Russian).
9. Domanska E`. Filosofiya istorii posle postmodernizma [Philosophy of history after Postmodernism]. M.: Kanon+, ROOI «Reabilitaciya». Seriya: Gumanitarnoe znanie - XXI vek, 2010. — 400 pp. (in Russian).
10. Zoloeva L., Por`yaz A. Mirovaya kul`tura: Drevnyaya Greciya. Drevnij Rim [World Culture: Ancient Greece. Ancient Rome]. M.: OLMA-PRESS, 2000. — 446 pp. (in Russian).
11. Kuz`min A. G. Drevnyaya Rus` v IX-XI vv. [Early Rus in the 9th-11th centuries]. URL: hppt:// www.portal-slovo.ru. (Data obrashheniya: 22.03. 2021). (in Russian).
12. Kurgunyan S.E. Miroustroitel`naya vojna: Koronavirus, ego cel`, avtory` i xozyaeva [World-building war: The Coronavirus, its aim, creators, and masters]// Sut` vremen. № 40/ 31 October 2020.
13. Minyar-Beloroucheva A.P. Yazy`k istorika [The Language of History]. M.: Izd-vo MGU, 2001. – 220 pp. (in Russian).
14. Minyar-Beloroucheva A.P., Knyazhinskaya E.V. Perevod antroponimov istoricheskix lichnostej [Translation of anthroponyms of historical personalities] // Bulletin of the Moscow University. Series 22. Translation Theory, 2019, № 2, pp. 79-93. (in Russian).
15. Repina L.P. (red.) Obrazy` vremeni i istoricheskie predstavleniya. Rossiya – Vostok – Zapad [Images of time and historical representations. Russia – East – West]/ M. F. Rumyanceva, I. N. Ionov, Z. A. Chekanceva i dr.]; pod red. L. P. Repinoj; In-t

vseobshhej istorii Ros. akad. nauk, O-vo intellektual`noj istorii. M.: Krug``, 2010. – 959 pp. (in Russian).
16. Ter-Minasova S.G. Yazy`k i mezhkul`turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]. M. Slovo, 2000. — 262 pp. (in Russian).
17. Sartr Zh. -P. Problemy` metoda [Method problems] / Per. s fr.; primech. V. P. Gajdamaki. M.: Progress, 1994. — 240 pp. (in Russian).
18. Whitrow G.J. Estestvennaya filosofiya vremeni [The Natural Philosophy of Time]. M.: Editorial URSS, 2003. — 400 pp. (in Russian).
19. Habermas J. Postsekulyarnoe obshhestvo — chto e`to? Chast` pervaya [Post — secular society-what is it? Part One] // Rossijskaya filosofskaya gazeta. 2008. № 4(18), pp. 1–2. (in Russian).
20. Yaspers K. Smy`sl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of the story]. M.: Respublika, 1994. — 527 pp. (in Russian).
21. Brown P. The World of Late Antiquity from Marcus Aurelius to Muhammad. Thames and Hudson, 1971. — 216 p.
22. Gaddis J.L. The Landscape of History. Oxford University Press. 2002. — 192 c.
23. Grant J., Gorin, S., Fleming, N. The Archeology Coursebook: an introduction to study skills, topics and methods. L., N.Y.: Routledge, 2002. — 323 p.
24. Kuhn Th. The Structure of Scientific Revolutions. University of Chicago Press, 1962. — 228 p.
25. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal, 1904 Vol. XXIII. № 4, pp. 298-321.
26. Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko, P.I., Vishnyakova, E.A., Vishnyakova, O.D. Semantic and Cognitive Communicative Aspects of Abbreviation in the Modern English Discourse Varieties // International Journal of English Linguistics, 2020. Volume 10, № 1, pp. 26-36. DOI:10.5539/ijel. v10n1p26
27. Panikkar K.M. Asia and Western Dominance. A survey of the Vasco da Gama Epoch of Asian History 1498–1945. Collier Books, 1969. — 364 pp.

28. Schwab K., Malleret, Th. Covid-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020. — 110 pp.
29. Wachal R.S. Abbreviations Dictionary: A Practical Compilation of Today's Acronyms and Abbreviations. Houghton Mifflin, 1999. — 282 pp.

УДК 811.161.1+ 811.134.2

Чеснокова Ольга Станиславовна
Olga Chesnokova
Монфорте Дюпре Роберто
Roberto Monforte Dupret

Концепт «Стыд» в русской и испанской лингвокультурах

The Notion “Shame” in Russian and Spanish Linguistic Cultures

Аннотация. *Вербализация эмоционально-чувственной сферы в различных языках и культурах вызывает неизменный интерес исследователей, поскольку языковое отражение эмоций и чувств позволяет полнее представить лингвокультурное и психолингвистическое своеобразие этноса, его коллективное сознание и бессознательное. Цель статьи – исследовать и сопоставить семантическое значение, ассоциативные связи и фразеологизацию ключевых номинантов концепта «Стыд» в русском и испанском языках: русской лексемы «стыд» и испанской лексемы vergüenza, рассмотреть их реализацию в различных видах текста и дискурса, в том числе, при переводе, вывести и сопоставить основные параметры концепта «Стыд» в двух языках и лингвокультурах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обращения к фактам русской и испанской лингвокультур с точки зрения когнитивного анализа, целесообразностью глубинного изучения русской и испанской ментальности по данным языка и вербализации эмоций. Лингвистических работ, посвященных сопоставлению концептуализации стыда в русской и испанской лингвокультурах, не выявлено, что обусловливает научную новизну статьи. Исследование проведено в русле семантико-когнитивного направления. Были использованы методы анализа словарных дефиниций, методы компонентного, контекстуального, сопоставительного анализа. Реконструкция и интерпретация русских и испанских стереотипов языкового сознания, вербализующих концепт «Стыд», выявило как точки совпадения (олицетворение стыда в паремиях, ассоциативную связь с лексемами значения «позор»), так и идиоэтническую специфику, что особенно важно для понимания механизмов отражения эмоций и сохранения их образности при переводе, что продемонстрировано на материале трех испанских переводов повести Льва Толстого «Крейцерова соната».*

Abstract. *The verbalization of emotions in diverse languages and cultures arouses the constant interest of researchers, since the linguistic reflection of emotions and feelings makes possible to represent the linguoculturological and psycholinguistic originality of the ethnos, its collective consciousness and unconsciousness. The purpose of this article is to investigate and to compare the semantic meanings, associative links and phraseologization of the Russian lexeme "styd" and the Spanish lexeme vergüenza, to examine their use in various types of texts and discourse, including translation, to establish and to compare the main features of the concept "Shame" in the Russian and Spanish languages and in two corresponding linguistic cultures. Since there haven't been found articles devoted to the comparison of the conceptualization of shame in Russian and Spanish linguistic cultures, it determines the scientific novelty of the research undertaken and of this article. For the first time, the authors provide a comparative analysis of the conceptualization of shame in the Russian and Spanish languages and cultures. The research was carried out using the semantic-cognitive methodology. The main research methods included the analysis of dictionary definitions, methods of component, contextual, comparative analysis. Reconstruction and interpretation of Russian and Spanish stereotypes of linguistic consciousness, that reflect the concept of "Shame", revealed points of coincidence (the personification of shame in proverbs, an associative connection with lexemes meaning "dishonor"), and idioethnic specificity, which is especially important for understanding the mechanisms of reflection of emotions and preservation of their figurativeness in translation, which is demonstrated on the material of three Spanish translations of Leo Tolstoy's short story "The Kreutzer Sonata".*

Ключевые слова*: эмоция, значение, ассоциация, когнитивный анализ, фразеология, перевод*

Key words*: emotion, meaning, association, cognitive analysis, phraseology, translation*

1.Введение

Стыд относится к одной из сложнейших эмоций и представляет важный этап становления личности; сравним название книги, направленной на развитие эмоционального интеллекта детей «Почему мне стыдно?» [Ульева 2020]. Стыд связан с нравственной сущностью человека. Конструктивное переживание стыда обогащает внутренний рост взрослого человека, но также требует от него личностной смелости и духовной зрелости [Рехардт, Иконен 2009; Ильин 2016; Филони 2020]. Вполне очевидно, что своеобразие культуры и этнопсихологического склада нации обусловливает как универсальные выражения стыда, так и, что особенно продуктивно для сравнительно-сопоставительного языкознания, национально-специфические вербальные и невербальные проявления стыда в различных регистрах общения, языковых коллективах, в художественном дискурсе, что подтверждают исследования на материале различных языков, культур,

идиолектов [Арутюнова 1997; 2000; Волошина, Толстова 2020; Дженкова 2005; Душенкова 2012; Малахова 2009; 2012; Меньшикова 2007; Петрова 2018; Погребняк, Вань Сяюань 2016; Шаклеин, Лопухина 2003].

Объектом данной статьи являются мотивирующие признаки ключевых лексем и номинантов концепта «Стыд» в русском и испанском языках; предметом – его репрезентанты в русском и испанском языках. Концепт мы понимаем в терминах лингвокультурологии как «культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2004: 109]. Концепт, таким образом, объединяет разнообразные коллективные знания об объектах и явлениях действительности от конкретных до абстрактных, и имеет различные уровни языкового воплощения, от внутренней формы этимонов до современных дискурсивных практик. Цель исследования – определить и сопоставить путем анализа данных этимологических, моноязычных, двуязычных словарей, образцов различных дискурсивных практик мотивирующие и дискурсивные признаки лексем *«стыд»/vergüenza* в русском и испанском языках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обращения к фактам русской и испанской лингвокультур с позиций когнитивного анализа, а также глубинного изучения русской и испанской ментальности по данным языка и вербализации эмоций. Лингвистических работ, посвященных сопоставлению концептуализации стыда в русской и испанской лингвокультурах, не отмечено, что и обусловливает научную новизну исследования.

2.Этимология и словарные значения лексем «стыд»/ *vergüenza*

В русском и других славянских языках лексема «стыд» ассоциативно связана с понятиями холода («сту́да»), стеснением. Рассмотрим этимологию лексемы «стыд» по этимологическому словарю Макса Фасмера: сты́д род. п. -а́, укр. стид, блр. стыд, ст.-слав. стыдъкъ αἰσχρός, ἀναιδής (Супр.), сербохорв. сти̏д "стыд", сти́дак "последний кусок на тарелке, который каждый стесняется брать", чеш. styděti se "стыдиться", stydký "постыдный", слвц.

stydietʼ sa, польск. wstyd "стыд". Связано чередованием гласных со сту́да. Знач. "стесняться, стыдиться" и "стынуть" являются родственными (Уленбек, PBB 26, 309; см также выше, сты́гнуть) [Фасмер 1971: 379].

Согласно академическому словарю испанского языка, лексема *vergüenza* происходит от латинского имени *verecundia* (https://dle.rae.es/verg%C3%BCenza?m=form), которое, в свою очередь, означает «1) застенчивость, боязнь; 2) боязнь нарушить приличие, добрые нравы, стыдливость, скромность; 3) боязнь оскорбить святость, достоинство, благоговение, почитание, глубокое уважение; 4) боязнь порицания или позора, стыд» (https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian-short-term-4382.htm). Латинская лексема *verecundia* дала развитие форм *vergondja*> *vergonza*> *vergüenza*. Сравним морфонологически сходные лексемы в романских языках: итальянскую лексему *vergogna*, португальскую *vergonha*, каталонскую *vergonya*, галисийскую vergoña. Для интерпретации этимона лексемы vergüenza логично рассмотреть окончания *-cundia и -cundo,* которые содержат идею обладания свойством, называемом глаголом*: fari* ‘говорить’> *facundo* ‘разговорчивый человек’, ‘болтун’, *feo* ‘производить, порождать’> *fecundo* ‘плодовитый, плодородный’. Испанское прилагательное *verecundo* ‘стыдливый, застенчивый’, образованное по данной модели, является стилистически повышенным синонимом прилагательного *vergonzoso* ‘стыдливый’. Латинский глагол *vereri* означает ‘бояться, не осмеливаться что-либо сделать’, при этом причина невозможности совершения действия заключается не в страхе, а в уважении и почтении, что вербализует лексема *reverencia* ‘уважение, почтение, реверанс’. Таким образом, испанская лексема vergüenza содержит идею страха, которая в конечном итоге сдерживает поступки, имеющие неблаговидные последствия.

Итак, сопоставление этимологии одноименных лексем *стыд/vergüenza* показывает определенное различие внутренней формы: внутреннюю форму эмоции неудобства и стеснения в обоих языках, отмечаемую в русской лексеме сенсорную идею холода, не характерную для испанской лексемы *vergüenza,* идею

благоговейного страха, свойственную испанской лексеме *vergüenza*

Анализ словарных значений русской лексемы *стыд* и испанской *vergüenza* показывает их различный семантический объем и ассоциативные связи. Обратимся к двум авторитетным лексикографическим источникам. «Словарь русского языка» дает три значения лексемы «стыд»: 1. Чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблаговидности своего поступка, поведения. 2. разг. Позор, бесчестье. 3. Прост. Стыдливость [Словарь русского языка в четырех томах. Том 4, 1984: 296].

Нормативный Академический Словарь испанского языка выделяет восемь значений лексемы *vergüenza*:
1. f. Turbación del ánimo ocasionada por la conciencia de alguna f alta cometida, o por alguna acciónde shonrosa y humillante.
2. f. Turbación del ánimo causada por timidez o encogimiento y q ue frecuentemente supone un freno para actuar o expresarse.
3. f. Estimación de la propia honra o dignidad.
4. f. Cosa o persona que causa vergüenza o deshonra.
5. f. Pena o castigo que consistía en exponer al reo a la afrenta y c onfusión públicas con alguna señal que denotaba su delito.
6. f. desus. Listón o larguero delantero de las puertas.
7. f. germ. Toca de la mujer.
8. f. pl. Órganos sexuales externos del ser humano (https://dle.rae.es/verg%C3%BCenza?m=form)

‘1. Нарушение настроения, вызванное осознанием совершенной ошибки или каким-то бесчестным и унизительным действием. 2. Нарушение настроения, вызванное застенчивостью или робостью, что часто предполагает препятствие для действий или самовыражения. 3. Оценка чести или достоинства. 4. f. Вещь или человек, вызывающий стыд или бесчестие. 5. f. Кара или наказание, заключавшееся в показе преступника народу и оглашению его преступления. 6. f. Брусок у двери. 7. f. Арго. Женская накидка. 8. f. Наружные половые органы человека’. Типичное для разговорного регистра выражение с лексемой *vergüenza* во множественном числе *vergüenzas*: *taparse las vergüenzas* означает ‘прикрывать <наготу>, закрываться’.

Как видно из сопоставления этих словарных значений, семантическая структура лексемы *vergüenza* имеет ряд значений, отсутствующих у русской лексемы *«стыд»*: кара или наказание, заключавшееся в показе преступника народу и оглашению его преступления; брусок у двери, женская накидка**.** Хотя в словарном значении русской лексемы *«стыд»* не зафиксировано значение половых органов, оно аллюзивно присутствует в контекстах с однокоренными или синонимичными лексемами, например, «срам»: «*срамные места»*. Сравним контекст из Ветхого Завета, апеллирующий к наготе Адама и Евы, которая не вызывала чувство стыда: И *были оба наги, Адам и жена его, и не* ***стыдились*** (Быт 2:25) / *Estaban ambos desnudos, el hombre y su mujer, pero no* ***se avergonzaban*** *uno del otro* (Génesis 2:25).

Исследование лексикографических источников показывает разветвленные синонимические ряды лексем *«стыд»/ vergüenza***.** Например, он-лайн словарь синонимов русского языка дает следующие синонимы лексемы «стыд»: 1) стыдливость; 2) застенчивость; 3)совесть; 4) позор; 5) срам; 6) неудобство; 7) позорище ;8) бесчестье; 9) срамота; 10) стыдоба; 11) бесславие; 12) сором [https://synonymonline.ru/%D0%A]. Словарь синонимов и антонимов испанского языка указывает как синонимы лексемы *vergüenza* лексемы *timidez, rubor, sonrojo, retraimiento, apocamiento, pena* [Diccionario de sinónimos y antónimos 2009: 639]. Сопоставление русских и испанских синонимов центральной лексемы номинативного поля «стыд» показывает, что доминанта русских синонимов лексемы *«стыд»* — это идея бесчестия, непорядочности, а испанские синонимы лексемы *vergüenza*, главным образом, сосредоточены на невозможности совершения действия и на физических последствиях постыдного поступка. Примечательно, что в обоих языках и в обеих лингвокультурах постыдный поступок ассоциируется с покраснением лица как физиологической реакцией на чувство стыда: *покраснеть (от стыда)*; ср. *позеленеть (от злости), ponerse rojo, ruborizarse, sonrojarse*. Вполне возможно, что синонимический спектр испанской лексемы *vergüenza* понятийно зависит от этимона глагола *vereri* ‘бояться, не осмеливаться’. Синонимичное

существительному *vergüenza* существительное *pena* в «Словаре синонимов и антонимов испанского языка» [Diccionario de sinónimos y antónimos 2009: 639] имеет помету «американизм», что подтверждает кодификация в «Словаре американизмов» [Diccionario de americanismos 2010: 1657]. Любопытно, что словарная статья лексемы *vergüenza* в «Словаре американизмов» включает лишь одно толкование с территориальной пометой «Пуэрто-Рико» в значении *mantel* ‘скатерть’ [Diccionario de americanismos 2010: 2148]. Также примечательно, что вышеназванный словарь синонимов и антонимов не указывает такой важный синоним лексемы *vergüenza*, как *pudor* значений *honestidad, modestia, recato* (https://dle.rae.es/pudor) ‘порядочность, скромность, стеснительность’. По мнению классиков романистики А. Мейе и А. Эрну, латинский этимон *pudor* имеет значения ‘отталкивание’, ‘отторжение’[Арутюнова 1997: 56]. Симптоматично, что «Словарь ассоциативных норм испанского и русского языков», основанный на психолингвистической процедуре опроса большого числа информантов, содержит важные для компаративистики и когнитивной лингвистики данные о реакциях русских и испанских респондентов на «одноименные» лексемы «стыд»/ *vergüenza,* при этом лексема *pudor* занимает третье по частности ответов место. Приведем три наиболее частотных ответа испанских и русских респондентов на одноименные стимулы *vergüenza-стыд*, соответственно: *timidez, rojo, pudor; «позор», «срам», «совесть»* [Санчес Пуиг, Караулов, Черкасова 2001: 169- 170]. В современном испанском языке лексема *pudor* означает ‘целомудрие’ и имеет сексуальные аллюзии; ср. выражение *partes pudendas* как обозначение половых органов. В юридической терминологии есть выражение *el atentado contra el pudor* ‘посягательство на целомудрие; развратные действия; сексуальное посягательство’ [Испанско-русский юридический и экономический словарь 2015: 63].

3.Фразеологизация лексемы «стыд»

Фразеологизация лексемы «стыд» в русском языке закрепила разрушающее действие переживания стыда, что ассоциативно связано с идеей огня, пламени, горения, что создает

оксюморон с этимоном лексемы «стыд», содержащим сенсорную идею холода: *сгорать со/ от стыда*. Неблаговидное, аморальное поведение человека сравнивается с утратой стыда, сопоставляемым с физическим действием потери: *потерять стыд.* Прогностическое воздействие неблаговидного поступка фиксирует глагольный фразеологизм с вариативным расположением компонентов *не оберёшься стыда/ стыда не оберёшься,* синонимичным которому является фразеологизм *греха не оберешься,* примечательный концептуальной синонимией лексем *стыд-грех,* что создает назидательный характер словосочетания. Примечательно также, что глагол *обобраться* относится к разговорно-обиходному стилю речи и употребляется только в отрицательной форме [Словарь русского языка в четырех томах. Том 2, 1982: 550], что усиливает фразеологическую спаянность речения.

Морально-этическим вместилищем стыда русская фразеологическая модель мира сделала глаза, отсюда фразеологизм *нет стыда в глазах* как констатация отсутствия у человека представления о морали и этике.

Морально-дидактические аллюзии содержат фразеологические выражения с синонимами лексемы *стыд*: *ни стыда, ни совести; стыд и срам,* где наблюдается аллитерация фонемы [с], за счет которой, наряду с этимологией, представленной во внутренней форме лексем, усиливается воздействующая функция синтагмы или фразеологизма. Речение *ни стыда, ни совести* является квинтэссенцией констатации отрицательного и аморального поведения человека.

Фольклорная составляющая контактно располагает лексемы *стыд, срам, совесть, страх*, создавая за счет их линейной близости и аллитерации, убедительность дидактического послания речений, например*: Где страх, там и стыд; В ком есть стыд, в том и совесть.*

Аллитерированное выражение «стыд и срам» присутствует в тексте Пророка Исайи: Все *они будут постыжены из-за народа, который бесполезен для них; не будет от него ни помощи, ни пользы, но* ***стыд и срам*** (Ис 30: 5). Отметим, что в Библии в целом многочисленны контексты с контактным расположением синонимов.

В русской лингвокультуре выражение «стыд и срам» достаточно частотно. Широко известная и имеющая многочисленные интертекстуальные воплощения в русской лингвокультуре сказка в стихах К.И. Чуковского «Мойдодыр» (1921), призванная приучать ребенка к аккуратности, имеет следующий симптоматичный фрагмент с повтором «стыд и срам», завершающим призыв соблюдать гигиену:

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,
А нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!
(http://dlya-detey.com/skazki/k-chukovskogo/17-moydodyr-chitat-online.html)

Фразеологизированное выражение с редупликацией «стыд и срам» широко представлено и в современных российских дискурсивных практиках. Сравним название альбома певицы Янки «Стыд и срам», а также контекст, взятый методом случайной выборки из российских СМИ:

Как не мыться по утрам? **Стыд и срам**!

Отныне плескаться в душе можно не более 20 минут. Задержался - жди судебных приставов. Такое беспрецедентное судебное решение вынесено в Кемерове. К счастью, касается оно не всей страны, а только бедных жильцов одной коммунальной квартиры. Без судьи Лидии Гусевой они никак не могли поделить ванную (Известия, 14 февраля 2008 г.) https://iz.ru/news/333326 Дата обращения 5 марта 2021).

В плане русско-испанских параллелей и сопоставлений примечательно современное русское фразеологическое выражение *испанский стыд* как переживание стыда из-за поведения другого; сравним следующий контекст:

Испанский стыд: почему нам неловко за других

Вы можете смотреть «Дневник Бриджит Джонс»? Я нет. «Забавные» ситуации, в которые попадает главная героиня, вовсе не кажутся мне таковыми. Нет, они вызывают у меня жгучее чувство стыда и желание немедленно нажать на «стоп». И я знаю, что не одна такая. Более того: тому, что мы с собратьями по

несчастью чувствуем, даже есть название — испанский стыд. [https://www.psychologies.ru/standpoint/ispanskiy-styid-pochemu-nam-nelovko-za-drugih/].

4.Фразеологизация испанской лексемы *vergüenza*

Именной фразеологизм *vergüenza ajena* ‘чужой стыд’ означает стыд, который испытывают за поведение других людей. Недостойное поведение в испанской фразеологической модели мира сравнивается с потерей стыда: *perder alguien la vergüenza.* Также существуют разговорно-обиходные фразеологизмы, вербализующие идею потери стыда: *no tiene vergüenza ni la conoce ‘<у кого-л.>* нет стыда, и он не знает, что это такое’; *la vergüenza era verde y un borrico se la comió* ‘стыд был зеленый, и съел его ослик’, где стыду с аллюзией на детское восприятие приписывается зеленый цвет травы, а исчезновение — за счет аппетита ослика, в свою очередь, образующего зоометафору значения «глупец». Поскольку историческое и архаичное значение лексемы *vergüenza* — ‘позорный столб’, то фразеологизм с глаголом *sacar* в левой валентности sacar *a la vergüenza a alguien* означает ‘выставить кого-либо на позор’. В испанском языке существует ряд качественных прилагательных, которые реализуют различные лексические значения в зависимости от места по отношению к определяемому слову. Прилагательное *malo* относится к их числу, и в постпозиции, типичной для испанских прилагательных, реализует значение «плохой», а в препозиции – «злой» [Виноградов 1978: 44]. Фразеологическое выражение ser *algo una mala vergüenza* ‘быть злым стыдом’ означает высшую степень неприличия. Выражение с идеей количества: *poca vergüenza* ‘мало стыда’ означает как наглость, так и человека, проявляющего это качество [Левинтова 1985: 698]. Сравнение стыда и страха, где стыд выступает мерилом эмоции страха, запечатлел фразеологизм *más miedo que vergüenza* ‘скорее страх, чем стыд’, означающий непреодолимый страх. Морфологическая деривация лексемы *vergüenza* с префиксом *sin*, означающим отсутствие, дала

прилагательное *sinvergüenza* «бесстыдный» и существительное общего рода sinvergüenza «бесстыдник».

Примечательны выражения, отражающие идиоэтнические особенности испанской культуры. Так, виноградарство и виноделие, которыми издавна славится Испания, мотивировали речение *El vino no tiene vergüenza* ‘У вина нет стыда’, приблизительно соответствующее русской пословице «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке».

Тавромахия, т.е. искусство боя с быками, мотивировала целую серию фразеологизмов [Санчес Пуиг 2005], при этом образ тореадора, вступающего в схватку с превышающим его примерно в десять раз по весу быком, ассоциируется в коллективном сознании испанцев с мужеством, героизмом и красотой, поэтому фразеологизм *vergüenza torera* ‘стыд тореадора’ означает ‘дело чести’, ‘дело принципа’. В настоящее время этот фразеологизм применяется к ситуациям, в которых человек выполняет сложную задачу не из-за храбрости, а из-за страха прослыть трусом или вызвать смех окружающих. Чувство гордости, входящее в приоритеты коллективной самоидентификации испанцев, в таких ситуациях превалирует над страхом и неуверенностью. Название *Vergüenza torera* имеет песня известного испанского певца Росендо: [http://www.rosendo.es/audio/details/verguenza-torera/].

В испанской фразеологической модели мира существуют пословицы, проявления народной мудрости и здравого смысла, где запечатлена интересующая нас лексема *vergüenza,* центральная лексема номинативного поля концепта «Стыд». Анализ языкового материала и наблюдения над разговорной речью современных испанцев позволяют наметить четыре основные группы этих фразеологизмов. Как правило, это пословицы и поговорки, т.е. устойчивые образные обобщения жизненного опыта с дидактической направленностью.

Первая группа объединяет пословицы, в которых стыд выступает как препятствие для неблаговидного поступка, тогда как человек, не имеющий стыда, оказывается победителем, что свойственно жанру испанского плутовского романа. Вот отдельные примеры. Рифмованная пословица-совет *Déjate la vergüenza atrás y medrarás* ‘наплюй на стыд и всё получится‘,

дословно: ‘Оставь стыд и расцветешь! ’. Рифмованное речение *Con vergüenza, ni se come ni se almuerza* ‘стыдом не пообедаешь, ни поужинаешь’ обесценивает эмоцию стыда как не приносящую практическую пользу. Тот же скептицизм и одновременно прагматизм прослеживается в пословицах *El desvergonzado, todo lo tiene ganado*, ‘У бесстыжего все получается’; *Quien no tiene vergüenza, toda la calle es suya; дословно* ‘у кого нет стыда, тому принадлежит вся улица’, т.е. ‘у бесстыжего все получается’.

Вторую группу образуют, по нашему мнению, пословицы, описывающие необратимые последствия потери стыда. Рифмованное речение *Vergüenza y virginidad, cuando se pierden, para la eternidad* ‘Девственность и стыд теряются раз и навсегда’ констатирует невозможность ожидания достойного поведения от человека, потерявшего стыд. Противопоставляемые глаголы движения *salir* ‘выходить’ *entrar* ‘входить’ запечатлены в пословице с олицетворяемым стыдом: *La vergüenza cuando sale ya no entra ‘*Стыд теряется безвозвратно’ (дословно *‘*когда стыд выходит, он уже не войдёт’. Противопоставление глаголов *irse* ‘уходить’ – *volver* ‘возвращаться’ создает вердикт пословицы *Vergüenza y mocedad, no vuelven cuando se van* ‘Стыд и молодость уходят безвозвратно’, однако если старение – это неизбежный и неконтролируемый биологический процесс, то стыд относится к нравственной категории, и сравнение его с неизбежностью старения подчеркивает личностную ответственность за поступки, совершение которых не приемлемо с точки зрения этики. Съедание стыда, метафоризируемого как трава, ослом или коровой, также содержит скептически и саркастически констатируемую безвозвратную потерю стыда как этической категории: *La vergüenza era verde y un borrico/vaca se la comió ‘* Стыд был зеленым, и его съел ослик /корова’.

Третью группу образуют половицы, в которых стыд сополагается с добродетелью: *Donde no hay vergüenza, no hay virtud* ‘Где нет стыда, нет добродетели’; Vergüenza *es madre de la virtud ‘* Стыд – мать добродетели’; Confesión *con vergüenza, cerca está de la inocencia* ‘Раскаяние со стыдом почти искупает вину’.

Наконец, четвертую группу пословиц образуют речения, в которых стыд предстает как позор и унижение: *Antes muerte que fría vergüenza* ‘Лучше смерть, чем холодный стыд’; *Cuando el*

orgullo camina delante, vergüenza y daño van detrás ‘Гордость важнее стыда и ущерба’, т.е. гордость часто имеет следствием стыд и приносит неудобство другим людям (дословно: ‘Когда гордость идет впереди, стыд и ущерб плетутся сзади’; *Mayor vergüenza es ser cobarde que vencido* ‘Больший стыд быть трусом, чем потерпеть поражение’.

5.Лексемы *«стыд»/vergüenza* в переводе

Выражения психического состояния стыда в художественном тексте и способы его перевода рассмотрим на материале повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» (1890). Это произведение Толстого содержит глубокие философские размышления о сущности страстей: любви, эротическом влечении, ненависти, ревности, отчаянии. Концепт «Стыд» занимает важное место в идейно-художественной структуре текста. Приведем текстовые примеры с лексемой «стыд» и их перевод на испанский язык. В качестве переводных текстов воспользуемся переводами Веры Макаров [Macarov], Рикардо Сан Висенте [Tolstói 2003] и переводом сестер Лауры и Ирене Андреско [Tolstói 1955], при этом перевод Рикардо Сан Висенте оказывается самым современным по времени появления.

Главный герой повести, Василий Позднышев рассказывает попутчику о своем медовом месяце и об испытанном им стыде и потере иллюзий, что сопровождается разветвленным синонимическим рядом, описывающим эмоции и чувства героя:

«Я тоже не разочаровывал никого, но теперь не вижу, почему не говорить правду. Даже считаю, что необходимо говорить об этом правду. Неловко, ***стыдно****, гадко, жалко и, главное, скучно, до невозможности скучно*! «[Толстой 1953: 27]. Yo tampoco desilusioné a nadie, pero ahora no veo por qué callar la verdad. Hasta creo que es imprescindible decir la verdad sobre esto. Es molesto, **vergonzoso**, repugnante, lastimoso, y, sobre todo, aburrido (Vera Macarov) / Yo tampoco desilusioné a nadie, pero ahora no veo la razón para no decir la verdad. Incluso creo que he de decirla. ¡Resulta incómodo, **vergonzoso**, repugnante, humillante y, principalmente, aburrido, mortalmente aburrido! [Tolstói 2003: 57]. / Tampoco yo he decepcionado a nadie; pero ahora no veo por qué no

he de decir la verdad. Es más, hasta considero indispensable decirla. Mi luna de miel fue una época violenta, **vergonzosa**, desagradable, lastimosa y, sobre todo, aburrida, terriblemente aburrida. [Tolstói 1955: 611].

В размышлениях Позднышева об эротическом влечении и его отторжении молодыми девушками также ключевым оказывается понятие стыда, ассоциативно связанное со смыслом «целомудрие», более приемлемом и естественном, с точки зрения героя, для молодой девушки: *«Вы говорите: естественно! Естественно есть. И есть радостно, легко, приятно и не* ***стыдно*** *с самого начала: здесь же и мерзко и* ***стыдно,*** *и больно. Нет, это неестественно! И девушка неиспорченная, я убедился, всегда ненавидит это* [Толстой 1953: 27]. ¡Y usted dice natural! Natural es comer. Comer es alegre, fácil, y no **vergonzoso**, desde el principio; ¡pero eso es repugnante, **da vergüenza**, causa dolor! (Vera Macarov) / ¡Y usted dice que natural! Natural es comer. Comer nos satisface, es fácil y agradable y uno no se avergüenza de ello desde el principio; en cambio, esto es repugnante, y **vergonzos**o, y doloroso [Tolstói 2003: 58] / Usted dice que es una cosa natural. Lo natural es comer, por ejemplo. Comer es fácil, agradable y, desde el principio al fin, no se siente uno **avergonzado**, mientras que esto es desagradable, **vergonzoso**, doloroso [Tolstói 1955: 611].

Стыд наряду со скукой оказываются главными характеристиками медового месяца Позднышева, на который герой безуспешно возлагал надежды: «*Сколько я ни старался устроить себе медовый месяц, ничего не выходило. Все время было гадко,* ***стыдно*** *и скучно»* [Толстой 1953: 30]. Por más que me esforcé en arreglarme una luna de miel, no lo conseguí. Todo el tiempo sentía asco, **vergüenza** y aburrimiento. (Vera Macarov) / Por mucho que intenté organizar mi luna de miel, no me salía nada. Durante todo el tiempo sentí asco, **vergüenza** y hastío [Tolstói 2003: 64] /Mis tentativas de organizarme una luna de miel fracasaron. Durante aquella época me sentí violento, **avergonzado** y aburrido [Tolstói 1955: 613].

Семиотически значимы для текста размышления Позднышева о сущности плотской любви и влечения, где стыд физической близости сополагается с ее характеристикой как низкой животной потребности: *«— Ведь что, главное, погано, —*

начал он, — предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и ***стыдно****. Ведь недаром же природа сделала то, что это мерзко и* ***стыдно****. А если мерзко и* ***стыдно****, то так и надо понимать. А тут, напротив, люди делают вид, что мерзкое и* ***стыдное*** *прекрасно и возвышенно* [Толстой 1953: 32] / —Pues lo que me parece más vil que todo —empezó—, es que se presume en teoría que el amor es algo ideal, elevado, mientras que en la práctica el amor es algo degradante, porcino, de lo que repugna hablar y acordarse. Por algo la naturaleza hizo de modo que resulte innoble y vergonzoso. Entonces, si es innoble y vergonzoso, hay que tomarlo así. Pero por lo contrario la gente finge bello y elevado lo innoble y vergonzoso.(Vera Macarov) / -Porque, sobre todo, lo asqueroso es…-empezó. En teoría se supone que el amor es algo ideal, elevado, cuando en la práctica, el amor es repugnante, animal, y de ello da asco y **vergüenza** hablar y pensar. Pues no en vano la naturaleza ha hecho de ello algo repugnante y **vergonzoso** [Tolstói 2003: 68] / -En teoría el amor es una cosa ideal, sublime, mientras que en la práctica resulta una bajeza, una porquería de la que hasta da **vergüenza** hablar. Y si se trata de una cosa baja y **vergonzosa**, así hay que comprenderla [Tolstói 1955: 614].

Также лексема «стыд» фигурирует в рассуждениях Позднышева о положении женщины в обществе: «Гимназии и курсы не могут изменить этого. Изменить это может только перемена взгляда мужчин на женщин и женщин самих на себя. Переменится это только тогда, когда женщина будет считать высшим положением положение девственницы, а не так, как теперь, высшее состояние человека — **стыдом**, **позором** [Толстой 1953: 36-37] / Esto no pueden cambiarlo ni los colegios, ni las universidades. La única cosa que podría cambiarlo sería un cambio de la opinión del hombre sobre la mujer y de la mujer sobre sí misma. Pero esto sucederá tan sólo cuando la mujer considere la virginidad como un estado superior y no, como ahora, una **vergüenza** y una deshonra (Vera Macarov) /

Las escuelas y las aulas no pueden alterar la situación, que sólo variará si los hombres cambian su manera de ver a las mujeres, y las mujeres, la de verse a sí mismas. Esto cambiará cuando la mujer

considere la condición de virgen como un estatus superior, y no como ahora, que el estado superior del ser humano se considera **vergonzoso** y humillante [Tolstói 2003: 78] / Ni los liceos ni las universidades pueden cambiar esto. Sería posible una modificación si los hombres cambiaran sus ideas acerca de las mujeres, y éstas a su vez se considerasen de otra manera. Esto cambiará cuando la mujer vea que la virginidad es un estado superior, y no una **vergüenza** y una infamia [Tolstói 1955: 617].

Интерпретативный анализ употребления лексемы «стыд» в оригинале Толстого и сопоставление ее переводных эквивалентов в трех версиях перевода, показывает, что лексема «стыд» и ее словообразовательные дериваты оригинала стабильно коррелируют с лексемой *vergüenz*а в переводах, при этом возможны частеречные замены в соответствии с синтаксисом, когда вместо имени существительного в переводе естественно обращение к имени прилагательному *vergonzoso*, причастию *avergonzado* или к глагольной синтагме *dar vergüenza*. Тот же параллелизм наблюдается в переводных эквивалентах «стыдно» - vergonzoso/ vergonzosa, что иллюстрирует и подтверждает статус центрального положения лексем «стыд»/ *vergüenz*а в структуре номинативного поля концепта «Стыд». С точки зрения испаноговорящих, лексема *vergüenza* реализует в переводе смыслы «унижение», «возмущение», «бесчестие».

6.Заключение

Лексемы «стыд»/ *vergüenz*а оказываются центральными лексемами номинативного поля концепта «Стыд», что подтверждается их словообразовательной, семантической деривацией, разветвленными синонимическими рядами и фразеологизацией. Так как концепт как таковой является идеальной и абстрактной сущностью, то именно его вербализация оказывается сферой, где зафиксированы его как универсальные, так и идиоэтнические проявления. Фразеологизация лексем «стыд»/ *vergüenz*а показывает способы актуализации концептуального содержания стыда в знаковом пространстве русского и испанского языков, что составляет ценностную, понятийную и образную стороны центра концепта «Стыд». Отличительной особенностью паремиологических зон

лексем «стыд»/ *vergüenz*а оказывается широкая представленность различных способов оценки стыда и вербализации причинно-следственных связей, вызывающих стыд. Как русская, так и испанская фразеологическая модели мира широко запечатлели дидактическую сущность понятия стыда и содержат предостережения от совершения неблаговидных поступков, могущих вызвать стыд. Как показал анализ нашего материала, стыд как добродетель представлен в испанской фразеологии и не типичен для русской паремиологии. Реконструкция и интерпретация русских и испанских стереотипов языкового сознания, вербализующих концепт «Стыд», показывает как точки совпадения (олицетворение стыда в паремиях, ассоциативную связь с лексемами значения «позор»), так и идиоэтническую специфику (ср. «испанский стыд», «стыд тореадора» и др.). Различия в этимологиии лексем «стыд»/ *vergüenz*а позволяют вскрыть прототипический образ категории «стыд» и ее современную аксиологическую сущность, что представляется весьма продуктивным для лингвистики и комплекса других дисциплин, занимающихся изучением представлений человека о мире эмоций и этноспецифике их выражения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания, 1997, №2. С. 59-70.
2. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Наука, 2000. С. 54-78.
3. Виноградов В.С. Грамматика испанского языка. – М.: Высшая школа, 1978. 292 с.
4. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «стыд» в женском автобиографическом дискурсе (на материале диалектной коммуникации) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 461. С. 30-37. DOI: 10.17223/15617793/461/4).
5. Дженкова Е.А. Концепты «Стыд» и «Вина» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
6. Душенкова Т.Р. Понятия стыд и совесть в удмуртской лингвокультуре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 23–30.

7. Ильин Е.П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2016. 288 с.
8. Испанский стыд: URL: https://www.psychologies.ru/standpoint/ispanskiy-styid-pochemu-nam-nelovko-za-drugih/ (Дата обращения: 8 марта 2021).
9. Испанско-русский юридический и экономический словарь = Diccionario jurídico y económico español-ruso: [50 000 слов]/ Л.Л. Швырква, Х.А. Гальегос Росильо, Л. Феликс Фернандес; под ред. Л.Л. Швырковой и А.А. Клишаса. _ М.: Норма, 2015. 720 с.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: Гнозис 2004. 390 с.
11. Караулов Ю.Н., Пуиг М.С., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М.; Мадрид: Азбуковник, 2001. 496 с.
12. Латинско-русский краткий словарь (URL:https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian-short.htm Дата обращения: 8 марта 2021 г.).
13. Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь: 30 000 фразеологических единиц. М.: Русский язык, 1985. 1080 с.
14. Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты «Гордость» и «Стыд» в русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 22 с.
15. Малахова С.А. Синонимический ряд концепта «Стыд» в русском языке // Грамота, 2012, №2 (9): в 3-х ч.Ч. III. С. 147-149.
16. Меньшикова С.И. Концепт психического состояния «стыд» и вербальные средства его выражения // ВЕСТНИК ТвГУ. Серия ФИЛОЛОГИЯ. Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 7/2007; с. 58-66.
17. Петрова Г.В. Семантика слова «стыд» в португальском языке (в сопоставлении с русским) – Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции. М.-Ярославль: Издательство Канцлер, 2018. С.84-96.

18. Погребняк Ю.В., Вань Сяюань. Структурно-семантические характеристики концепта «Стыд» в русской и китайской лингвокультурах (на материале пословиц, поговорок и фразеологизмов) // Известия ВГПУ. Филологические науки, 2016, С. 96-100.
19. Рехардт Э., Иконен П.П. Происхождение стыда и его проявления // Журнал практической психологии и психоанализа. 2009, № 4 (https://psyjournal.ru/articles/proishozhdenie-styda-i-ego-proyavleniya)
20. Санчес Пуиг М. Фразеологизмы, связанные с тавромахией // Вестник РУДН, Серия «Лингвистика», № 5, 2005, С. 48-52.
21. Словарь русского языка в четырех томах. Том 2. М.: Русский язык, 1982. 736 с.
22. Словарь русского языка в четырех томах. Том 4. М.: Русский язык, 1984.794 с.
23. Словарь синонимов русского языка (URL: https://synonymonline.ru/Дата обращения: 8 марта 2021 г.)
24. Толстой Л.Н. Крейцерова соната//Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Том двенадцатый. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 5-78.
25. Ульева Е. Почему мне стыдно? / Е. Ульева. - Москва: Клевер-Медиа-Групп, 2020. - [24] с.: ил.- (Сказки про эмоции).
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т.3. 828 с.
27. Филони Р. Стыдливость против стыда. Формирование личности – влияние натуры, судьбы и культуры// Журнал практической психологии и психоанализа. 2020, № 2. https://psyjournal.ru/articles/stydlivost-protiv-styda-formirovanie-lichnosti-vliyanie-natury-sudby-i-kultury
28. Чуковский К.И. Мойдодыр: URL: http://dlya-detey.com/skazki/k-chukovskogo/17-moydodyr-chitat-online.html Дата обращения: 30 марта 2021 г.)
29. Шаклеин В.М., Лопухина Р.В. Семантическое поле концепта Стыд в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом, 2003, №4. С. 32-37.
30. Diccionario de americanismos. Lima: Santillana, 2010. 2333 p.

31. Diccionario de la Real Academia Española (DRAE), [online] <www.dle.rae.es>
32. Diccionario de sinónimos y antónimos. Cuarta edición. Madrid, Ed. Espasa Calpe, 2009. 662 p.
33. Rosendo. Vergüenza torera: URL: http://www.rosendo.es/audio/details/verguenza-torera/Fecha de consulta: 10 de marzo de 2021).
34. Tolstoi, León. La sonata a Kreutzer (trad. Vera Macarov): ULR: https://cesarcallejas.files.wordpress.com/2018/09/tolstoi-leon-la-sonata-a-kreuzer.pdf. (Fecha de consulta: 08 de marzo de 2021).
35. Tolstói L.N. Obras completas (tomo II) (trad. Laura e Irene Andresco). Madrid: Aguilar, 1955-56. 814 p.
36. Tolstói, L.N. Sonata a Kreutzer (trad. Ricardo San Vicente). Barcelona: Acantilado, 2003. 162 p.

References

1. Arutjunova N.D. O styde i stuzhe [On Shame and Cold]// Voprosy jazykoznanija, 1997, №2, pp. 59-70 (in Russian).
2. Arutjunova N.D. O styde i sovesti [On Shame and Conciousness] // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki jetiki. M.: Nauka, 2000. Pp. 54-78. (in Russian).
3. Vinogradov V.S. Grammatika ispanskogo jazyka [Spanish Grammar]. – M.: Vysshaja shkola, 1978. 292 p (in Russian).
4. Voloshina S.V., Tolstova M.A. Reprezentacija koncepta «styd» v zhenskom avtobiograficheskom diskurse (na materiale dialektnoj kommunikacii) [Representation of the Concept "Shame" in Female Autobiographical Discourse (On the Material of Dialect Communication)] // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2020. № 461, pp. 30-37. DOI: 10.17223/15617793/461/4) (in Russian).
5. Dzhenkova E.A. Koncepty «Styd» i «Vina» v russkoĭ i nemeckoĭ lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Shame and Guilt in Russian and German Linguistic Cultures: PhD Thesis Summary]. Volgograd, 2005. 24 p. (in Russian).
6. Dushenkova T.R. Ponjatija styd i sovest' v udmurtskoĭ lingvokul'ture [The concepts of Shame and Conscience in Udmurt Linguoculture] // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniĭ. 2012. № 4. Pp. 23–30. (in Russian).

7. Il'in E.P. Psihologija sovesti: vina, styd, raskajanie [The Psychology of Conscience: Guilt, Shame, Repentance] of. SPb.: Piter, 2016. 288 p. (in Russian).
8. Ispanskij styd [Spanish shame] : URL: https://www.psychologies.ru/standpoint/ispanskiy-styid-pochemu-nam-nelovko-za-drugih/Last viewd March, 8, 2021).
9. Ispansko-russkij juridicheskij i jekonomicheskij slovar' = Diccionario jurídico y económico español-ruso: [50 000 slov] [Spanish-Russian Low Diccionary]/ L.L. Shvyrkva, H.A. Gal'egos Rosil'o, L. Feliks Fernandes; pod red. L.L. Shvyrkovoj i A.A. Klishasa. - M.: Norma, 2015. 720 p. (in Russian).
10. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Verbal Circle: Personality, Concepts, Discourse]. - M.: Gnozis 2004. 390 p. (in Russian).
11. Karaulov Ju.N., Puig M.S., Cherkasova G.A. Associativnye normy ispanskogo i russkogo jazykov [Associative Norms of Spanish and Russian]. M.; Madrid: Azbukovnik, 2001. 496 p. (in Russian and Spanish).
12. Latinsko-russkij kratkij slovar' [Brief Latin-Russian Diccionary] (URL:https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian-short.htm: Last viewed March, 8, 2021).
13. Levintova Je.I., Vol'f E.M., Movshovich N.A., Budnickaja I.A. Ispansko-russkij frazeologicheskij slovar' [Spanish-Russian Phraseological Diccionary]: 30 000 frazeologicheskih edinic. M.: Russkij jazyk, 1985. 1080 p.
14. Malahova S.A. Lichnostno-jemocional'nye koncepty «Gordost'» i «Styd» v russkoĭ i angliĭskoĭ lingvokul’turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Emotional concepts “Pride” and “Shame” in Russian and English Linguacultures: PhD Thesis Summary] Volgograd, 2009. 22 s. (in Russian).
15. Malahova S.A. Sinonimicheskij rjad koncepta «Styd» v russkom jazyke [Concept “Shame” Synonyms in Russian]// Gramota, 2012, №2 (9): v 3-h ch.Ch. III. Pp. 147-149 (in Russian).
16. Men'shikova S.I. Koncept psihicheskogo sostojanija «styd» i verbal'nye sredstva ego vyrazhenija [Psycological concept “Shame” and linguistic means of its expression] // VESTNIK TvGU. Serija FILOLOGIJa. Vypusk «Lingvistika i

mezhkul'turnaja kommunikacija», 7/2007; Pp. 58-66. (in Russian).
17. Petrova G.V. Semantika slova «styd» v portugal'skom jazyke (v sopostavlenii s russkim) [Lexem “Styd” Semantics in Portuguese in Comparison with Russian] – Jemocional'naja sfera cheloveka v jazyke i kommunikacii: sinhronija i diahronija: Materialy mezhdunarodnoj konferencii. M.-Jaroslavl': Izdatel'stvo Kancler, 2018. Pp.84-96 (in Russian).
18. Pogrebnjak Ju.V., Van' Sjajuan'. Strukturno-semanticheskie harakteristiki koncepta «Styd» v russkoj i kitajskoj lingvokul'turah (na materiale poslovic, pogovorok i frazeologizmov) [Structual and Semantic features of the concept “Shame” in Russian and Chinese Linguocultures (on the material of Proverbs and Sayings] // Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki, 2016, S. 96-100. (in Russian).
19. Rehardt Je., Ikonen P.P. Proishozhdenie styda i ego projavlenija [Origin of Shame and its manifestations] // Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza. 2009, № 4 (https://psyjournal.ru/articles/proishozhdenie-styda-i-ego-proyavleniya)
20. Sanches Puig M. Frazeologizmy, svjazannye s tavromahiej [Phraseological Units related to Bullfighting] // Vestnik RUDN, Serija «Lingvistika», № 5, 2005, pp. 48-52 (in Russian).
21. Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah. Tom 2. [Russian Language Dictionary in 4 volumes. Volume 2]. M.: Russkij jazyk, 1982. 736 p. (in Russian).
22. Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah. Tom 4. [Russian Language Dictionary in 4 volumes. Volume 4]. M.: Russkij jazyk, 1984.794 p. (in Russian).
23. Slovar' sinonimov russkogo jazyka [Dictionary of Synonyms of the Russian Language] (URL: https://synonymonline.ru/Last vewed: March, 8, 2021) (in Russian).
24. Tolstoj L.N. Krejcerova sonata [The Kreutzer Sonata] //L.N. Tolstoj. Sobranie sochinenij v chetyrnadcati tomah. Tom dvenadcatyj. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1953. Pp. 5-78 (in Russian).

25. Ul'eva E. Pochemu mne stydno? [Why do I feel ashamed] / E. Ul'eva. - Moskva: Klever-Media-Grupp, 2020.- [24] p.: il. - (Skazki pro jemocii) (in Russian).
26. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etimological Dictionary of the Russian Language]. M.: Progress, 1971. T.3. 828 p. (in Russian).
27. Filoni R. Stydlivost' protiv styda. Formirovanie lichnosti – vlijanie natury, sud'by i kul'tury [Modesty against Shame. Personality formation. Influence of Nature, Destiny and Culture]// Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza. 2020, № 2. https://psyjournal.ru/articles/stydlivost-protiv-styda-formirovanie-lichnosti-vliyanie-natury-sudby-i-kultury (in Russian).
28. Chukovskij K.I. Mojdodyr: URL: http://dlya-detey.com/skazki/k-chukovskogo/17-moydodyr-chitat-online.html (Last vewed: March, 30, 2021) (In Russian).
29. Shaklein V.M., Lopuhina R.V. Semanticheskoe pole koncepta Styd v russkoj jazykovoj kartine mira [Semantic Field of the Concept “Shame” in Russian Lnguistic Worldview]// Russkij jazyk za rubezhom, 2003, №4. S. 32-37. (in Russian).
30. Diccionario de americanismos [Dictionary of Americanisms]. Lima: Santillana, 2010. 2333 p.
31. Diccionario de la Real Academia Española [Dicionary of Spanish Royal Academy], [online] <www.dle.rae.es>.(in Spanish).
32. Diccionario de sinónimos y antónimos. [Dictionary of Synonyms and Antonyms] Cuarta edición. Madrid, Ed. Espasa Calpe, 2009. 662 p.. (in Spanish).
33. Rosendo. Vergüenza torera [Torero’s Shame]: URL: http://www.rosendo.es/audio/details/verguenza-torera/Last viewed: March, 10, 2021) (in Spanish).
34. Tolstoi, León. La sonata a Kreutzer (transl. Vera Macarov) [The Kreutzer Sonata]: ULR: https://cesarcallejas.files.wordpress.com/2018/09/tolstoi-leon-la-sonata-a-kreuzer.pdf. (Last viewed: March, 8, 2021) (in Spanish)
35. Tolstói L.N. Obras completas (tomo II) [Selection of Works] (transl. Laura and Irene Andresco). Madrid: Aguilar, 1955-56. 814 p. (in Spanish).

36. Tolstói, L.N. Sonata a Kreutzer [The Kreutzer Sonata] (transl. Ricardo San Vicente). Barcelona: Acantilado, 2003. 162 p. (in Spanish).

УДК 811.11-112

Ахренова Наталья Александровна
Natalia Akhrenova

Особенности презентации концепта COVID-19: концептуальная метафора

Peculiarities of presentation of the concept COVID-19: cognitive metaphor

Аннотация. *Данная статья продолжает цикл статей автора, посвящённых описанию находящегося в развитии концепта COVID-19, что объясняет актуальность исследования. Целью данной статьи стало описание роли концептуальной метафоры в формировании исследуемого концепта. Материалом для исследования послужили тексты интервью и выступлений российских и зарубежных политиков, тексты англоязычных и русскоязычных онлайн СМИ и т.д. Процедура и методы исследования. В процессе работы использовались следующие общенаучные методы исследования: дедукция, наблюдение, анализ и синтез, классификация, интроспекция, понятийное моделирование, сопоставление и др. Результаты проведённого исследования. Проведённый анализ позволил выделить следующие основные группы концептуальных метафор, участвующих в концептуализации медицинского термина COVID-19: Ковид-Война, Ковид – Стихийное Бедствие/Катастрофа, Ковид – Преступник, Ковид – Враг, Ковид – Живой организм. Теоретическая/практическая значимость. Полученные выводы вносят вклад в теорию дискурс-анализа, лингвистики текста, концептуальной метафоры и т.д., а также могут быть использованы при чтении лекций по стилистике, коммуникативистике, когнитивной лингвистики и прочих дисциплин, имеющих схожие объекты исследования.*

Abstract. *This article is one in the series of articles devoted to the description of the developing concept COVID-19, which makes it topical. The key aim of the article is to describe the role of the cognitive metaphor in the formation of the concept under the analysis. The research was based on the following sources of the examples: interviews and speeches of the English speaking and Russian politicians, texts of on-line media in English and Russian etc. For reaching the aim of the research of this article, the following methods were used: deduction, observation, analysis and synthesis, classification, introspection, conceptual modeling, comparison etc. Having analyzed the target material, we arrived to the conclusion that such*

groups of cognitive metaphors as COVID as a War, COVID as a Natural Disaster, COVID as a Criminal, COVID as an Enemy, COVID as Living Being are involved in conceptualization process of the originally medical term COVID-19. The results of the research presented in the article made an impact into the theory of discourse analysis, linguistics of the text, study of cognitive metaphor etc., and can be used for lectures in stylistics, study of communication, cognitive linguistics and other subjects with similar objective.

Ключевые слова: *концептуализация, концепт COVID-19, метафора, концептуальная метафора*

Key words: *conceptualization, concept COVID-19, metaphor, cognitive metaphor*

Введение

Ключевым методом оязыковления концепта COVID-19, как и любого другого концепта, является метафора. Процесс метафоризации понимается нами как основополагающее когнитивное действие, дающее возможность переноса образных схем из одной концептуальной сферы в другую. Со времен греческих мыслителей и философов (Аристотеля, Платона и т.д.) метафора рассматривалась не только как основополагающий троп, мощный риторический прием, обладающий орнаментальной и номинативной функциями, но и выделялась ее когнитивная и эвристическая функции. Как известно, в современной когнитивной лингвистике выделяется направление когнитивная теория метафоры, занимающееся изучением функций и роли метафоры в процессе познания, восприятия и осмысления окружающего мира, а также процессов, происходящих в нем [Lakoff, Johnson 1980:25]. Ведущими учеными, внесшими глобальный вклад в становление теории концептуальной метафоры, традиционно считают: Н.Д. Арутюнову [Арутюнова 1990(а), 1990(б)], М. Блэка [Блэк 1990], В.Г. Гака [Гак 1988], М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980], Е.С. Кубрякову [Кубрякова 1981, 1997, 2004], Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnson 1980], Ч. Филлмора [Филлмор 1988], и др. Согласно исследованиям упомянутых выше авторов, центральным понятием когнитивной лингвистики является «концепт», а одним из средств языкового выражения концепта может послужить метафора. Можно сказать, что метафора «оживляет» любой дискурс, помогая нам воспринимать языковое значение в контексте дискурса, опираясь на такие ассоциативные связи как интертекстуальные и контекстуальные.

Описывая концепт COVID-19 необходимо помнить, что в дискурсе пандемии метафора выполняет две функции: во-первых, она облегчает понимание ситуации и особенностей поведения в ней людям, которые не имеют специальных знаний в области медицины, представляя новое через знакомое, понятное и старое; во-вторых, концептуальная метафора помогает выразить экспрессивное отношение к совершенно незнакомой ситуации.

Описание концептуальных метафор, участвующих в лингвистическом описании концпта COVID-19

Проведённый концептуальный анализ показал, что метафоризация концепта COVID-19 с целью аккомодации обывателей к условиям “нового нормального” (new normal) началась с момента номинации самого вируса. Как мы помним, было объявлено, что вирус получил свое название благодаря короновидной форме шипа генома вируса. Объяснение тому, что вместо традиционных русскоязычных соединительных гласных –*о*- и –*е*-, используется соединительная гласная –*а*-, не характерная для русского языка, является то, что название заболевания является прямой калькой с английского языка ***Corona****virus* (***корона****вирус)*, а, если быть совсем точными, то имеет латинские корни. Необходимо отметить, что в русском языке –а- перестала быть частью основы *корона*- и стала частью суффикса –*арн*. Однако основу *corona*- или русскую *корона*- имеют и ряд других специальных медицинских терминов, связанных с сердечно-сосудистой системой человека. Так, в русском и английском языках есть слово ***корона****рный (****corona****ry)*, что описывает орган в виде венца, а именно венечную артерию сердца. Кроме того, нам известны такие термины как ***корона****рные сосуды (****corona****ry vessels), аорто****корона****рное шунтирование (****corona****ry artery bypass grafting, ****corona****ry bypass), ****корона****рное кровообращение (****corona****ry circulation)* и т.д. Как мы видим, существует определенная параллель между прослеживаемой лингвистической закономерностью и медицинскими последствиями и/или осложнениями на сердечно-сосудистую систему человека после перенесенного заболевания - новой коронавирусной инфекции. Что уже успели на себе испытать люди, излечившиеся от COVID-

19, также этот факт подтверждается приведенными ниже заголовками популярных отечественных, британских и американских интернет-СМИ: *Кардиологи предупредили об осложнениях от коронавируса у сердечников, COVID-19 против сердца (Российская газета), Три вопроса кардиологу (АиФ), Кардиолог объяснила важность статинов при коронавирусе. Ковидом по сердцу (Московский комсомолец), Удар в самое сердце. Кардиолог — о частых осложнениях после перенесенного коронавируса (Комсомольская правда); COVID-19: Pandemic to cause 'exponential' growth in heart disease (SkyNews), CDC investigating heart inflammation following COVID-19 vaccine (News10), Covid-19: Heart deaths increase and testing for care home visitors (bbc.com) etc.*

Основываясь на изучении обширного лингвистического материала, можно выделить несколько ключевых концептуальных метафор, описывающих концепт COVID-19: Ковид - Война, Ковид – Стихийное Бедствие/Катастрофа, Ковид – Преступник, Ковид – Враг, Ковид – Живой организм. Эти когнитивные метафоры делают акцент на разных аспектах пандемии. Так, метафора *Ковид-Война* делает акцент на жестокую схватку системы здравоохранения всех мировых держав с непредсказуемым, в некоторых случаях смертоносным вирусом. Доктора (doctors), как солдаты (soldiers) во время войны, находятся на передовой, где каждый день совершают подвиги, ср.: *Doctors as soldiers in times of pandemic, Doctors, the Soldiers in the War Against COVID-19, Health workers are the frontline soldiers against COVID-19. Let's protect them, Fallen soldiers: the heroic health workers losing the battle against COVID-19, Independence Day: Let Us Salute White Coat Warriors for Their Brave Fight against COVID, Уроки пандемии: медики совершили подвиг, сравнимый с ушедшими воевать добровольцами, «Солдаты пандемии»: жители Кузбасса узнали, кто спасает их жизни и т.д.* Проявляя свое неподдельное преклонение перед подвигом медиков их метафорично называют «*ангелами в белых халатах»* и «*White Coat Warriors».* Война с пандемией имеет своих героев, о которых мы уже говорили, и антигероев, нарушающих санитарные правила, подвергая опасности жизни других: *ковидиоты (covidiots), mask holes, moronas, ковид-*

диссиденты (covid-dissident) и т.д. Также, есть *жертвы (COVID victims, devastating losses from COVID-19) и выжившие (COVID survivors). Борьба или битва (combat)* с вирусом в *горячих точках (COVID hotspots)* описывается следующими глаголами, приобретающими в контексте пандемии переносное метафорическое значение: *драться (to fight, fight the war), сражаться, бороться, противостоять (to combat, to struggle with).* В ходе *сложной и долгой битвы (very hard and very long combat)* случаются *поражения (defeat)*, но все равно мы не оставляем надежду *отомстить вирусу за планету (revenge the world).*

Родственной концептуальной метафорой можно считать метафору *Ковид - Враг (enemy)*, к которому применяются такие описательные прилагательные как *коварный (insidious), незаметный (invisible), прогрессирующий (progressing), неуловимый (elusive).* В англоязычной прессе болезнь метафорично именовалось в начале пандемии как *инопланетный захватчик (alien invader).*

Концептуальная метафора *Ковид - Преступник* формируется такими метафоричными словами и выражениями, как: *вирус-убийца (killer virus), болезнь убийца (killer disease), молчаливый, невидимый убийца (silent, invisible killer), COVID has turned breathing into a deadly event and all of us into potential serial killers (USA Today), Is COVID the real cop-killer? (The Palm Beach Post) etc.*

Ковид концептуализируется как стихийное бедствие, на уровне официальных представителей Министерства здравоохранения и правительства, которые традиционно считают новые всплески или пики пандемии *волнами (waves)*, так и среди обывателей, в социальных сетях прижилось описание пандемии и всех связанных с ней мер в терминах фильмов ужасов – *зомби-апокалипсис (Zombie Apocalypse).* Стремительное увеличение количества жертв метафорично называют *цунами (Health Experts Warn* ***A Potential 'Tsunami' Of COVID Cases*** *Is On The Horizon (KUT 90,5)), сметающем (to sweep)* все на своем пути, *топящем целые районы* в болезни по аналогии с наводнением *"COVID tsunami" drowning the region*, по аналогии с землетрясением,

делая их *эпицентром распространения ковид becoming the world epicenter of the COVID crisis* и т.д.

Концептуальная метафора Ковид – Живой организм, который *распространяется (to spread, to transmit, to go viral), мутирует (to mutate)*, он *контактирует и оставляет следы (contact tracing) и т.д.* Описывая вирус и его распространение среди людей на грамматическом уровне, используют активный залог, что показывает самостоятельность и бесконтрольность этого вируса.

Описывая желаемый прогресс в лечении болезни в англоязычной лингвистической традиции используются разнообразные спортивные метафоры, в частности, из терминологии футбола (например: *getting to the end of the play, off final*), автогонок (например: *motor sensory cortex, the last few furlongs of the race*), подчеркивается командный дух борьбы с пандемией (например: *team effort*), а протокол лечения от коронавирусной инфекции концептализируется как дорожная карта и носит название *Roadmap COVID Recovery – 2021*.

Заключение

Таким образом, в статье нами были рассмотрены ключевые концептуальные метафоры, формирующие концепт COVID-19, которые способствовали превращению некогда медицинского термина, в ключевой глобальный концепт, описываемый как мировыми СМИ, так в повседневном общении в социальных сетях, мессенджерах и т.д. Абсолютное большинство концептуальных метафор имеют отрицательную коннотацию, что отражает общую ситуацию и настроения в обществе по отношению к пандемии и ее последствиям, что не носит неожиданный характер. Иллюстративный материал, используемый в статье, помимо информационной функции, отражает общественное мнение и настроения в социуме. Описанные концептуальные метафоры оказывают непосредственное воздействие на обывателя, способствуют его адаптации к условиям нового нормального “new normal”, делают подачу информации образной. Избранные для анализа методы дают возможность интерпретации глубинных смыслов, что

способствует раскрытию неразрывной связи между языком и мышлением.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990 (а). С. 5-32.
2. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Филологические исследования. Памяти академика Г.В. Степанова. М.-Л.: Наука, 1990 (б). С.71-88.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
4. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С.11-26.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 201 с.
6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997. С. 31.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 9.
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 23. М.: Прогресс, 1988. С. 52 – 92.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980. 2 ed. 2003.256 p.

References

1. Arutunova N.D. Metaphora i Discourse // Teoria Metaphory. M.: Progress, 1990 (a). S. 5-32.
2. Arutunova N.D. Obraz, mataphora, symvol v kontekste zhizni I kultury // Philologicheskie issledovania. Pamiaty akademika G.V. Stepanova. M.-L.: Nauka, 1990(b). S. 71-88.
3. Blak M. Metaphora // Teoria Metaphory. M.: Progress, 1990 (a). S. 153-172.
4. Gak V.G. Metaphora: universal’noe I specificheskoe // Metaphora v yazike b tekste. M.: Nauka, 1988. S. 11-26.

5. Kubriakova E. S. Tipy yazikovikh znachenii. Semantika proizvodnogo slova. V.: Nauka, 1981. 201 s.
6. Kubriakova E. S. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zrenia. M.: IYa RAN, 1997. S. 31.
7. Kubriakova E. S. Yazik i Znanie: na puti poluchenia znanii o yazike. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zrenia. Rol' yazika v poznanii mira. M., 2004. S. 9.
8. Phillmor Ch. Freimy i semantica ponimania // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 23. M.: Progress, 1988. S. 52-92.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980. 2 ed. 2003.256 p.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81’347.78.034

Жирова Ирина Григорьевна
Irina Zhirova

Адаптативный перевод сочетаний неопределённого артикля и абстрактных существительных с английского языка на русский: когнитивный аспект

Adaptive translation of combinations of the indefinite article and abstract nouns from the english language into russian: the cognitive aspect

Аннотация. *Статья посвящена исследованию сочетаний неопределённого артикля и абстрактных существительных в английском языке, а также их переводу на русский язык. Такие словосочетания создают определённые трудности для переводчика. Актуальность статьи определяется потребностью глубокого анализа семантических возможностей сочетаний подобного типа в английском языке, а также необходимостью рассмотрения когнитивного аспекта адаптативного перевода высказываний, в которых встречаются сочетания неопределённого артикля и абстрактных существительных, с английского языка на русский. В центре внимания статьи находятся особые текстовые языковые единицы, которые в процессе перевода подвергаются определённым переводческим преобразованиям, способствующим уточнению их семантики. В статье фрагментарно представлена интерпретативная модель передачи семантического значения неопределённого артикля с английского языка на русский, разработанная нами в когнитивном переводоведении. Основная цель когнитивного подхода к наиболее полной передаче информации, представленной в тексте, с одного языка на другой является нахождение максимального совпадения содержания исходного и переводного текста. Адаптативный перевод сочетаний неопределённого артикля и абстрактных существительных с английского языка на русский учитывает их семантические, функционально-коммуникативные, прагматические, эмоционально-экспрессивные характеристики. При этом приём уплотнения информации, заложенной в абстрактных существительных, при помощи неопределённого артикля в английском языке неизбежно приводит к расширению объёма информации в русском языке. В статье также представлена комплексная методика исследования: сопоставительный и описательный методы, интерпретативный метод, когнитивный подход к анализу таких сочетаний. Использование общих и частных методов исследования направлены на логическую последовательность получения конкретных результатов, которые свидетельствуют о важной роли сочетаний неопределённого артикля и абстрактных существительных в формировании дополнительных текстовых смыслов.*

Abstract. *The article is devoted to the study of the combinations of the indefinite article and abstract nouns in English, as well as their translation into Russian. The relevance of the article*

is determined by the need for a deep analysis of the semantic possibilities of combinations of this type in the English language, as well as the need to consider the cognitive aspect of the adaptive translation of them from English to Russian. The article focuses on special textual language units, which in the process of translation undergo certain translation transformations and in this way contribute to the clarification of their semantics. The article presents a fragmentary interpretative model of the transfer of the semantic meaning of the indefinite article from English to Russian, developed in cognitive translation studies. The adaptive translation of combinations of the indefinite article and abstract nouns from English into Russian takes into account their semantic, functional-communicative, pragmatic, emotional-expressive characteristics. At the same time, the method of compacting information using the indefinite article and abstract nouns in English inevitably leads to an expansion of the volume of information in Russian. The article also presents a comprehensive research methodology: comparative and descriptive methods, an interpretive method, and a cognitive approach to the analysis of such combinations. The use of general and particular research methods is aimed at the logical sequence of the results obtained. The results obtained indicate the important role of combinations of the indefinite article and abstract nouns in the formation of additional textual meanings.

Ключевые слова*: неопределённый артикль, абстрактное существительное, когнитивный аспект, мыслительная деятельность, интерпретативная модель перевода, адаптация.*

Key words*: indefinite article, abstract noun, cognitive aspect, mental activity, interpretative model of translation, adaptation.*

Введение

Актуальность настоящей статьи определяется заявленной темой, потребностью глубокого анализа семантических возможностей сочетаний неопределённого артикля и существительных, а также их адекватной передачи с английского языка на русский.

Новизна статьи заключается в том, что в ней фрагментарно представлена адаптативная интерпретативная модель передачи семантического значения неопределённого артикля в сочетании с абстрактными существительными с английского языка на русский. Теоретическая значимость статьи определяется тем, что полученные результаты анализа семантических особенностей неопределённого артикля могут быть использованы при дальнейших интегральных исследованиях английских артиклей, а также их возможного адаптативно-интерпретативного перевода на русский язык. Такой подход к переводу сочетаний неопределённого артикля и абстрактных существительных до сих пор слабо представлен в современной российской лингвистической науке.

Для современного – *когнитивного* – этапа развития науки о языке характерен отход от разделительного (системно-структурного) подхода к тем или иным языковым явлениям. Системоцентричный подход к языку перестал быть доминирующим, уступив место антропо-ориентированному когнитивизму, раскрывающему мыслительную деятельность человека, который предполагает обращение к его коммуникативной деятельности и обязательный учёт такого значимого фактора, как субъективная модальность. В соответствии с этим, главным объектом исследований в современной лингвистике безусловно является язык как средство общения, а также огромное внимание уделяется разработке некоторых – интегральных по своей сути – правил интерпретации для любых видов текста.

Целью написания статьи стала необходимость исследования сочетаний неопределённого артикля и абстрактных существительных в английском языке и их возможный адаптативный перевод на русский. Когнитивный анализ таких сочетаний позволяет представить их наиболее приемлемые варианты перевода, способствующие раскрытию точности выражаемой информации, заложенной в семантике английского неопределённого артикля.

Вполне закономерно, что это влечёт за собой переориентацию многих лингвистических направлений, в том числе и грамматической семантики. Если раньше в лингвистике преобладали а) «разделительная», основанная на анализе, постановка задач и б) стремление к «проведению границ» [Рахилина 1998: 276-277], то в настоящее время речь идёт об интегральном описании различных грамматических явлений, в основе которого лежит синтез полученных знаний о языке и речи. Так, Ю. Д. Апресяну принадлежит идея создания интегрального словаря, в котором лексика и грамматика, включая семантические и прагматические правила, так или иначе согласованы друг с другом [Апресян 1995: 178].

На наш взгляд, при составлении такового словаря было бы вполне справедливо учитывать еще один фактор, а именно результат «создания» языковой личностью высказывания – ключевой единицы не только текста, но и дискурса. При этом

слово и его словарная дефиниция (толкование, определение) выступают как определённый фон (материал) для формирования лексемного коммуникативного значения, того значения, которое приобретается во время создания языковой личностью того или иного монологического либо диалогического текста.

Основная часть

1.Когнитивный аспект грамматической семантики неопределённого артикля в английском языке

Отметим также, что именно в когнитивных исследованиях процесса грамматикализации, учитывающего взаимодействие семантики, грамматики и прагматики, особенно заметны такие изменения в ментальных состояниях говорящих, как «семантическое выветривание» (semantic bleaching) [Givon 1979] и «семантическое затемнение» (semantic attenuation) [Langacker 1991]. В частности, О.К. Ирисханова, рассматривая вопрос о появлении артиклей в английском языке, возникших из указательных слов (числительного ***one*** и местоимения ***this***), и ссылаясь на работы Э. Трого, пишет об использовании указателей, изначально связанных с физическим присутствием объектов в поле зрения говорящего. Однако, когда в ходе грамматикализации данные лексемы трансформировались в артикли, они приняли на себя функцию указания на те ментальные сущности, которые, предположительно, доступны для сознания говорящих в ходе акта коммуникации, но вовсе не обязательно присутствуют при нём [Ирисханова 2014: 43-58].

Очевидно, что все вышесказанное позволяет констатировать, что английские артикли обладают некой структурой «наследования», которое понимается как перенесение определённого объёма семантической информации от слов-указателей (***one*** и ***this***) словам-артиклям (***a***/***an*** и ***the***). Так, «процедуре наследования» посвящена, в частности, научная работа известного американского когнитолога Дж. Пустейовского, который особо подчёркивает, что «наследоваться» может информация любого рода: «родительское слово» передаёт «по наследству» информацию производному от него слову [Pustejovsky 1995: 61].

2.Функционирование неопределенного артикля и абстрактного существительного

Исходя из сказанного, в нашей статье ставится следующая конкретная задача: установить связь семантических значений неопределённого артикля в английском языке с субъективной модальностью и рассмотреть вопрос о функционировании сочетаний неопределённого артикля с абстрактными (отвлечёнными) существительными. Это те существительные, которые не имеют материального денотата (предмета соотнесения), а, следовательно, не обладают денотативным типом значения: *tiredness* (усталость), *pride* (гордость), *pleasure* (удовольствие), *wisdom* (мудрость) и пр. Для них характерно наличие собственно сигнификативного значения, поскольку предмет и понятие (денотат и сигнификат) совмещаются в них в пределах одного словесного знака.

Помимо этого, семантическое обоснование абстрактности по грамматическому обоснованию таковым может и не являться: chance – *chances; idea – ideas* и т.д. Как правило, абстрактные имена опредмечивают физические и эмоциональные состояния человека (*tiredness – усталость, pride – гордость, pleasure* – удовольствие и пр.), позволяя ему только косвенно, визуально наблюдать за ними. Тем не менее мы понимаем и воспринимаем эти состояния изнутри. Это понимание приходит из наших ощущений, базирующихся на внешних проявлениях причины, приводящей к определённому результату/следствию: человек много и усиленно работал —> устал. По-видимому, наблюдая за тем или иным событием, мы испытываем радость, печаль, гордость и пр.

Помимо этого, степень социализации и культурный уровень языковой личности во многом определяют значения отвлечённых существительных. Так, например, употребление лексемы *pride* (гордость) зависит не от рефлекторной реакции субъекта, вызванной биологически ориентированной эмоцией (таких, например, как страх, гнев и пр.), унаследованной человеком от предшественников по эволюции, а является продуктом осмысления происходящего: контролируемый эмоциональный анализ окружающей действительности (события, явления и пр.) приводит к синтезированию социально и

культурно ориентированного чувства как субъективного ощущения объективных обстоятельств. Генерация этого чувства напрямую связана с осмыслением происходящего: тот или иной объективный, социолизированный фактор стимулирует появление этого подконтрольного внешним обстоятельствам положительного чувства, имеющего определённые эмоциональные внешние проявления.

3.Семантические особенности адаптативного перевода сочетаний неопределенного артикля и абстрактного существительного

Показательно, что поскольку английский артикль не имеет формально-грамматического соответствия в русском языке, то он переводится на русский язык сравнительно редко. Перевод английского артикля осуществляется только в тех случаях, когда требуется так или иначе компенсировать его смысловую роль в сочетании с существительным. Так, неопределённый артикль чаще всего переводится на русский язык при помощи специальных, субъективно мотивированных модальных знаков (лексем) приблизительной номинации: *какой-то, некий, некоторый, нечто, своего рода, пожалуй* и пр. Весьма примечательно, что Е.В. Падучева относит их к группе слов, передающих такую разновидность *неизвестности*, как «неточность номинации» [Падучева 1985: 211].

Следует отметить, что достаточно трудно порой провести чёткую границу между лексическим и грамматическим значением. Речь идёт о процессе грамматикализации лексем: преобразование некоторых лексических единиц в грамматические. Как отмечает В. А. Плунгян, касаясь актуального вопроса разграничения *грамматического* и *неграмматического*, «… разные объекты должны всего лишь найти определённую позицию на «шкале грамматичности» (и не так уж принципиально важно, насколько ближе или дальше от экстремумов этой шкалы они будут помещаться), а это совсем не то же самое, что 'строго' или 'формально' провести границу…» [Плунгян 2000: 356].

Так, в настоящее время лингвисты выделяют две – внешнюю и внутреннюю – лексическую и грамматическую зоны.

Граница между «внешней» зоной грамматики и лексики представляет собой противопоставление полнозначных (самостоятельных) и служебных (несамостоятельных) единиц языка. Л. Талми относит полнозначные единицы языка к лексической (открытой) подсистеме языка, в то время как служебные слова – к грамматической (закрытой) подсистеме языка [Talmy 1988: 50]. Весьма важной отличительной чертой английского артикля как грамматической, несамостоятельной единицы языка является «… относительно меньшая сложность и б***о***льшая отвлечённость» [Князев, 2007: 23] его значений по сравнению с полнозначными, самостоятельными единицами языка (существительными, прилагательными, глаголами и пр.). Вполне естественно, что артикль не имеет разветвлённой ассоциативной структуры, а его семантика существенно ограничена: для него более характерно наличие реляционного значения, зависимого от основного (базисного) значения существительного.

Ещё чрезвычайно важными свойствами английского артикля являются не только а) его полная зависимость от существительного, но и в связи с этим б) относительно высокая степень его повторяемости, обязательности и регулярности. Так, отмечая взаимозависимость английского артикля и существительного, стоит обратить внимание на возможность эффективного воздействия английского артикля на семантику существительного, в то же время существительное бесспорно оказывает влияние на семантику артикля, а точнее – полностью определяет её.

Артикль в английском языке относится к грамматическому классу служебных слов, при этом важно понимать, что он «служит» не формальной грамматике, а конкретному носителю английского языка. Вполне закономерно, что некоторые социальные и психологические факторы определяют субъективно обусловленное содержание этого уникального грамматического явления. В данном случае речь идёт о тех факторах, которые вполне целенаправленно разрушают строгие грамматические запреты, налагаемые на употребление артикля в тех или иных грамматических конструкциях.

Когнитивные способности человека позволяют ему переосмысливать функционирование артикля в английском языке и создавать новые, более креативные грамматические структуры, отвечающие в большей степени его творческим замыслам. Естественно, что это приводит к расширению семантических возможностей артикля, который принимает самое активное участие в формировании новых понятий и смыслов существительных в отдельных текстовых высказываниях. Обнаруживается, что, благодаря артиклю, существительные могут содержать дополнительную информацию о диапазоне как количественных, так и качественных характеристик. Ср.: "… and what Dartie had was really good – ***a three to one chance*** (выделено нами. – И. Ж.) for an autumn handicap, publicly assessed at twenty-five to one" [Galsworthy 2018: 21] // «…а то, что было у Дарти, было безусловно хорошо: ***три к одному*** на осеннем гандикапе, при котировке двадцать пять к одному» [Голсуорси 2021: http]. Как видно из русского текста, переводчик не перевёл неопределённый артикль на русский язык, а использовал переводческий приём *опущения*. В то время как в данном английском высказывании автор нетрадиционно использовал неопределённый артикль, при помощи которого передал значение «приблизительно, примерно, около»: '***a three to one chance***' означает «примерно / приблизительно три к одному».

Формальная грамматика при описании правил употребления артикля в английском языке исходит из логического подхода к языку. В то время как неформальная грамматика, базирующаяся на смысловом моделировании текста и принимающая во внимание возможности генеративного лексикона языка, предполагает обращение к композиционалной его функции, принципиально учитывающей субъективный фактор при построении текста. Именно композиционалная функция языка определяет тот или иной смысл артикля в различных контекстах. Автор текста, формируя смысл высказывания, подчас по-своему трактует правила сочетания артикля и существительного. Именно автор творчески переосмысливает семантические возможности таких служебных слов, как артикли, целенаправленно сужая либо расширяя их значения «определённости / неопределённости».

4.Ментальная модель отвлеченности, представленная в семантике неопределённого артикля

Семантика мышления позволяет спроектировать ментальную модель отвлечённости как некой формы абстракции: комбинация неопределённого артикля и отвлечённого существительного означает только то, что базовым понятием является всё же не собственно абстракция как таковая, а те мини-элементы понятия, которые составляют её сущность: а) очерченные самой языковой личностью границы возможного – индивидуализм и б) такое качество этого явления, как самостоятельность мыслительной деятельности человека – самодостаточность.

«Родительским» словом неопределённого артикля в английском языке является числительное ***one***, передавшее ему «по наследству» информацию о такой количественной характеристике объекта, как его единичность. То, что неопределённый артикль может употребляться с отвлечёнными существительными со всей очевидностью указывает на способность человеческого мозга структурировать материю в виде поддающихся счёту единиц, либо так или иначе разбивать её на отдельные «детали» – фрагменты и части. Так, лексема ***pride*** в словаре OALDCE под редакцией A.S. Hornby трактуется, как “feeling of satisfaction arising from what one has done, or from persons, things, etc. one is concerned with”: ***take (a) great pride in*** one’s achievements / in the success of one’s children” [OALDCE 2005: 157]. При этом выражение ***take great pride in*** указывает на отсутствие границ у испытываемого человеком чувства удовлетворения (целостность, неделимость перцепции / ощущения *гордости*: в целом), в то время как ***take a great pride in*** свидетельствует о том, что распознаётся и осмысливается отдельный фрагмент / момент происходящего (фрагментарность этого ощущения: здесь и сейчас). Например, “Winifred let him go with *an unhappy pride*” (выделено мною курсивом – И. Ж.) [Galsworthy 2018: 33] // «Уинфрид, огорчённая и в то же время польщённая, отпустила его» [Голсуорси 2021: http].

Для нас не менее важно понять семантику *неопределённости* / *неизвестности*, присутствующую в неопределённом артикле. Благодаря некоторым семантическим

признакам оппозиционную пару *«определённость – неопределённость»* можно отнести к семантическим грамматическим универсалиям. При этом недостаточность семантической структуры, а именно отсутствие жёсткого семантического структурирующего каркаса, предопределило широту их интерпретаций, а также предоставила возможность автору текста, в частности художественного произведения, избежать формальной строгости использования в том числе и грамматических конструкций, в которых, как правило, господствует субъективная модальность.

Прагматика рассматривает *неопределённость* в стратегическом и тактическом аспектах (ракурсах). В человеческих отношениях наиболее ярко значимость *неопределённости* представлена в следующем широко распространенном шутливом высказывании в дипломатическом сообществе:

«Когда леди говорит «***нет***», она имеет в виду «***может быть***».

Когда дипломат говорит «***да***», он также имеет в виду «**может быть**».

Когда леди говорит «***может быть***», она имеет в виду «**да**».

Но если дипломат говорит «***может быть***», то он имеет в виду «***нет***».

Если леди говорит «***да***», то она НЕ ЛЕДИ.

Если дипломат говорит «***нет***», то он НЕ ДИПЛОМАТ».

Таким образом, вполне естественно предположить, что *неопределённость* – в приведённом выше примере выраженная субъективным модальным устойчивым словосочетанием '*может быть*' – обладает невероятной семантической изобретательностью.

Так, с одной стороны, стратегическая «туманность» *неопределённости* (то ли '*да*', то ли '*нет*'; либо *ни 'да', ни 'нет'*) может быть весьма опасной и произвести обратный эффект на получателя информации. Несомненно, семантическая *неопределённость*, представленная в английском языке в том числе и в *неопределённом артикле*, так или иначе передаёт информацию об объединении двух – возможно конкурирующих

между собой – взглядов: *согласие* (как результат: мир, спокойствие, дружба и пр.) – *несогласие* (как результат: война, протест, вражда и пр.).

С другой стороны, *неопределённость* чаще всего указывает на дефокусирование субъективной оценки, на её нейтрализацию: отрицательная либо положительная оценка подавляется говорящим, отдающим предпочтение нейтральному (консенсусному) подходу к ней. Это свидетельствует о том, что при использовании *неопределённого артикля* в конструкциях с отвлечёнными существительными возможно возникновение трудностей при определении семантического наполнения субъективного оценочного высказывания. Субъективная модальность накладывается на объективное содержание таких высказываний, при этом реципиент помимо объективной информации, получает дополнительную эмотивную информацию об а) ощущениях и чувствах говорящего / слушающего: *тревога, растерянность, неуверенность* и пр.; б) ментальном состоянии: *раздумывание, размышление* и пр.

В английской художественной литературе достаточно часто встречаются сочетания *неопределённого артикля* с некоторыми отвлечёнными существительными. Это именно тот лексико-грамматический феномен, который с полным правом можно отнести к собственно авторскому обращению к читателю: от себя лично, а не от героев художественного произведения. Таким образом, английский *неопределённый артикль* позволяет читателю либо согласиться с частным мнением автора произведения, либо отвергнуть его точку зрения, при этом не поменяв свое восприятие главных героев романа.

Вполне естественно, что *неопределённый артикль* в сочетании с отвлечённым существительным даёт возможность автору произведения точно описать внутреннее эмоциональное состояние героев художественного произведения. В частности, Дж. Голсуорси достаточно часто использовал этот «скромный» лексико-стилистический приём при описании своих героев, тем самым устанавливая своё видение их характеров, а также формируя эмоциональный – чаще тревожный, неспокойный – климат происходящего.

“The hands of Swithin’s watch, which he still held open in his hand, had left eight behind; it was half an hour beyond his dinner-time – he had had no lunch – and *a strange primeval impatience* (выделено нами курсивом – И. Ж.) surged up within him” [Galsworthy 2018: 40] // «Стрелки на часах, которые Суизин все еще держал в руке открытыми, миновали восемь; обычно он обедал на полчаса раньше, а сегодня и завтрака не было – какое-то странное, первобытное нетерпение поднималось в нем» [Голсуорси 2021: http].

Семантика абстрактного существительного *impatience* (*нетерпение*), передающего состояние субъекта, в сочетании с неопределённым артиклем ограничена, при этом обязательным элементом в данном высказывании является наличие препозитивного определения, выраженного прилагательными *strange* и *primeval*. Полагаем, что включение автором в текст высказывания этих прилагательных весьма показательно: оно вносит важное уточнение в словосочетание *a strange primeval impatience*. Понятие *нетерпения* выступает в своём основном неисчисляемом значении, однако автор текста не только констатирует наличие чувства, но и называет его, тем самым выделяя, некоторые, в данном случае весьма важные его характеристики (характерные проявления). Семантика этого прилагательного указывает на внутреннюю, трудно объяснимую – а потому неопределенную – тревогу, которую испытывает главный герой. Адаптативный перевод английского высказывания на русский язык позволил переводчику сохранить смысловое, эмоционально-экспрессивное и оценочное содержание, закреплённое в словосочетании *a strange primeval impatience*: какое-то (неопределённый артикль ***a***) странное (***strange***), первобытное (***primeval***) нетерпение (***impatience***). Предложенный вариант перевода позволяет читателю – реципиенту переводного текста –воспринимать его также, как и получателю оригинального текста.

Заключение

Представленный в статье теоретический и практический материал указывает на необходимость при переводе текста ориентироваться автору перевода на сохранение содержания, а

также на сохранение коммуникативных и художественных ценностей текста-оригинала. При этом успешность перевода зависит в том числе и от внимательного отношения переводчика к малым языковым элементам. В английском языке к таким элементам безусловно относятся артикли, роль которых в некоторых высказываниях существенна, поскольку активно формирует их семантическое содержание. При переводе английских артиклей переводчик обязан использовать различные компенсаторные приемы, в том числе и ввод в переводной текст дополнительных, уточняющих элементов.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 472 с.
2. Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах / Перевод М. Богословский. — М.: Известия, 2021. [Электронный ресурс] ULR: http://lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/saga3.txt (Дата обращения 21.04.2021)
3. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 320 с.
4. Князев Ю.П. Проблемы описания грамматической семантики // автореф. дис. … доктора филологических наук, специальность 10.02.19. — СпБ.: СПГУ. — 26 с.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношение с действительностью. — М.: Наука, 1985. — 271 с.
6. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М.: URSS Editorial, 2003. — 384 с.
7. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, периодизация, идеи, результаты // SiI. Вып. 36. — М.: Языки русской культуры, 1998. — С. 274-323.
8. Galsworthy J. The Forsyte Saga, Volume II. Indian Summer of a Forsyte. — London: T8Rugram, 2018. — 454 p.
9. Givon T. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy. — NY: Academic Press, 1979. — 297 p.
10. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. — Berlin & New York: Mouton de Gruyter,1991. — 395 p.

11. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of current English. — Oxford.: Oxford press, 1987 — 1041 p.
12. Pustejovsky J. The Generative Lexicon. — Cambridge: MIT Press, 1995. — 298 p.
13. Talmy L. (). Force Dynamics in Language and Cognition // Cognitive Science, Vol. 12. — London: MIT Press Cambridge, 1988. — P. 49-100.

References

1. Apresyan, YU.D. Izbrannye Trudy. T. 2 [Selected Works, Vol. 2.]. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral Language Description and System Lexicography]. M.: Languages of Russian Culture. 1995. – 472 pp. (in Russian).
2. Galsworthy, J. (2021). Saga o Forsajtah [The Forsyte Saga]. / Perevod M. Bogoslovskij. M.: Izvestiya. [Elektronnyj resurs] ULR: http://lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/saga3.txt (Data obrashcheniya 21.04.2021). (in Russian).
3. Iriskhanova, O.K. Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus Games in the Language. Defocusing Semantics, Syntax, and Pragmatics]. M.: Languages of Russian Culture. 2014. – 320 pp. (in Russian).
4. Knyazev, YU.P. Grammaticheskaja semantika: russkij jazyk v tipologicheskoj perspective [Grammatical Semantics: The Russian Language in a Typological Perspective]. M.: Languages of Russian Culture. 2007. – 704 pp. (in Russian).
5. Paducheva, E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu [The Utterance and its Relation to Reality] M.: Nauka. 1985. – 271 pp. (in Russian).
6. Plungyan, V.A. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General Morphology: An Introduction to Problematics]. M.: URSS Editorial. 2003. – 384 pp. (in Russian).
7. Rahilina, E.V. Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezul'taty [Cognitive Semantics: History, Periodization, Ideas] // SiI. Vyp. 36, M.: Languages of Russian Culture. 1998. – pp. 274-323 (in Russian).
8. Galsworthy, J. The Forsyte Saga, Volume II. Indian Summer of a Forsyte. London: T8Rugram. 2018. – 454 p.

9. Givon, T. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy. NY: Academic Press. 1979. – 297 p.
10. Langacker, R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. 1991. – 395 p.
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford.: Oxford univ. press. 1987. – 1041 p.
12. Pustejovsky, J. The Generative Lexicon. Cambridge: MIT Press. 1995. – 298 p.
13. Talmy, L. Force Dynamics in Language and Cognition // Cognitive Science, Vol. 12. London: MIT Press Cambridge. 1988. – pp. 49-100.

УДК 81`25

Мигдаль Ирина Юрьевна
Irina Migdal

Особенности передачи индивидуально-авторских неологизмов при переводе художественного текста

Peculiarities of Translating Author’s Individual Neologisms in Literary Texts

Аннотация. *Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода серии детских повестей об Алисе Селезневой советско-российского автора-фантаста Кира Булычева привлекает внимание к особенностям использования переводческих стратегий для передачи значения индивидуально-авторских неологизмов. Будучи неотъемлемым элементом словотворчества конкретного автора, данный тип лексических единиц характеризуется особой стилистической функцией – созданием яркого образа, выполняющего определенную прагматическую задачу (например, репрезентацию новой картины мира, оценку или критику окружающего мира, создание комического и художественного эффекта, сокрытие или искажение смысла). Основное внимание в работе автор акцентирует на специфике применения ключевых переводческих стратегий (транскрипция и транслитерация; калькирование; описательный перевод; функциональная замена; расширение (генерализация) понятия) в творческом процессе передачи денотативного, коннотативного и прагматического аспектов значения*

данного типа неологизмов в англоязычном варианте перевода (на примере перевода цикла Джоном Костелло). Полученные результаты демонстрируют значимость языковой и социокультурной компетенции в процессе достоверной реализации художественного замысла автора исходного текста на переводном языке.

Abstract. *The comparative analysis of the original and translation texts of the children series of novels about Alice Seleznyova by the Soviet-Russian science fiction writer Kir Bulychev has drawn attention to the peculiarities of translation strategies application in transferring the meaning of author's individual neologisms. Being an inseparable element of a certain author's lexical creativity, this type of lexical units is characterized by a special stylistic function, that is creating a vivid image fulfilling a particular pragmatic task (for instance, representing a new picture of the world, evaluation or criticism of the surrounding world, creating a comic or artistic effect, meaning concealment or distortion). The author focuses on the specificity of the common translating strategies application (transcription / transliteration, translation loans, descriptive translation, functional equivalence, generalization) in the creative process of transferring the author's individual neologisms' denotative, connotative and pragmatic meaning aspects in an English variant of the text (on the basis of the series translation by John H. Costello). The results demonstrate the importance of language and socio-cultural competence in realizing the original artistic intent and compositional completeness in the translated text.*

Ключевые слова: *индивидуально-авторский неологизм, культурная маркированность, способы перевода*

Key words: *author's individual neologism, cultural markedness, translation ways*

Введение

Растущий интерес современной детской читательской аудитории к зарубежной художественной литературе предлагает широкие возможности анализа эффективности традиционных переводческих стратегий в передаче авторского замысла и раскрытия прозрачности внутренней формы индивидуально-авторских неологизмов - лексических новообразований, представляющих собой результат словотворчества отдельного автора и отражающих наиболее яркие и стилистически оправданные экспрессивные краски тех или иных словообразовательных моделей языка. Так, современная лингвистика активно исследовала успешность передачи языкового разнообразия авторских окказионализмов серии романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере, выполненные официальными издательствами («Росмэн» и «Махаон») и независимыми переводчиками (М.В. Спивак) [Левченко 2015 : 65-72; Мигдаль 2014: 276-285; Сафронова 2016]. Учитывая выделенные преимущества и недостатки переводческих трансформаций в тексте перевода, наше внимание привлек

вопрос об особенностях переводческой работы с индивидуально-авторскими неологизмами русскоязычных художественных текстов. Практическим материалом исследования стали тексты оригиналов цикла рассказов «Девочка с Земли» фантаста Кира Булычева (1965) [Булычев 2007] и перевод этой книги “Alice: The Girl from Earth”, выполненный Джоном Костелло (2002) [Bulychev URL: https://royallib.com/book/Bulychev_Kir/Alice_The_Girl_From_Earth.html].

Таким образом, объектом исследования выступают авторские неологизмы как одна из разновидностей неологизмов, используемых в творчестве конкретных авторов в качестве лексического средства художественной выразительности или языковой игры. Предметом исследования становится сравнительная характеристика стратегий перевода, использованных в англоязычном тексте для передачи индивидуально-авторских неологизмов Кира Булычева (повести «Девочка, с которой ничего не случится» и «Путешествие Алисы»).

Индивидуально-авторские неологизмы как особый тип неологизмов

Существует широкий спектр подходов по определению сущности неологизма как лингвистического понятия. Так, в рамках психолингвистической теории (Тверской университет) неологизм рассматривается как языковая единица, ранее не встречавшаяся в индивидуальном речевом опыте носителя языка; лексикографическая теория определяет неологизмы как слова, отсутствующие в современных словарях (западная неология); денотативная теория («Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, энциклопедия «Русский язык» (1979), пособие В.А. Козырева и В.Д. Черняк «Русская лексикография» (2004) и многие другие) описывает неологизм как слово, обозначающее новое явление (денотат, реалию) или понятие; сторонники структурной теории (А.Г. Лыков, Р.Ю. Намитокова) относят к неологизмам слова, обладающие абсолютной структурной, формальной новизной и представляющие собой уникальные

звукосочетания, воспринимающиеся как нечленимые, непроизводные, немотивированные единицы; конкретно-исторический подход (Н.З. Котелова) классифицирует неологизмы как слова, значения слов и идиомы, существующие в определенном языке, подъязыке и языковой сфере и не существовавшие в предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере [Попова 2005: 7-16]. Учитывая относительный характер указанных определений (например, критерии «новизна слова» или «отсутствие в лексикографических источниках»), мы можем отметить практическую значимость каждого из указанных подходов, поскольку они представляют ориентиры, достаточные для наиболее точной трактовки или перевода новообразования, вписывающегося в рамки той или иной научной теории. Для нашей работы ключевыми признаками неологизмов становятся критерий новизны и вхождения в определенное «языковое пространство».

Отсутствие единства подходов к определению понятия «неологизм» в современной лингвистической теории способствовало различиям в его дефинициях. Так, мы можем выделить узкое понимание неологизма (Н.М. Шанский, Е.А. Земская, А.Г. Лыков), которое различает неологизмы, являющиеся реальными словами языка, от контекстуальных образований (окказионализмов), и широкое понимание неологизмов (А.А. Брагина, Л.А. Введенская, М.А. Петров, В.Н. Ярцева), объединяющее общеязыковые и речевые (окказиональные) неологизмы. В данной работе мы будем придерживаться широкого понятия данного термина, так как объектом нашего дальнейшего исследования будут индивидуально-авторские неологизмы в творчестве Кира Булычева, рассматриваемые отдельными учеными в качестве окказионализмов, созданных поэтом или писателем и использующихся в художественном тексте как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры. Именно широкая трактовка термина «неологизм» позволит избежать возможных трудностей, связанных с отличием терминологии разных авторов. Согласно этому подходу, неологизмы (от греч. νέος — новый и λόγος — слово) – это слова,

значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи [Ярцева 1990: 404].

Основные черты

Среди разнообразия общеязыковых неологизмов, отражающих новые реалии изменяющейся действительности, особое место занимают авторские (индивидуальные, индивидуально-стилистические) неологизмы, которые создаются авторами для определённых художественных целей. Согласно А.О. Иванову, отличительными особенностями индивидуально-авторских неологизмов являются следующие признаки:

1) ограниченность использования за пределами контекста художественного текста,

2) отсутствие широкого распространения в узусе носителей языка,

3) принадлежность к индивидуальному стилю автора как фактора художественной новизны,

4) наличие особой смысловой нагрузки (денотативного, коннотативного или прагматического аспектов значения) в рамках конкретного произведения [Иванов 2006: 94-96].

Многие авторы указывают в качестве ключевой характеристики неологизма – эффект новизны, представляющее собой явление относительное и неподвергающееся точной количественной или качественной оценке. Можно предположить, что вследствие активного употребления слова, созданного по продуктивной словообразовательной или семантической модели, подобное ощущение новизны может быстро исчезнуть. Особенно очевиден данный стилистический нюанс в рамках художественного текста, когда внедренное автором новообразование становится реалией авторского контекста.

Анализ индивидуально-авторских неологизмов Кира Булычева позволяет выделить наиболее продуктивные словообразовательные модели, в большинстве случаев относящиеся к линейным способам словообразования (согласно

классификации Ю.Н. Несветайло) [Несветайло 2010]. К данному типу относятся:

- словосложение (*пневмопочта, видеофон, продуктопровод*, *вездеход-автомат, монорельс, вибробритва, микрометр, сонные гранаты, пук-ткач-троглодит*),
- аффиксация (*провидеофонить, видеофонная книга, радировать, хронокинный пояс, бронтозавренок, говорун*)
- сложносокращенные слова (*интервидение, космоархеолог, космокатер, разведкатер, винтокрыл, вихрелет, орнитоптер*, *синебарс, биоискатель,*)

Тематически, выделенные нами 80 индивидуально-авторских неологизмов принадлежат к сферам, связанным с фантастическим видением космического будущего Земли. Данные сферы включают в себя:

1) технические новинки, ассоциирующиеся с эпохой автоматизации и покорения космоса (*антигравитатор, автолет, инкубаторий, вездеход-прыгун, супердвигатель, робото-зверята, металлоразведчик, галактий, сшиватель)*;

2) названия новых видов, отражающие биологическое разнообразие разумных и неразумных обитателей разнообразных планет (*шишенерийцы, линеанцы, фиксианцы, склиссы, ушаны, едулки, крокрысы)*;

3) немногочисленная группа профессий, в основном связанная с деятельностью в космосе (*звездолетчик, космофилолог, космобиолог, временщик).*

Сложности перевода

Учитывая прозрачность внутренней формы большинства выделенных неологизмов для русскоязычных читателей, мы поставили задачу раскрыть, какие переводческие стратегии позволили Джону Костелло (John H. Costello) наиболее успешно передать денотативный, коннотативный и прагматический аспекты значения окказионализмов. Наибольшая сложность заключается в том, что важным элементом данного типа лексической единицы является как смысл, заложенный автором, так и эффект новизны, присущий конкретному слову. Перевод индивидуально-авторского неологизма может считаться

адекватным, если переводчику удалось передать оба эти значения, создав аналогичный неологизм в тексте перевода.

Теория перевода предполагает использование следующих основных приемов при переводе авторских неологизмов:

1) Переводческая транскрипция (фонетическая имитация исходного слова) – это формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводного языка. Схожий прием – транслитерация **(**буквенная имитация формы исходного слова) представляет собой формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка [Казакова 2003: 63-77].

В анализируемых текстах перевода повестей об Алисе Селезневой данные прием использовался в 11 из 80 случаев. В основном при помощи транскрипции переводчик вводил инопланетные зоологические новшества, звуковая форма наименований которых не несет денотативного смысла, и названия технических девайсов, использующие интернациональные морфемы (video-, -phone, orni-). Следующие примеры ярко иллюстрируют данные выводы:

До сих пор ни марсиане, ни археологи с Земли не смогли найти ни одного строения *тутексов* - только пирамидки, разбросанные по пустыне и занесенные песком. / Up to now, neither the Martians nor the archaeologists from Earth had been able to find a single example of *Tewteqs* construction. Just pyramids, scattered around the desert and drowned in sand.

Во время долгого пути у *шушихи* родилось шесть *шушат*.

/ Over the course of the long flight back to Earth the *Shushe*s gave birth to six kits.

Подготовка к встрече *лабуцильцев* проходила торжественно. / The preparations for the meeting with the *Labucillians* were an enormous public spectacle.

На высоком постаменте стояли три каменных капитана. Даже издали было видно, что два из них - люди. Третий - трехногий тонкий *фиксианец*. / It was the Three Captains. Their monument had been erected on a very tall base; even from far away

you could make out that two of them were human beings. The third was a spindly, three legged *Fyxxian*.

Я вспомнил о *склиссах*. О склиссах с планеты Шешинеру. /I've just remembered the *skliss* from the planet Sheshineru.

2. Калькирование – это переводческий прием, при котором происходит воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или звукосочетания, при этом составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка [Казакова 2003: 89-93]. 30 случаев применения данного приема из выделенных нами 80 примеров индивидуально-авторских неологизмов позволяют подтвердить эффективность данной переводческой стратегии для передачи денотативного и коннотативного значения новых слов. Способность переводчика вычленить смысловые морфемы неологизма позволили ему активно формировать новые англоязычные слова, отражающие фантастические реалии будущего, что можно увидеть в следующих примерах:

Небо Подмосковья было увешано вертолетами, *винтокрылами*, *орнитоптерами*, *вихрелетами* и прочими летательными аппаратами. / The sky over Moscow was cluttered with helicopters and other *rotary wing aircraft*, *ornithopers*, *whirlagons* and anything else that could be up into the sky.

В тот день я работал дома, писал статью для "Вестника *космозоологии*". / On that day I was working at home, writing an article for *Cosmozoology* Courier.

- Дай на один *день синебарса*. / "Loan me one of your Centaurian *Blue Leopards* for one day."

Конгресс *космофилологов* в полном составе приехал на экскурсию в зоопарк. /A whole visiting Congress of *Cosmolinguists* came for a mass visit to the Zoo.

Запустим в озеро *биоискатель*. Настроим его на рыб, и как только он обнаружит рыбу, даст сигнал. / I'll send *a bioscout* into the lake. I'll program it to search for fish; as soon as it catches sight of one it will signal us.

Зеленый послушался меня и включил *вибробритву*. / Zeleny nodded to me and turned on the *vibroblade*.

Интересен вариативный характер передачи морфемы «космо» на английский язык в составе сложнопроизводных словообразований. Согласно анализу полученной выборки, мы можем говорить о 3 способах передачи морфемы: при помощи морфем «space», «astro» и «cosmo» (космовокзал - space port terminal, космобиолог - cosmobiologist, космоархеолог – astroarchaeologist).

3. Описательный перевод предполагает замену отсутствующего эквивалентного или вариантного соответствия развернутым объяснением. 9 случаев из 80 демонстрируют ограниченность в употреблении данного переводческого приема, поскольку замена индивидуально-авторского неологизма, означающего конкретное явление или предмет, развернутой конструкцией несколько снижает динамику повествования и нарушает основный принцип перевода – поиск эквивалента, обладающий вышеизложенными признаками (эффект новизны и передача заложенного значения). Данное положение можно проиллюстрировать следующими примерами:

- А почему голодная?

- Потому что у нее в избушке нет *продуктопровода*.

"But why is she hungry?"

"Because *there are no stores nearby, and no food service* to her castle."

Как только об этом было объявлено по *интервидению*, в Москву начали слетаться со всех сторон ученые и корреспонденты. / No sooner had the news hit the *info services* and the Net scientists and correspondents began to pour into Moscow from all over.

Все преподаватели и роботы интерната, десять марсиан в скафандрах (им приходится надевать скафандры, когда они входят под купол, в земной воздух), *звездолетчики*, начальник спасателей Назарян, археологи… / All the teachers and the schools robots, the ten Martians in space helmets (they had to wear helmets when they went into the dome where there was an Earth atmosphere) space men, the emergency search team chief Nazaryan, archeologists…

Пока мы начнем с того, - ответил Полосков, - что запустим над планетой *металлоразведчик*. / "First thing we'll do

is orbit a *scanning satellite* over the planet."- Poloskov said, - "And have *it hunt for metal concentrations*."

4. Функциональная замена представляет собой переводческий прием, основанный на поиске наиболее близкого эквивалента из существующих лексем. По существу, именно переводчикам первым приходится принимать «удар на себя», изобретать функциональные соответствия, которые впоследствии могут оказаться либо удачными и войти в словарь переводящего языка, а вслед за этим – и в двуязычные словари, либо менее удачными, пригодными только для разового употребления.

В тексте перевода повестей об Алисе Селезнева нам встретились 17 примеров использования данного типа переводческих трансформаций. В основном, предложенные Джоном Костелло варианты индивидуально-авторских неологизмов относятся к названиям новых зоологических видов или технических новинок и в своем составе содержат морфемы, отражающие денотативный и прагматический аспекты значения.

Так, например, неологизм «головаст» образован от «головастик» (поскольку отражает тип размножения данного космического животного, при этом отсутствие уменьшительного суффикса «ик» указывает на более крупный размер представителей), что передано в англоязычном варианте сложносокращенным словом «tadprowler», где помимо лексемы «tadpole» (англ. «головастик») включена и лексема «prowl» (англ. «рыскать, бродить, красться»), отражающая характер поведения данного вида. Подобные творческие новообразования можно проследить в следующих примерах из текста:

Мне приходилось слышать о разных рептилиях Арктура, но с *головастом* я еще не встречался./ I had occasion to hear about various of the local reptiles, but so far I had not encountered a tadprowler.

Доктор остановился перед каменной глыбой. На ней были выбиты слова на *космоязыке*. / The doctor stopped in front of a stone block. Carved into it were these words in *InterGal*.

Сейчас я должна спешить. Я ищу *живую туманность*. /
I have to be off in a hurry. I'm hunting a *living cloud*.

Он был очень похож на вентилятор. У него было три больших круглых уха, и когда он говорил, то вертел головой так, что поднимался ветер. Поэтому в Галактике жителей Блука прозвали *ушанами*. / He was very similar to a fan. He had three enormous round ears, and when he spoke his head bobbed up and down so much it produced a wind. That's why, out in the Galaxy, they called the inhabitants of Blooke *Audites*.

И не спрашивайте. Кто-то истребил почти всех *говорунов*. / You shouldn't ask. Someone exterminated nearly all the Blabberyaps."

И еще возьмите справочник "Как кормить *индикатор* и как добиться нежно-розовых эмоций". / And yes, this booklet "Feeding your *Empathicator*, and keeping him in the best color."

5. Расширение (генерализация) понятия как тип переводческой трансформации наиболее часто используется при переводе безэквивалентной лексики, когда в переводном языке нет эквивалента конкретной лексической единицы, но есть слово более широкого значения [Иванов 2006: 95]. 13 примеров использования данного приема в переводе повестей Кира Булычева позволяют передать денотативное значение, потеряв коннотативный или прагматический аспекты значения.

В качестве иллюстрации можно использовать следующие примеры:

Экспедиция привезла целый фильм о шушах, который прошел с большим успехом во всех кинотеатрах и *видеорамах*. - The expedition made an entire film about the shushers which had been enormously successful on the entertainment channels and *the web*.

Достаточно надеть на себя *хронокинный пояс*... / One need only put on *the Time Belt*...

Верховцев сразу же ответил, что с радостью встретит нас и проведет на своем *космокатере* через опасный пояс астероидов, который окружает планету Трех Капитанов. / Verkhovtseff answered immediately that he would be delighted to meet with us and would lead us through the dangerous belt of asteroids that surrounded the Three Captains' World in his own *speedster*.

Я запретил ей появляться *в инкубатории*, но она сказала, что не может меня послушаться, потому что ей жалко Бронтю. / I utterly forbade her to go anywhere near *the incubator*, but she just said

to me, as though she had not heard a word that I said, “I feel so sorry for Bronty.”

Заключение

Принимая во внимание высокую степень образности индивидуально-авторских неологизмов в художественном тексте, необходимо признать творческий характер процесса их перевода. Будучи продуктом воображения автора, они создаются для определенных целей в контексте конкретного произведения, значит, требуют максимальной мобилизации знаний и умений переводчика для реализации художественного замысла автора исходного текста на переводном языке.

Отсутствие единого, универсального для всех языков способа перевода индивидуально-авторских неологизмов позволяет привлечь ряд стратегий для передачи исходного значения в единстве их денотативного, коннотативного и прагматического аспектов. В каждом индивидуальном случае переводчик учитывает целый ряд факторов, которые позволили бы передать ассоциативность мышления и богатство словотворчества автора текста человеку, читающему его на иностранном языке.

Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода серии фантастических повестей Кира Булычева позволил нам выделить случаи применения всех 5 основных способов перевода. При этом в качестве ключевых типов переводческих стратегий в работе Джона Костелло становятся калькирование, функциональная замена и транскрипция, позволившие максимально точно передать смысловые оттенки авторских неологизмов. Минимальное использование описательного перевода и генерализации демонстрирует стремление переводчика сохранить эффект новизны, ставший отличительной чертой жанра фантастики, ориентированной на репрезентации картины мира будущего.

Литература

1. Булычев К. Девочка с Земли. - М.: Эксмо, 2007. - 512с.
2. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. – СПб: Университет, 2006. – 192 с.

3. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб: Союз, 2003. – 320 с.
4. Левченко М.Н. Особенности перевода авторских неологизмов произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2015. –№2. – С. 65-72.
5. Мигдаль И. Ю. Индивидуально-авторские неологизмы в текстах фэнтези как переводческая проблема // Языки и культуры в современном мире: Материалы XI международной конференции, Париж, 02–07 июня 2014 года. – Париж: Некоммерческое партнерство "Национальное общество прикладной лингвистики", 2014. – С. 277-286.
6. Несветайло Ю.Н. Неологизмы и окказионализмы как конституенты лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. - Ставрополь, 2010. - 169 с.
7. Сафронова А.А. Варианты переводов на русский язык имен собственных в романах Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2016. - №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/varianty-perevodov-na-russkiy-yazyk-imen-sobstvennyh-v-romanah-dzh-k-rouling-o-garri-pottere (дата обращения: 25.04.2021).
8. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
9. Bulychev K. Alice: The Girl from Earth URL: https://royallib.com/book/Bulychev_Kir/Alice_The_Girl_From_Earth.html (дата обращения: 05.05.2021).

References

1. Bulychev K. Devochka s Zemli [The Girl from Earth]. - M.: Eksmo Publ, 2007. – 512 p. (in Russian)
2. Ivanov A. O. Bezekvivalentnaya leksika [Culture-Specific Vocabulary]. – SPb: Universitet Publ., 2006. – 192 p. (in Russian)
3. Kazakova T.A. Prakticheskie osnovy perevoda [Practical Basics of Translation]. – SPb: Soyuz Publ., 2003. – 320 p. (in Russian).

4. Levchenko M.N. Osobennosti perevoda avtorskih neologizmov proizvedeniya Dzh. Rouling «Garri Potter i filosofskij kamen'» [Peculiarities of Translating Author’s Individual Neologisms in J.K. Rowling’ s novel “Harry Potter and the Philosopher’s Stone]// Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika. – M.: MGOU Publ., 2015. – №2. – Pp. 65-72. (in Russian).
5. Migdal' I. YU. Individual'no-avtorskie neologizmy v tekstah fentezi kak perevodcheskaya problema [Author’s Individual Neologisms in Fantasy Texts as a Translation Problem] // YAzyki i kul'tury v sovremennom mire [Languages and Cultures in the Modern World]: Materialy XI mezhdunarodnoj konferencii, Parizh, 02–07 iyunya 2014 goda [Materials of the XI International Conference, Paris, 2-7June 2014]– Parizh: Nekommercheskoe partnerstvo "Nacional'noe obshchestvo prikladnoj lingvistiki", 2014. – Pp. 277-286. (in Russian)
6. Nesvetajlo YU.N. Neologizmy i okkazionalizmy kak konstituenty leksicheskogo makropolya sovremennogo anglijskogo yazyka: sistemnyj i slovoobrazovatel'nyj aspekty [Neologisms and Occasional Words as Constituents of the Lexical Macro-field of Contemporary English: Systematic and Word Formation Aspects]: dis. kand. filol. nauk: 10.02.04. - Stavropol', 2010. - 169 p. (in Russian)
7. Safronova A.A. Varianty perevodov na russkij yazyk imen sobstvennyh v romanah Dzh. K. Rouling o Garri Pottere [Variants of Russian Translation of Personal Names in J.K. Rowling’s Novels about Harry Potter]// Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk [International Journal of Humanities and Sciences]. - 2016.- №1. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/varianty-perevodov-na-russkiy-yazyk-imen-sobstvennyh-v-romanah-dzh-k-rouling-o-garri-pottere (accessed 25.04.2021). (in Russian)
8. YArceva V.N. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedia]. – M.: Sovetskaya enciklopediya Publ., 1990. — 685 p.
9. Bulychev K. Alice: The Girl from Earth. Available at: https://royallib.com/book/Bulychev_Kir/Alice_The_Girl_From_Earth.html (accessed 05.05.2021).

СЕМАНТИКА

УДК 811.133.1373

Воробьёва Елена Юрьевна
Elena Vorobyeva

Развитие семантики «белого» и «черного» во французском языке

Development of the semantics of "white" and "black" in the French language

Аннотация. *Статья посвящена семантическим значениям цветообозначений «белый» и «черный» в современном французском языке, которые рассматриваются с учетом этимологии и национально-культурной специфики. Являясь базовыми цветами, имеющими лингвокультурологическое значение, белый и черный отражают универсальные представления о мире (*blanc *- день, снег, чистота;* noir *- ночь, темнота, опасность). Цветовые референты, лежащие в основе данных ассоциаций, совпадают с референтами в других языках. При этом во французском языке белый и черный передают специфические представления о мире, отражающие культурно-национальные особенности, требующие дополнительного изучения. Коннотативный потенциал цветообозначений «белый» / «черный» демонстрирует специфику когнитивных способностей французов и способствует созданию богатой палитры оттенков с различными эмотивными смыслами. В процессе цветовой номинации формируются коннотативные значения, представляющие единство семантики цвета и ментально-эмоциональных характеристик. Одним из примеров специфических ассоциативных связей, передающих экспрессивную и эмотивную информацию, являются фразеологические единицы с компонентом цвета. В статье фразеологические обороты анализируются в рамках рассмотрения ядерных и периферийных значений белого и черного. Способность белого и черного к метафоризации позволяет поэтам и писателям создавать яркие субъективные метафорические образы, представленные периферийными семами цветовых микрополей. В художественных произведениях часто используется бинарная оппозиция этих противоположных в культурном и визуальном восприятии цветов с целью контрастного описания действительности. В статье рассматривается семантика цветообозначений «белый» / «черный» в динамике на материале словарей, энциклопедий французского языка и художественных произведений. При анализе лингвистического материала используются методы сплошной выборки, дескриптивного и семантического анализа.*

Abstract. *The article is devoted to the semantic meanings of the color meanings "white" and "black" in the modern French language, which are considered taking into account the etymology and national-cultural specifics. Being the basic colors that have a linguistic and cultural significance, white and black reflect universal ideas about the world (*blanc *- day, snow, purity;* noir*-night, darkness, danger). The color referents underlying these associations are the same as those in other languages. At the same time, in French, white and black convey specific ideas about the world, reflecting cultural and national characteristics that require additional study.*

The connotative potential of the color values "white" / "black" demonstrates the specifics of the cognitive abilities of the French and contributes to the creation of a rich palette of shades with different emotive meanings. In the process of color nomination, connotative meanings are formed, representing the unity of color semantics and mental-emotional characteristics. One example of specific associative relationships that convey expressive and emotive information is phraseological units with a color component. In the article, phraseological phrases are analyzed in the framework of consideration of the nuclear and peripheral meanings of white and black. The ability of white and black to metaphorize allows poets and writers to create vivid subjective metaphorical images represented by peripheral semes of color microfields. The binary opposition of these opposites in cultural and visual perception of colors is often used in order to describe reality in contrast. The article deals with the semantics of the color values "white" / "black" in dynamics based on the material of dictionaries, encyclopedias of the French language and works of art. The methods of continuous sampling, descriptive and semantic analysis are used in the analysis of linguistic material.

Ключевые слова: *цветообозначение, символическое значение, ассоциативный потенциал, коннотация, метафорическая бинарная оппозиция, ядерные и периферийные семы.*

Keywords*: color designation, symbolic meaning, associative potential, connotation, metaphorical binary opposition, nuclear and peripheral semes.*

Введение

Специфичность цветовой категоризации в языках является одной из причин пристального внимания исследователей к процессам отражения цветовых ощущений в языке, который, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, является «сокровищницей, кладовой, копилкой культуры» [Тер-Минасова 2004:13]. Цветообозначения участвуют в создании ассоциативных образов с различной эмоциональной и стилистической окрашенностью. Одними из фундаментальных цветов, имеющими лингвокультурологическое значение, являются цветонаименования *blanc* (белый) и *noir* (черный). Во французском языке зафиксированы многочисленные коннотации с участием *белого* и *черного*, хотя с точки зрения физиологии они не попадают под определение «цвет». Данные коннотации, обладая высокой частотностью употребления, отражены в словарях и Корпусе французского языка (Trésor de la langue française du XIX et du XX siècle 1975; Mollard-Desfour 2005, 2008; Pastoureau 1992; French@VISL Corpuseye).

Обсуждение темы исследования

Ввиду того, что *noir* (черный) является нейтральным ненасыщенным цветом, в котором отсутствует такой цветовой параметр, как яркость, некоторые словари не рассматривают его как цвет [Mollard-Desfour 2005:21]. Однако факт восприятия *черного* как цвета основывается не на физиологическом, а на лингвокультурологическом подходе к черному цвету. Так, *черный*-это цвет мрака и зла (*le noir du mal, le noir du diable*), грусти (*chagrin noir*), сложного периода в жизни (*période noire*), неблагодарности (*noire ingratitude*), опасности (*point noir*) и сильных эмоций (*folie noire, colère noire*).

Noir -e (черный) восходит к латыни, где существовало два термина для обозначения черного цвета: *niger* (черный блестящий) и *ater* (черный матовый). Сначала *ater* не имел специальных коннотаций и обозначал *просто черный*, однако очень быстро приобрел значение *некрасивый, страшный*, а *niger* стал обозначать *нейтральный черный*. Впоследствии *niger* вытеснил *ater* и остался единственным термином, имеющим особенное значение.

В большинстве случаев ассоциативные образы с участием черного цвета имеют отрицательные коннотации: темный, пасмурный (*noir comme la nuit* - черный как ночь), опасный (*pistes noires* - черные трассы), ужасный (*idées noires* - черные мысли), незаконный (*marché noir* - черный рынок). В эмоциональном плане *черный* может обозначать очень сильные переживания (*folie noire, avoir des cases noires dans le cervelet, être noir de rire*). *Черный* также обозначает плодородие (чернозем черного цвета), авторитет, уважение и умеренность (платье судей черного цвета).

В XX-XXI вв. он приобретает коннотации протеста, анархии и критики политической власти. Так, в художественных практиках используется *блэкаут* или закрашивание/вымарывание черной краской, которые трактуются как критика политической идеи «прозрачности». Незначительное число метафорических переносов и сравнений имеет нейтральную семантику. В основу таких сравнений положено визуальное предметное сходство: *noir ébène* (черное дерево), *noir de fumée* (сажа), *noir comme du jais* (черный как смоль).

В современном мире *черный* приобретает коннотацию «стиль», «элегантность», «изысканность» (*noir amincissant* - черный стройнящий, *noir verni* - черный лакированный, *couleur d'une petite robe noire* - цвет маленького черного.

Так же, как и черный, *blanc* (*белый*) вызывает споры по поводу определения его как цвета (В. Кандинский, А. Моллар-Десфур, М. Пастуро, Д. Симоне). С физиологической точки зрения *белый*-это отсутствие цвета. По мнению М. Пастуро и Д. Симоне, *белый* дает равновесие, ценность и красоту всем другим цветам ("*donne leur équilibre, leur valeur et leur beauté à toutes les autres*") [Pastoureau, Simonet 2005:45].

Как правило, *белый*-это *corps blanc* - телесный белый. Значение *белого* как идеального цвета (*blanc-blanc* - белый-белый, *du blanc parfait* – белоснежный), по-видимому, развивается в символические значения добра, чистоты, нравственности, невинности (*blanche colombe* - белая голубка, *être blanc comme neige* - быть белым как снег). Это также цвет рая, божественного начала (*ange blanc*). Это значение белого цвета получило свое развитие в коннотациях «королевская власть», «монархия» (*panache blanc* - белый шлейф, *drapeau blanc monarchique* - белый флаг монархии). Являясь фундаментальным цветом, имеющим культурологическое значение, *белый* передает коннотации «смерть», «пустота», «переход в иной мир» (*blanc du deuil* - белый траурный, *fantômes aux draps blancs* - призраки в белых простынях).

Цветообозначение *blanc* (белый) произошло от позднего латинского *blancus* и пришло во французский язык через заимствование из германского *blank*, которое заменило существующие оттенки: *albus* (белый матовый *blanc mat*) и *candidus* (белый блестящий *blanc éclatant*). *Белый* этимологически обозначает бесцветные (*sans aucune teinte*) или слабо окрашенные предметы (*peu coloré*), однако существуют выражения, где *белый* обозначает блеск (*blanc métal*).

Этимологическая связь *белого* и *блестящего* прослеживается при наименовании цвета металлических предметов (*blanc métal* - мельхиор). До наших дней дошли некоторые выражения с этим значением (*arme blanche* - холодное оружие).

Белый цвет передает сильные эмоции (*colère blanche* - белый гнев, *peur blanche* - белый страх), в основе коннотаций которых - ассоциация с бледной кожей в момент сильных эмоциональных переживаний, так как с точки зрения физиологии в эти моменты происходит отток крови в кожных покровах.

В современном мире маркетинга, дизайна и рекламы *белый* создает коннотации «открытость» и «креативность», так как является символом начала. Символическое значение «чистота» создает коннотации «безопасность», «экологичность» и «свежесть продукта».

Цвета *белый* и *черный*, входящие в состав фразеологических оборотов, несут различную смысловую и эмоциональную нагрузку в зависимости от их образного переосмысления. Анализируя материалы словарей и Корпуса французского языка (Corpuseye; Trésor de la langue française 1975; Mollard-Desfour 2005, 2008; Pastoureau Dictionnaire de la couleur 1992; Dubois, Mitterand, Dauzat 1998; Larousse 1997; Гак 2006) нами исследованы фразеологические обороты и зафиксированы прототипические ядерные значения *белого* и *черного*, а также их периферийные семы. Прототип, по мнению Г. Г. Молчановой, «не покрывает всего разнообразия употреблений данного концепта, которое в зависимости от контекста и динамики дискурса может значительно трансформироваться» [Молчанова 2018:15].

Так, на основе ядерных значений *белого* возникают следующие периферийные семы [Воробьева 2020:111-112]:

- сема «пустота» относится к ядру семантического значения, которое развивает дополнительную сему «отсутствие характерных признаков» или «отсутствие ожидаемого результата»: *page blanche* (чистая страница), *bulletin blanc* (незаполненный избирательный бюллетень), *voix blanche* (бесцветный голос), *sourire blanc* (беззвучный смех), *silence blanc* (полная тишина), *vers blancs* (стихи без рифмы лишены эмоциональности, звука или рифмы), *mariage blanc* (фиктивный брак лишен характерных атрибутов семейной жизни), *le bac blanc* (фиктивный диплом не отражает реальных знаний), *nuit blanche* (бессонная ночь), *rêve blanc* (сон наяву указывают на ассоциацию со светом или днем, а не с ночью и темнотой), *arme blanche*

(холодное оружие обозначает оружие, действующее без огня), *chou blanc* (полная неудача как отсутствие результата);

- семы «неудавшаяся попытка» или «неопытность» являются периферийными семами по отношению к ядерному значению «пустота»: *coup blanc* (холостой выстрел), *coup d'état à blanc* (неудавшийся переворот), *hisser le drapeau blanc* (капитулировать, отказаться от победы), *billet blanc* (невыигравший билет в лотерее), *blancs becs* (неопытный - в основе сема «отсутствие характерных признаков», а именно характерного цвета клюва взрослых птиц);

- сема «чистота» и «невинность» также относятся к ядерной зоне цветообозначения *белый* (*être blanc comme neige* - белый как снег, *être blanc-bleu* - иметь безупречную репутацию), на основе которых формируется периферийная сема «осторожность»: *mettre des gants blancs* (надеть белые перчатки, т. е. действовать с особой осторожностью);

- *blanc* (*белый*) имеет периферийную сему «интенсивность» и обозначает сильные эмоции: *colère blanche* (сильная ярость, когда человек не только краснеет, но и белеет от гнева), *ivresse blanche* (крайнее опьянение), *cracher blanc* (изнывать от жажды), *chauffer à blanc/rougir à blanc* (раскаленный добела), *geler à blanc* (покрыться инеем), *saigner à blanc* (обескровить, истощить).

Ядерные значения *черного* также трансформируются и получают новые коннотации [Воробьева 2020:113-114]:

- «мрак», «ночь» развиваются дополнительные семы «опасный», «трудный»: *point noir* (опасное место), *manger son pain noir* (проживать сложный период), *se heurter à un mur noir* (натолкнуться на глухую стену), *nuages noirs* (нависшая опасность, угроза), *billet noir* (черный билет, вытянув который, юноша призывного возраста должен идти на военную службу; смерть), *marée noire* (феномен, сложный для понимания);

- коннотация «страшный» представляет расширительное значение ядра «мрак», «ночь»: *série noire* (серия трагических событий - в основе серия детективных романов по произведениям М. Дюамеля для издательства Галимар (*Gallimard*)), *roman noir* (роман ужасов, детективный роман), *machins noirs* (мрачные измышления, страсти-мордасти), *peste noire* (эпидемия);

- периферийная сема «злой» развивается на основе значения «страшный»: *colère noire* (ярость), *regard noir* (злой взгляд), *ange noir* (злой гений), *humour noir* (черный юмор), *bête noire* (предмет особой ненависти);

- периферийная сема «неофициальный», «незаконный», «секретный» является расширением ядерного значения «мрак»: *caisse noire* (незаконные деньги, выручка), *bande noire* (незаконная торговля земельными участками и недвижимостью), *travailler au noir* (работать нелегально), *trou noir* (черная дыра), *cabinet noir* (темная комната, чулан, секретный отдел полиции), *boite noire* (записывающее устройство в самолетах, устройство со сложным функционированием);

- *noir* (*черный*) имеет коннотацию «интенсивность» с дополнительной негативной семантикой: *misère noire* (полнейшая нищета), *froid noir* (холодная промозглая погода), *noir de monde* (очень людно, много народа), *chagrin noir* (глубокая печаль).

Богатый ассоциативный потенциал *белого* и *черного* позволяет поэтам создавать новые оттенки с помощью метафорических переносов. С целью создания контрастного описания поэты и писатели часто прибегают к метафорической бинарной оппозиции *белого* и *черного*. При этом противоположные в культурном и визуальном восприятии, эти цвета не конкурируют, а, дополняя друг друга, создают ощущение завершенности. Так, Франсис Бриат с помощью такой оппозиции описывает историю человеческой жизни [Briatte URL: https://poesie.webnet.fr/vospoemes/Poemes/francis_briatte/le_blanc_et_le_noir]: *белый* символизирует начало жизни и сравнивается с цветом семени, материнского молока и простынь - маленькое белое семя (*une petite graine blanche*) развивается в утробе матери (*dans le noir*), молоко кормит младенца (*du lait qui nourrit le bébé*), белые простыни его укрывают (*le drap qui le recouvre*). В свою очередь *черный* символизирует темноту (*dans le noir*) и сон младенца (*le noir de son sommeil*).

С помощью цветовой оппозиции Ф. Бриат передает будни родителей - утренний черный кофе, черно-белые фильмы, шахматная доска с белыми и черными фигурами, черно-белое кино. Счастливые и трагические минуты в жизни сравниваются с

белой пеной волн, которые обрушиваются на черные скалы (*l'écume sur les vagues de crème qui s'échouent sur les rochers ébène*), с музыкой то радостной, то грустной (*la musique une noire une blanche*), с чернилами на белом листе бумаги (*l'encre qui sort du stylo sur la feuille*). Огорчения ассоциируются с черной от туши слезой матери (*la larme chargée de rimmel*), но это не холодное оружие (*l'arme blanche*), которым угрожают во мраке (*dans le noir*). Во фразеологическом обороте *l'arme blanche*, т. е. оружие, действующее без огня, цветообозначение *белый* означает отсутствие характерных особенностей либо результата. Скоротечность жизни представляется переходом от белого цвета к черному (*le blanc fini en noir*), от белого семени, символизирующего начало жизни к черной земле, являющейся ее финалом. Таким образом создается история: *ainsi va l'histoire* [Briatte там же].

Выводы

Таким образом, во французском языке *белый* и *черный*, являясь фундаментальными цветами, приобрели систему дополнительных смыслов и коннотаций, фиксирующих представления французов о современном мире и отражающих их чувственно-ценностные ориентации. Богатый ассоциативный потенциал этих цветов позволяет создавать многочисленные цветовые оттенки с помощью метафорических переносов как в художественной литературе, так и в сфере маркетинга, рекламы и дизайна.

Литература

1. Воробьёва Е. Ю. Динамика коннотативного потенциала цветообозначений во французском языке XX-XXI вв. (на примере номинаций товаров повседневного спроса): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: 11-й ФОРМАТ, 2020. - 260 с.
2. Воробьёва Е. Ю. Цветообозначение в создании поэтического образа // Диалог культур и цивилизаций. Материалы Международной научно-практической конференции под общ. ред. Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. М.: Московский

государственный лингвистический университет, 2019. С. 245-248.
3. Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык Медиа, 2006. - 1624 с.
4. Кандинский В. В. Точка и линия на плоскости. Санкт Петербург: изд. Азбука-Классика, 2006. - 260 с.
5. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. М.: Эксмо-Пресс, 1989. - 160 с.
6. Молчанова Г. Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вест. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №4. С.9-18.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация 2-е издание. М.: Изд-во МГУ, 2004. – 264 с.
8. Pastoureau M., Simonet D. Le petit livre des couleurs. P.: Editions du Panama, 2005. – 144 p.
9. Dictionnaire encyclopédique Grand Larousse. P.: Edition Larousse, 1997. Vol. 3. - 1280 p.
10. Dictionnaire étymologique et historique du français // Dir. de Dubois Y., Mitterand H., Dauzat A. P.: Edition Larousse, 1998. - 822 p.
11. Dictionnaire de la couleur, mots et expressions d'aujourd'hui, XXe-XXIe siècle. Le Blanc // Dir. de Mollard-Desfour A. P.: CNRS Editions, 2008; Le Noir. P.: CNRS Editions, 2005. – 332 p.
12. Dictionnaire des couleurs de notre temps: symbolique et société// Pastoureau M. P.: Christine Bonneton, 1992. – 144 p.
13. Trésor de la langue française du XIX et du XX siècle // Dir. de P.Imbs, B. Quémada. - P., 1975.
14. Briatte F. Le blanc et le noir. URL: https://poesie.webnet.fr/vospoemes/Poemes/francis_briatte/le_blanc_et_le_noir (дата обращения: 23.10.2018).
15. Корпус французского языка French@VISL Corpuseye URL: https:/corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html дата обращения: 05.12.2019).

References

1. Vorob'eva E. Yu. Dinamika konnotativnogo potentsiala tsvetooboznacheniy vo frantsuzskom yazyke XX-XXI vv. (na primere nominatsiy tovarov povsednevnogo sprosa) [Dynamics of the connotative potential of color meanings in the French language of the XX-XXI centuries (on the example of the categories of consumer goods): dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences]. Moscow: 11th FORMAT, 2020. - 260 p.
2. Vorob'eva E. Yu. Tsvetooboznachenie v sozdanie poeticheskogo obraza [Color designation in the creation of a poetic image]. Materials of the International scientific and practical conference under the general editorship of Ch. B. Daletsky, A. Yu. Platko. M.: Moscow State Linguistic University, 2019. pp. 245-248.
3. Gak V.G. Novyy bol'shoy frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar' [Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Media, 2006, 1624 p. (in Russian).
4. Kandinsky V. V. Tochka i liniya na ploskosti [Point and line on the plane]. Saint Petersburg: ed. Azbuka-Klastika, 2006. - 260 p. (in Russian).
5. Kandinsky V. V. O dukhovnom v iskusstve [On the spiritual in art]. Moscow: Eksmo-Press, 1989. - 160 p. (in Russian).
6. Molchanova G. G. Cognitive synesthetic metaphor and theory of tension // Vest. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [West. Mosk. univ. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication]. 2018. No. 4. p. 9-18. (in Russian).
7. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and intercultural communication]. 2nd edition. Moscow: MSU Publishing House, 2004. - 264 p. (in Russian).
8. Pastoureau M., Simonet D. The little book of colors. P.: Editions du Panama, 2005. - 144 pp. (in French).
9. Encyclopedic dictionary Grand Larousse. P.: Edition Larousse, 1997. Vol. 3. - 1280 pp. (in French).
10. Etymological and historical dictionary of French // Dir. de Dubois Y., Mitterand H., Dauzat A. P.: Edition Larousse, 1998. - 822 pp. (in French).
11. Dictionary of color, words and expressions of today, XX-XXI century. Le Blanc // Dir. de Mollard-Desfour A. P.: CNRS

Editions, 2008; Le Noir. P.: CNRS Editions, 2005. - 332 pp. (in French).
12. Dictionary of the colors of our time: symbolism and society // Pastoureau M. P.: Christine Bonneton, 1992. - 144 pp. (in French).
13. Trésor de la langue française du XIX et du XX siècle // Dir. de P. Imbs, B. Quémada. - P., 1975. (in French).
14. Briatte F. White and black. URL: https://poesie.webnet.fr/vospoemes/Poemes/francis_briatte/le_blanc_et_le_noir (дата обращения: 23.10.2018). (in French).
15. Korpus frantsuzskogo yazyka English @ VISL Corpuseye URL:https:/corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html data obrashcheniya: 05.12.2019). (in Russian).

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81

Сергиенко Полина Игоревна
Polina Sergienko

Отражение семантических заимствований в терминологии PR

Reflection of semantic borrowings in PR terminology

Аннотация. *Данное исследование выносит на свет вопрос об изменении семантических характеристик терминологических единиц межпредметной области по «связям с общественностью» (PR). Продвижение знания в различных сферах человеческой деятельности сопровождается появлением новых терминологических единиц, стремящихся отразить ранее неизвестное явление, закрепить определенное значение в коллективном сознании общества, необходимое для введения новых понятий на языковом уровне и осуществления профессиональной деятельности. Настоящая работа ставит своей целью показать качественные изменения, свойственные процессу термилогизации, происходящие на лексическом уровне в языке PR. В результате анализа профессионального англоязычного PR дискурса исследователь приходит к выводу, что новые языковые единицы становятся частью профессионального языка специалистов по связям с общественностью в результате прямого перенесения из других областей знания, межязыкового заимствования или переосмысления старых лексических единиц и наделения их новыми смыслами. Для когнитивных исследований языка динамические изменения на уровне семантических заимствований в профессиональной области PR означают переосмысление концептуальной сущности данных явлений и их представления в сознании общества. Комплексные исследования PR дискурса способствуют понимаю процессов языкового воздействия, механизмов использования языка для специальных целей, а также отражают современные изменения и особенности функционирования английского языка. Результаты исследования вносят теоретический вклад в развитие терминоведения, когнитивных исследований английского языка, а также изучение лингвистических характеристик манипулятивного дискурса. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования в преподавании таких курсов как лексикология английского языка, теория и практика коммуникации, стилистика, а также в профессиональной деятельности специалистов области PR.*

Abstract. *This study is aimed at revealing specific features of semantic changes within terminological units of public relations (PR) discourse. The promotion of knowledge in various spheres of human activity is accompanied by introduction of new lexical units into different spheres of professional life, with the purpose to reinforce the meaning in the minds of the speakers, necessary for the linguistic realization of the units in question and for the professional activity. This work aims to show the qualitative changes inherent in the process of termilogization, occurring at the lexical level in the language of PR. As a result of the analysis of professional PR discourse, the researcher comes to the conclusion that new language units become part of the professional language of public relations specialists as a result of direct*

transfer from other disciplines, cross-language borrowings or reinterpretation of existing lexical units and endowing them with new meanings. From the standpoint of cognitive linguistics, the semantic changes of PR terminological units indicate conceptual restructuring in the mental space of the speakers. Comprehensive studies of PR discourse contribute to the studies of the language for special purposes, as well as reflect modern changes and functional particularities of the English language. The results of the study contribute to the development of terminology and lexical studies, cognitive linguistics and are of practical significance for teaching lexicology, theory and practice of communication, stylistics, as well as for the PR professional activity.

Ключевые слова: *семантические изменения, заимствования, терминология, связи с общественностью, PR дискурс*

Key words*: semantic changes, borrowings, terminology, PR, PR discourse*

Введение

Термины предметной области «связи с общественностью», или термины PR, формирующие данную межпредметную сферу деятельности человека, отвечают требованиям и задачам специалистов для совершения ими профессиональной деятельности, а также отражают определенную профессиональную картину мира, сформированную под влиянием современных общественно-политических событий, достижений науки и техники. При этом отмечается, что формирование профессионального языка подвергается определенным изменениям. Происходит постоянное расширение лексического состава за счет переосмысления старых лексических единиц, а также за счет наполнения их новыми смыслами. На когнитивном уровне мы ведем речь не только о заимствовании терминологических единиц из других областей знания, то и о переносе полноценных смыслов и концептуальных структур [Вишнякова 2015, с.52].

Для понимания семантических процессов, происходящих на материале терминологических единиц, образующих профессиональный PR-дискурс, необходимо принимать во внимание особенности межпредметной области PR. Согласно определению, данному в 1948 г. Британским институтом по связям с общественностью (Charted Institute of Public Relations), связи с общественностьюю понимаются следующим образом: ‘Public relations practices is the planned and sustained effort to establish and maintain goodwill and mutual understanding between an organization and its publics’ [Wolstenholme, 2013, p. 5]. Другими

словами, под данной деятельностью мы понимаем направленное усилие специалистов создавать и поддерживать взаимопонимание и доброжелательные отношения между бизнес-компанией и ее аудиторией. Также теоретики современной области PR говорят о том, что эта деятельность сводится к процессу управления репутацией: “All in all, PR is the practice of managing reputation” [Grunig, Hunt 1984]. Данные определения дают нам основание утверждать, что риторические основы PR-дискурса были сформированы еще в работах философов древней Греции. Уже в то время риторические приемы использовали различные подходы к манипулированию сознанием жителей городов. Трактат «Риторика» Аристотеля, 350г. до н.э., таким образом, может считаться первоосновой всех начал, на которых зиждется теория языкового воздействия и риторические приемы PR-дискурса, направленного на создание общепринятого положительного мнения о компании в обществе, способствующего эффективной работе организации. Всестороннее изучение PR дискурса вносит вклад в исследования, посвященные функционированию современного английского языка целом, и в частные направления, раскрывающие лингвистические особенностям осуществления воздействия на получателя информации.

Актуальный вопрос о профессиональной лексике PR

Профессиональная лексика PR находится в стадии становления, поскольку вся предметная область PR была сформирована на базе достижений различных дисциплин гуманитарного цикла. Терминология испытывает изменения, постоянно подвергаясь расширению за счет перенесения понятий из других дисциплин (press conference – из журналистики, demoscope – из социологии, cartouche – из архитектуры и т.п.). Широкое распространение терминологии предметной области PR служит определяющим фактором в признании существования особой теоретической значимости данного слоя лексики, а также ее практического изучения ввиду того, что обозначенные лингвистические приемы используются для коммуникации с массовой аудиторией, в глобальной сети Интернет [Ахренова,

2018], а также решают определенные лингводидактические задачи [Minyar-Beloroucheva et al. 2020].

Говоря о динамических изменениях в семантике терминов, мы ведем речь о когнитивных структурах, которые входят в модели знания и мнения [Jackendoff 1995]. Другими словами, значение одной и той же терминологической единицы, и, в нашем понимании, концептуальной структуры, по-разному реализовывается в языке, учитывая контекст, языковое окружение, смысловое наполнение, а также сферу использования.

Для современного века информации и постоянного наращивания объема данных, область связей с общественностью оказывается той областью, в которой могут быть придуманы механизмы анализа и алгоритмы обработки «больших данных» (Big Data), специалисты которой сталкиваются с необходимостью управления информационными потоками и выбором правильной стратегии коммуникации компании с ее аудиторией. В эпоху глобализации важным оказывается уровень заимствований, которые приходят из английского языка в национальные языки и культуры [Ter-Minasova 2019], а также умение интерпретировать и адаптировать перенесенные понятия.

Отталкиваясь от постулата о том, что специальная лексика определенной области профессиональной деятельности человека регулируется как профессиональными потребностями специалистов данной области [Реформатский 1961], так и внешними факторами, мы ведет речь о том, что PR дискурс также представляет собой отдельную лингвистически формирующуюся область. Американский теоретик PR Э. Бернейз, стоявший у истоков институционализации сферы связей с общественностью, в книге «Propaganda» указывает на неразрывную связь деятельности PR специалистов и достижений психологии, социологии и других дисциплин для научного манипулирования бессознательным потребителем [Bernays, 1929]. Основным выводом автора является информация о том, что истинной правящей силой в обществе является способность управлять мнением общественности. В добавление к достижениям различных гуманитарных наук мы также отметим важность

языковых законов и искусство владения словом, как необходимые умения успешных PR-специалистов.

Результаты исследования

Рассматривая межпредметную область связей с общественностью и принимая во внимание ее междисциплинарный характер, мы обращается к первому термину - «*communication*», который в самом широком смысле означает процесс передачи сообщения: “a process by which information is exchanged between individuals through a common system of symbols, signs, or behavior” [M-W Dictionary URL]. В гуманитарных науках особое значение уделяется исследованию структуры коммуникации (К. Леви-Стросс), моделям коммуникации (К. Шеннон, Р. Якобсон), семиотическим элементам (Ф. де Соссюр, Ч. Пирс), а также когнитивным характеристикам (Ч. Осгуд). С точки зрения существования различных видов и типов коммуникации связи с общественностью представляют собой особый вид коммуникации, который осуществляется между коммерческой компанией, государственной структурой, общественным или культурным институтом, социальной организацией, политическим деятелем и т.п. и обществом. Любой организации для эффективного функционирования в обществе необходимы PR-коммуникации, выстраивающие их взаимоотношения с аудиторией и создающие благоприятную атмосферу для ее успешной работы [Grunig, Hunt, 1984]. Реципиентом информации в PR-коммуникациях являются потребители продукции компании, инвесторы, бизнесмены, избиратели, клиенты, общественные группы или другие группы людей, интересы которых зависят от деятельности компании. В коммерческой сфере теоретики PR говорят о том, что связи с общественностью наравне с рекламой и маркетингом входят в более широкий комплекс маркетинговых коммуникаций (marketing communications), направленных на повышение эффективности деловой активности, увеличение продаж и получение прибыли [Wolstenholme 2013].

Рассмотрим также однокоренной термин *communicator*, который также был подвергнут семантическим изменениям,

перейдя в предметную область PR. Изначальное значение переговорного устройства, свойственное термину в фантастической литературе 1960х годов, было опущено. В гуманитарной сфере термин приобретает значение человеческих качеств, дающих способности эффективно осуществлять коммуникацию: “someone who is able to talk about their ideas and emotions in a way that other people understand” [Cambridge Dictionary URL]. В предметной области PR, *communicator* is ‘an initiator of information’, или инициатор сообщений, направленных на формирование общественного мнения. Схожим по значению является термин *contactor*, обозначающий сотрудника, поддерживающего связь между компанией и клиентами. В рекламных и PR-агентствах данная роль отведена менеджерами по проектам или ведению заказов, а в СМИ – это сотрудники маркетингового отдела или рекламы [Словарь терминов… URL]. В наиболее серьезных случаях контакторами выступают сами руководители компаний и лидеры общественных организаций для демонстрации уважения и особенного отношения к мероприятию.

Среди терминов PR того же семантического поля отметим также термин *коммуникативная наглядность*, или *communication visibility*, под которым понимается особый способ представления преимуществ и качеств компании (или ее продукции) для донесения необходимого сообщения до аудитории. Коммуникативная наглядность отдельных продуктов может передаваться через его вкус, запах, цвет и звучание [Энциклопедический словарь PR и рекламы URL] с целью привлечь потребителя. Другими словами, данной цели служат как лингвистические средства, так и невербальные элементы коммуникации, несущие значимую информацию и конструирующие определенное отношение у потребителей.

PR-специалисты, работающие с репутацией компании, при подготовке сообщения для аудитории также говорят о необходимой *аккомодации,* которая в PR и рекламе понимается как приспособление информационных материалов под интересы и вкусы аудитории. Большой энциклопедический словарь русского языка определяет аккомодацию, как термин, принадлежащий к естественным наукам, медицине или

биологии: *аккомодация* - (от лат. accommodatio - приспособление - приноровление), в биологии и медицине термин, близкий термину "адаптация" и применяемый в определенных случаях. [Словари и энциклопедии URL]. Так, в медицине терминологическая единица «аккомодация глаза» означает приспособление к ясному видению предметов, находящихся на различных расстояниях от глаза. «Аккомодация возбудимых тканей (нервной, мышечной) - приспособление к действию медленно нарастающего по силе раздражителя» [Ibidem]. Профессиональная область PR заимствует данный термин, подвергая его переосмыслению и наполняя его новыми смыслами. В PR-дискурсе *аккомодация* может пониматься как особенности лексического наполнении информационного сообщения, распространяемого на радио, телевидении или в интернете, а также и как такие технические характеристики, как цвет, размер типографского кегля, а также угол наклона плоскости рекламного щита при его установке с учетом автомобильного и пешеходного потоков, а также эстетического соответствия городскому пейзажу и окружающему фону [Энциклопедический словарь PR и рекламы URL].

К наиболее частотным терминам, используемым в западном профессиональном PR-дискурсе, относятся термины ‘*gatekeepers’*, ‘*news gatherers’*, ‘*grassroots’* и ‘*astroturfing’*, имеющие непосредственное отношение к деятельности специалистов области связей с общественностью, поскольку указывают на процесс отбора, фильтрации и распространение той информации, которая будет способствовать формированию определенной репутации компании или индивидуума. Термин *grassroots* был заимствован из политического дискурса, где он обозначал социальные движения, инициированные снизу и представляющие истинный интерес для населения, в то время как *astroturfing* – имитация такого движения, близкое к понятию лобби [Lits 2020]. С похожим значением данный термин используется и в предметной области по связям с общественностью, но уже применительно к интересам конкретной компании и ее аудитории. Термин *gatekeeping communication* был предложен 1943 году американским психологом Куртом Левиным (Kurt Lewin) в значении процесса

отбора определенной информации перед передачей ее через СМИ аудитории. Исследователи приводят следующее определение для термина gatekeeping: “process of culling and crafting countless bits of information into the limited number of messages that reach people every day…” [Shoemaker, Vos 2009]. При этом выделяются такие функции как наблюдение и обзор существующей информации, соответствие формату издания, применение определенных критериев отбора сообщений и т.д. С нарастанием роли информации и увеличением объема информации в современном мире роль «сборщиков информации» и ответственных за ее распространение возрастает, что также свидетельствует о признании важности деятельности PR специалистов в целом.

Еще одним термином с измененным лексическим значением является термин *ancerman* (*анкермен*). Словарь иностранных слов дает следующее определение составной части термина *анкер*-: (от нем. Anker – якорь, франц. ancre – якорь; от кельтск. acr- железо, cor- рожок). Словарь иностранных слов от 1910г. Чудинова А.Н. дает следующие определения данной единице: 1) Мера жидкостей, преимущественно винная, в остзейских провинциях России, в Швеции, Дании, Северной Германии и Голландии = от 2 3/4 до 1/4 ведра. 2) Зацеп, состоящий из двух колец из хвороста, соединенных наподобие цепи и употребляемых при окладывании фашинами плотин, насыпей и проч. 3) Якорь для удержания корабля около берега. 4) Часы, снабженные особым прибором, регулирующим движение маятника. [Словари и энциклопедии URL]. Для предметной области PR, а также сферы рекламы и СМИ данная лексическая единица приобретает значение «теле- или радиоведущего» [Словарь терминов…, URL], другими словами, человека, который транслирует на массовую аудиторию определенную информацию, новости или аналитическую точку зрения. Для связей с общественностью *анкермены* играют важную роль в улучшении взаимодействия между компанией, организацией, политическим деятелем и аудиторией, способствуя взаимопониманию и взаимовыгодному существованию компании и общественности. Для PR, который характеризуется двунаправленной коммуникацией, важно не только мнение представителей компании, то также обратная связь с аудиторией.

Мнение потребителей всегда принимается в расчет при планировании деятельности компании, поскольку это гарантия ее успешного функционирования. Становится очевидно, что предметная области связей с общественностью, переосмысливая семантическое содержание терминов, вводит их в состав профессионального словаря, приспосабливая их к решению профессиональных задач.

Заключение

Развитие отдельной области знания и научной мысли в целом сопровождается изменением устоявшегося лексического набора средств для обозначения новых понятий, явлений, которые раньше не существовали или не были актуальными. В профессиональных языках разных специальностей эти элементы во многом конструируются искусственно, зачастую составляя единицы специальной лексики. В предметной области связей с общественностью новые терминологические единицы оказываются заимствованными из разных гуманитарных и естественных областей знания и встраиваются в более узкие понятия, обусловленные профессиональными задачами специалистов PR и особенностями функционирования PR-дискурса. В новом типе дискурса данные языковые структуры вербализуют в языке другие значения, а по сути, новые концептуальные понятия, которые сложились в коллективном сознании общества, управляют мышлением и способствуют достижению нового знания. На формальном уровне данный процесс выражается подвижностью терминов, их переосмыслением, а также появлением в языке новых единиц для описания определенных явлений. С точки зрения лингвокогнитивного подхода, данные заимствованные явления предлагают обширный материал для реализации языковых потенций английского языка.

Исследование, посвященное динамике семантических изменений терминологических единиц области PR, способствует раскрытию языковых процессов, а также влияния экстралингвистических факторов на формирование специальной лексики. Для развития языка специальности важным оказываются собственно лингвистические изменения,

обусловленные заимствованиями из других сфер и других языков, переосмыслением традиционных лексических единиц и наполнением их новыми смыслами. Среди основных экстралингвистических факторов появления новых терминов в области PR следует отметить неразрывную связь с социально-политическими изменениями в обществе, развитием новых коммуникационных технологий, наращиванием объема информации в современном мире и другими процессами, имеющими непосредственное отношение к достижениям науки и развитию общества.

Литература

1. Ахренова Н.А. Функционально-стилистические доминанты языка интернета/ Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М. 2018. N3(23) С.93-113.
2. Вишнякова О.Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С.-50-66
3. Реформатский А.А. Вопросы терминологии. – М., 1961. 275с.
4. Словари и энциклопедии, URL: https://my-dict.ru/dic/slovar-inostrannyh-slov/533426-anker
5. Словарь терминов по рекламе, маркетингу и PR, URL: http://hr-portal.ru/article/slovar-terminov-po-reklame-marketingu-i-pr
6. Bernays E. Propaganda, Routledge.1929. 208p.
7. Grunig, J.E. and Hunt, T. Managing Public Relations, Holt, Rinehart&Winston. 1984. 584 p.
8. Jackendoff, Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995. 283 p.
9. Lits, B. Detecting Astroturf Lobbying Movements/ Communication and the Public 5(2). 2020. DOI: 10.1177/2057047320969435
10. Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P., Vishnyakova E., Vishnyakova O. New Linguiodidactic Challenges In Teaching Professionally Oriented English As Referred To PR-Education // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, Future

Academy (online), Vol. 97, № TILT, 2020, pp. 539-547 doi: 10.15405/epsbs.2020.12.02.72
11. Cambridge Dictionary, URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/communicator
12. Merriam Webster Dictionary. ULR: https://www.merriam-webster.com/dictionary
13. Shoemaker, P., Vos, T.P. Gatekeeping Theory. New York: Routledge. 2009. 184 p.
14. Ter-Minasova S.G. National languages and cultures in the Globalizing world: The English Language and Culture in Russian/ Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М. 2019. N4 (28). С.93-101.
15. Wolstenholme S. (ed.). Introduction to Public Relation. Pearson Education Limited. 2013. 232 p.

References

1. Ahrenova N.A. Funkcional'no-stilisticheskie dominanty jazyka internet [Functional and stylistic dominant features of the Internet language]/ Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. M. 2018. N3(23) P.93-113. (in Russian)
2. Vishnjakova O.D. Jazykovoj znak v referencial'nom pole kul'turnoj pamjati sociuma [Language sign in referential cultural memory of society]/ Moscow State University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication. 2015. № 4. pp.-50-66 (in Russian)
3. Reformatskij A.A. Voprosy terminologii [Terminology issues]. M., 1961. 275p.
4. Slovari i enciklopedii [Dictionaries and encyclopedias], URL: https://my-dict.ru/dic/slovar-inostrannyh-slov/533426-anker
5. Slovar' terminov po reklame, marketingu i PR [Advertising, marketing and PR dictionary], URL: http://hr-portal.ru/article/slovar-terminov-po-reklame-marketingu-i-pr
6. Bernays E. Propaganda, Routledge.1929. 208p.
7. Grunig, J.E. and Hunt, T. Managing Public Relations, Holt, Rinehart&Winston. 1984. 584 p.
8. Jackendoff, Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995. 283 p.

9. Lits, B. Detecting Astroturf Lobbying Movements/ Communication and the Public 5(2). 2020. DOI: 10.1177/2057047320969435
10. Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P., Vishnyakova E., Vishnyakova O. New Linguiodidactic Challenges In Teaching Professionally Oriented English As Referred To PR-Education // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, Future Academy (online), Vol. 97, № TILT, 2020, pp. 539-547 doi: 10.15405/epsbs.2020.12.02.72
11. Cambridge Dictionary, URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/communicator
12. Merriam Webster Dictionary. ULR: https://www.merriam-webster.com/dictionary
13. Shoemaker, P., Vos, T.P. Gatekeeping Theory. New York: Routledge. 2009. 184 p.
14. Ter-Minasova S.G. National languages and cultures in the Globalizing world: The English Language and Culture in Russian/ Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М. 2019. N4 (28). С.93-101.
15. Wolstenholme S. (ed.). Introduction to Public Relation. Pearson Education Limited. 2013. 232 p.

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

УДК 008:81

Гвозданная Надежда Вячеславовна
Nadezda Gvozdannaya

Межкультурная корпоративная коммуникация – трудности и перспективы

Cross – cultural corporate communication- challenges and prospects

Аннотация. *В настоящей статье корпоративная коммуникация рассматривается как форма общения компании с определенными целевыми группами. Сегодня корпорации все более активно участвуют не только в мировых экономических, но и политических и социокультурных процессах, однако работ, посвященных рассмотрению практических подходов, применяемых компаниями в процессе коммуникации с представителями других культур, в научной литературе крайне мало. Целью данной статьи является рассмотрение способов, используемых корпорациями, особенно транснациональными, для осуществления коммуникации с целевыми аудиториями, принадлежащими к другим культурам, а также выявление факторов, влияющих на успех межкультурной корпоративной коммуникации. В результате анализа проектов транснациональных компаний «Coca-Cola», «IBM» было выявлено, что фундаментом для успешного общения, особенно с представителями других культур, должен стать диалог участников коммуникации, а трудности, препятствующие такому диалогу, включают в себя не только языковые, но и социокультурные. Игнорирование таких препятствий делает диалог в межкультурной корпоративной коммуникации невозможным и негативно влияет не только на коммерческую деятельность корпорации, но и отражается на ее имидже.*

Abstract. *The article considers corporate communication as a form of communication between a company and certain target groups. Today, corporations are involved not only in the global economic, but also in political and socio-cultural processes, but in the literature there are very few scientific studies devoted to the consideration of practical approaches used by companies in the process of communication with representatives of other cultures. The purpose of this article is to examine the ways used by corporations, especially multinational ones, to communicate with target audiences belonging to other cultures, as well as to identify the factors that affect the success of cross-cultural corporate communication. As a result of the analysis of projects of multinational companies "Coca-Cola", "IBM", it was revealed that the dialogue of communication participants should be used as the basis for successful communication, especially with representatives of other cultures. Difficulties that prevent such dialogue include not only language, but also socio-cultural factors. Ignoring such obstacles makes dialogue in cross-cultural corporate communication impossible and negatively affects not only the commercial activities of the corporation, but its image also.*

Ключевые слова: *общение, коммуникация, межкультурная коммуникация, корпоративная коммуникация, модель коммуникации, целевые группы.*

Keywords: *communication, cross-cultural communication, corporate communication, model of communication, target groups.*

Введение

Корпорации прошли сложный путь развития от семейного бизнеса до компаний, в которых под единым руководством группируются предприятия, относящиеся к различным отраслям народного хозяйства. Современная корпорация имеет возможность распоряжаться сырьевыми ресурсами, создавать исследовательские лаборатории, скупать изобретения, привлекать ученых, инженеров, техников. Она может контролировать значительную часть рынка и непосредственно воздействовать на уровень цен. Сегодня корпорации воплощают мировое производство товаров и услуг, улучшают конкурентоспособность экономик различных стран, они - главные участники и двигатели научно-технического прогресса, а их решения влияют на размеры и распределение национального продукта, направленность капиталовложений, уровень занятости и покупательскую способность населения. Особенно верно это в отношении транснациональных корпораций, которые сегодня являются коммерческими империями, способными влиять на все сферы общественной жизни.

Однако, при рассмотрении понятия «корпоративная коммуникация», следует отметить тот факт, что такая коммуникация практически всегда рассматривается как система управления потоками информации и в принципе не рассматривается как процесс общения организации с различными целевыми группами. Многие исследователи определяют корпоративную коммуникацию как систему управления внутренними и внешними потоками информации, целью которых является создание положительного имиджа о себе среди клиентов компании, ключевых партнёров и сотрудников компании [см. Argenti 2009; Gray, Balmer 1998; Rief, Fombrun 2007]. Данная информация реализуется в форме сообщений, исходящих от руководства корпорации к её сотрудникам, СМИ,

партнёрам и широкой публике. С помощью таких сообщений компании объясняют свои цели и задачи, а также формулируют ценности и представления в единую связную концепцию [Минаева 2010: 4-12].

Но коммуникация, прежде всего, представляет собой «форму взаимодействия людей, общение и обмен мыслями, идеями» и т.п. [10], которая осуществляется при помощи вербальных и невербальных знаков. «Важнейшим средством человеческого общения» [Ленин 1958: 258], безусловно, является язык, сопровождаемый знаками невербальной коммуникации. Таким образом, рассмотрение понятия «корпоративная коммуникация» именно с точки зрения взаимодействия компании с целевыми группами, принадлежащими к другим культурам, представляет вполне обоснованный интерес.

Общение всегда обусловлено множеством экстралингвистических факторов, среди которых следует выделить ситуативную конкретность, компонент общих знаний участников общения и национально-культурную традицию. Именно эти факторы имеют решающее значение в межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация в компаниях

Определение межкультурной коммуникации очевидно из самого термина: это «общение людей, представляющих разные культуры» [Тер-Минасова 2000: 13], предполагающее как личные контакты между людьми, так и опосредованные формы коммуникации, в т. ч. письменность и массовую коммуникацию.

Социальные, политические и экономические события мирового масштаба последних десятилетий привели к небывалой миграции народов, их переселению, расселению, смешению [Тер-Минасова 2000: 17], что, в первую очередь, отразилось и продолжает отражаться на процессе общения представителей разных национальностей и культур. Особенно ярко сложности такого общения проявляются в транснациональных корпорациях, осуществляющих свою деятельность в других странах.

Говоря о корпоративной межкультурной коммуникации, можно выделить следующие основные проблемы, возникающие

в процессе общения:

1. стереотипы одной группы, вступающей в общение с представителями другой группы, которые проявляются в восприятии последних якобы как отсталых, малокультурных и др.
2. правила речевого этикета, обусловленные не только законами развития языка, но и национальной культурой, религией и социальными отношениями.
3. незнание значений невербальных средств общения, принятых в другой культуре.
4. различия в идиоматических оборотах, образных выражениях, обращениях, используемых для эмоционального окрашивания речи.

Как уже отмечалось, в процессе своей деятельности корпорации взаимодействуют с разными целевыми аудиториями, используя как вербальную, так и невербальную коммуникацию. Так, к вербальной форме коммуникации можно отнести все устные высказывания - выступления руководителей и глав подразделений, собрания трудового коллектива, переговоры и т. д., а также письменные/печатные сообщения, исходящие от руководства организации и направленные на создание положительного имиджа компании. К таким сообщениям можно отнести рекламные компании или интервью в периодических изданиях.

При реализации процесса коммуникации в большинстве корпораций используется трансляционная или линейная модель коммуникации, разработанная в сороковых годах двадцатого века Гарольдом Лассуэлом [Lasswell 1966]. В данной модели коммуникация представляет собой однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника и приёма информации получателем сообщения.

Используя такую модель при общении с представителями других культур, транснациональные компании зачастую сталкиваются с тем, что исходное сообщение неправильно интерпретируется целевой аудиторией, что соответственно, означает неуспешную коммуникацию и отражается на экономических показателях организации. Здесь хотелось бы

привести несколько примеров.

Опыт «Coca-Cola»

Проблема незнания языка и некорректности перевода (без учета специфики перевода идиом и образных выражений) особенно заметна в рекламных кампаниях, целью которых является привлечение клиентов и продвижение нового товара на рынке. Например, когда производители «Coca-Cola» начали осваивать восточный рынок, было решено не менять название торговой марки, поскольку продукция компании уже была всемирно известной. Однако в Китае рекламная кампания «Кока-Колы» едва не провалилась, т.к. выяснилось, что на китайском языке название напитка звучит как «Укусите головастика». Осознав, что с таким именем продукция компании не будет пользоваться популярностью, специалисты компании начали изучать китайские иероглифы. В результате была найдена фраза, созвучная названию «Coca-Cola», и в Китае напиток продается под названием «Kekoukele», что переводится как «Счастье во рту» [9, электронный ресурс].

Коммуникация сотрудников

Если рассматривать другую важную целевую аудиторию компании – сотрудников, то следует говорить о двух типах корпоративного общения – групповом и межличностном. В первом случае речь идет о вертикальной или иерархической коммуникации, когда общение происходит между различными уровнями организационной иерархии. Данный тип коммуникации представляет собой формальную коммуникацию, которая основана на определенных стандартах и правилах и характеризуется использованием формального языка общения и употреблением безличных грамматических и синтаксических форм. Как правило, это различные отчеты, меморандумы, внутренние документы и сообщения, а также рабочая информация, поступающая через корпоративные компьютерные сети.

Межличностная (горизонтальная) корпоративная коммуникация – это процесс общения представителей одной иерархической ступени (например, работников одного отдела).

Такая коммуникация менее формализирована и в большей степени зависит от межличностных отношений. Также следует отметить, что невербальные средства коммуникации, сопровождающие вербальное общение (жесты, мимика, смайлики в смс и т.д.), оказывают значительное влияние на весь процесс общения, а в некоторых случаях становятся более важными для взаимопонимания. Как отмечает Г.В. Бороздина, невербальные средства дополняют высказывания, свидетельствуют об истинных чувствах говорящего и дают представление о нем самом. [Бороздина 2006].

Говоря о межкультурной коммуникации в корпорации, следует отметить, что сложности чаще возникают при горизонтальной коммуникации, реже – при вертикальной. Это обусловлено тем, что межличностная коммуникация гораздо более живая, менее стандартизирована, основана на непосредственном контакте коммуникантов и их взаимном влиянии друг на друга в процессе общения.

Как в первом, так и во втором случаях адекватное и точное кодирование, передача и восприятие информации необходимы для успешного межкультурного общения. Однако, если в случае вертикальной коммуникации формальность и строгость формулировок, общепринятость значений значительно упрощают процесс межкультурного общения (помехой для успешного декодирования сообщения может служить лишь недостаточное знание языка), то при горизонтальной коммуникации межличностное общение представителей различных культур значительно осложняется разными взглядами на социальную организацию другой культуры, различием в общепринятых нормах поведения, обусловленных социальными ролями, пространственным и временным восприятием, стереотипами и т.д.

Иллюстрацией неэффективной межкультурной корпоративной коммуникации может служить пример совместной работы сотрудников корпораций «IBM», «Siemens AG» и «Toshiba Corporation». В 1992 году компании запустили совместный проект по разработке нового электронного оборудования. Работы проводились в штаб-квартире компании «IBM» в Нью-Йорке, где представителям трех различных культур

необходимо было совместно найти технологическое решение вопроса. Однако, первые попытки сотрудничать привели к культурному шоку всех участников проекта, вызванному непониманием поведения и языковыми сложностями. Кроме того, трудности в коммуникации проистекали и из-за разных подходов к организации самого рабочего процесса. Так, для представителей японской компании «Toshiba Corporation», помимо уже вышеперечисленных трудностей, самым сложным оказался процесс пространственной акклиматизации, т.к. в японских компаниях сотрудники работают в больших помещениях с большим количеством людей. Они находятся близко друг к другу, в центре информации. Маленькие кабинеты американского офиса «IBM» лишили японцев ощущения постоянного информационного обмена. С другой стороны, представители Японии и Америки не могли понять обоснованность огромных временных затрат немецких коллег на детальное планирование процесса, а со своей стороны, сотрудники немецкого концерна «Siemens AG» не понимали и не принимали американский стиль управления [8, электронный ресурс].

Общение с партнерами

Рассматривая процесс корпоративной коммуникации с третьей целевой группой – партнерами, необходимо отметить, что здесь невербальная коммуникация (жесты, мимика, позы, определенный дресс-код сотрудников, участвующих в переговорном процессе, отношение к подаркам, традиции начинать и заканчивать переговорный процесс определенным образом и т.п.) иногда становится гораздо важнее вербального общения. Известно много примеров, когда незнание деловых традиций определенных культур приводило к недопониманию и провалам переговоров. Например, в китайской и японской культурах вручение визитки представляет собой определенную традицию. Визитную карточку следует подавать, держа двумя руками лицевой стороной вверх. Во многих японских и китайских корпорациях вручение визитки на западный манер – одной рукой, нередко трактуется как отсутствие уважения и пренебрежение деловым партнером. Визитная карточка условно

считается вторым лицом человека, и если ее небрежно бросить на стол, то такой жест расценивается как оскорбление.

Выводы

Из приведенных выше примеров видно, что для успешной межкультурной корпоративной коммуникации важно «адекватное взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Костомаров, Верещагин 1990]. Важность диалога при такой коммуникации является очевидной. Пытаясь прийти к взаимопониманию при взаимодействии с целевыми аудиториями других культур и национальностей, корпорации все чаще применяют интеракционную или диалогическую модель коммуникации, разработанную еще в 1953 году американским социологом Теодором Ньюкомбом. В предложенной им модели коммуникация понимается как совместная деятельность участников, в ходе которой вырабатывается общий взгляд на вещи и действия с ними, а участники рассматриваются как равноправные субъекты коммуникации [Адамьянц 2005].

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что успешная межкультурная корпоративная коммуникация невозможна без усилий, направленных на уважительное восприятие представителей других культур, их мнений, образа жизни и характера поведения. Достижения научно-технического прогресса способствуют применению всевозможных новых форм и видов общения, ведущих к диалогу. В свою очередь, установление прочной обратной связи с целевыми группами многократно увеличивает конкурентоспособность любой корпорации.

Литература

1. Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация: учеб. пос. – М.: ИС РАН, 2005, 158 с.
2. Бороздина Г.В. Психология делового общения: учеб. пос. для студентов экон. и техн. спец. вузов – М.: ИНФРА-М, 2006, 224 с.

3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного - М.: Русский язык, 1990, 246 с.
4. Корпоративные стратегические коммуникации: сб. науч. ст. / отв. ред. С. В. Дубовик. – Минск: БГУ, 2016, 133 с.
5. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение / Полное собрание сочинений. Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. - Москва: Госполитиздат, 1958-1965, Т. 25, С. 258-259
6. Минаева Л.В. Внутрикорпоративные связи с общественностью. Теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2010, 287 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пос. - М.: Слово, 2000, 261 с.
8. Новый суперчип: очень большие фирмы объединились, чтобы создать очень маленькую вещь / Коммерсантъ Власть, 1992, № 129 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5745 (дата обращения 20.09.2020)
9. Самые громкие рекламные провалы мировых брендов. [Электронный ресурс]. – URL: https://new-retail.ru/marketing/reklama/samye_gromkie_reklamnye_provaly_mirovykh_brendov9361/ (дата обращения 18.09.2020)
10. Лингвистический энциклопедический словарь. /Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990, 682 с.
11. Argenti P.A. Corporate Communication – New York: McGraw-Hill/Irwin, 2009, 292 p.
12. Gray E.R., Balmer J.M.T. Managing Corporate Image and Corporate Reputation // Long Range Planning, 1998, Vol. 31, N 5, P. 695-702
13. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society / Berelson B., Janowitz M. Reader in Public Opinion and Communication. New York: The Free Press, 1966. P. 178-189.
14. Rief B.M., Fombrun C.J Essentials of Corporate Communication – Abingdon&New York: Poutledge, 2007, 328 p.

References

1. Adam'janc T.Z. Socyal'naja kommunykacyja: ucheb. pos [Social Communication]. M.: YS RAN, 2005. - 158 pp. (in Russian)
2. Borozdina G.V. Psihologija delovogo obshhenija [Psychology of Business Communication]: ucheb. pos. dlja studentov jekon. i tehn. spec. vuzov. M.: INFRA-M, 2006. – 224 pp. (in Russian)
3. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk I kultura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo [Language and Culture: Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. M.: Russkij jazyk, 1990. – 246 pp. (in Russian)
4. Korporativnye Strategicheskie Kommunikacii [Corporate Strategic Communications]: sb. nauch. st. / otv. red. S. V. Dubovik. Minsk: BGU, 2016. – 133 pp. (in Russian)
5. Lenin V.I. O prave nacij na samoopredelenie [On the Right of Nations to Self-Determination] / Polnoe sobranie sochinenij. In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. M.: Gospolitizdat, 1958-1965. T. 25, 258-259 pp. (in Russian)
6. Minaeva L.V. Vnutrikorporativnye svjazi s obshhestvennostju. Teorija i praktika [Internal Corporate Public Relations. Theory and Practice]: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. M.: Aspekt-Press, 2010. – 287 pp. (in Russian)
7. Ter-Minasova S.G. Jazyk I mezhkulturnaja kommunikacija [Language and Intercultural Communication]: ucheb. pos. M.: Slovo, 2000. – 261 pp. (in Russian)
8. Novyj superchip: ochen bolshie firmy obedinilis, chtoby sozdat ochen malenkuju veshh [New Superchip: Very Big Firms Have Teamed Up to Create a Very Small Thing] / Kommersant Vlast, 1992. № 129 [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5745 (data obrashhenija 20.09.2020) (in Russian)
9. Samye gromkie reklamnye provably mirovyh brendov [The Most High-Profile Advertising Failures of Global Brands].[Jelektronnyj-resurs].URL: https://new-retail.ru/marketing/reklama/samye_gromkie_reklamnye_prov

aly_mirovykh_brendov9361/ (data obrashhenija 18.09.2020) (in Russian)
10. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]./Gl. red. V. N. Jarceva. M.: Sov. Jenciklopedija, 1990. – 682 pp. (in Russian)
11. Argenti P.A. Corporate Communication – New York: McGraw-Hill/Irwin, 2009, 292 p.
12. Gray E.R., Balmer J.M.T. Managing Corporate Image and Corporate Reputation // Long Range Planning, 1998, Vol. 31, N 5, 695-702 pp.
13. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society / Berelson B., Janowitz M. Reader in Public Opinion and Communication. New York: The Free Press, 1966. P. 178-189.
14. Rief B.M., Fombrun C.J Essentials of Corporate Communication – Abingdon&New York: Poutledge, 2007, 328 p.

УДК 81`33

Зарипов Руслан Ирикович
Zaripov Ruslan

Метафорический образ современной России во французских СМИ: обзорное исследование

The metaphorical image of Russia in the French media

Аннотация. *Настоящая статья носит обзорный характер и имеет целью показать основные особенности метафорической репрезентации образа современной России во французских средствах массовой информации. Автор делает выводы с опорой на тексты французских СМИ, посвященные наиболее животрепещущим темам внутренней и международной повестки последних лет: Олимпийские игры в Сочи, Чемпионат мира по футболу 2018 года, так называемое дело Навального, гражданские войны на Украине и в Сирии. В статье используются описательный, синхронический, семасиологический («языковая форма – внеязыковое содержание») и функциональный методы.*

Abstract. *The main aim of the article is to summarize the contemporary research of the key issues that reflect the metaphoric image of Russia in French media. The most burning themes of internal and international agenda of recent years are included into the article: the Olympic Games in Sochi, 2018 FIFA World Cup, the so-called Navalny case, the civil wars in Ukraine and in Syria. Descriptive, synchronic,* semasiological *("linguistic form – extralinguistic context") and functional methods are used.*

Ключевые слова: *метафорический образ России; метафорическая репрезентация; средства массовой информации Франции; информационно-психологическая война; информационное воздействие.*

Key words: *metaphorical image of Russia; metaphorical representation; French media; informational warfare; informational impact.*

Введение

Одной из характерных особенностей ведущих западных средств массовой информации следует считать их согласованную и практически единую внешнеполитическую позицию в отношении государств, определяемых в официальных документах и выступлениях политических деятелей коллективного Запада в качестве угрозы, соперника и врага. Большую часть транслируемой в ведущих западных источниках информации составляют материалы ограниченного числа агентств, среди которых можно назвать Reuters, Associated Press и Agence France-Presse. Доминирующие международные медиакорпорации: Time Warner, News Corporation, The Walt Disney Company, Viacom/CBS Corporation и Comcast/NBCUniversal – контролируют 90% национальных и региональных СМИ США и оказывают огромное влияние на европейские источники [URL: https://jpgazeta.ru/konflikty-v-smi-mirovye-mediagiganty/amp/]. На лингвистическом уровне подобная тенденция выражается в дословном копировании определенных оборотов и стереотипных клише в различных политических текстах.

Таким образом, редакционная политика ведущих западных средств массовой информации подчинена воле политических элит и финансовых спонсоров. Тотальный контроль над информацией позволяет коммуникаторам создавать выгодные для себя мифы и ложные стереотипы мышления о России, дезинформировать реципиентов и изменять их систему ценностей. Цель достигается путем системного воздействия на

реципиента как на языковом и визуальном, так и на эмоциональном и рациональном уровнях: «в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий поддержание стабильности в мировых делах во многом зависит от объективной работы средств массовой информации. Этому не способствует проводимая на Западе целенаправленная кампания по дискредитации России» [URL: https://ria.ru/politics/20170317/1490242481.html].

Основная часть

Раздел 1. Общие положения

В условиях тотальной информационно-психологической войны, которая обострилась с усилением мировой тенденции к многополярности и потерей США единоличного политического и экономического лидерства, западными и, в частности, французскими СМИ соблюдается определенная линия поведения, предусматривающая негативное освещение, ложную интерпретацию и искажение любых внутри- и внешнеполитических действий России. Существуют даже отдельные издания, чьей целью является пристрастное, намеренное искаженное, освещение событий в России для франкоязычных читателей. Наиболее влиятельными из них являются La Russie d'aujourd'hui (Russia Beyond) и Le Courrier de Russie.

В целом, к стереотипам репрезентации образа России во французских СМИ выглядят следующим образом:

1. В основе ведущих медиаматериалов транслируются исторически сложившиеся стереотипные представления французского общества, согласно которым «в России не происходит изменений, и она на протяжении всей истории воспроизводит одни и те же авторитарные формы правления» [Лапина 2013: 73].

2. Общие позитивные изменения в стране и ее достижения либо умалчиваются, либо нивелируются отдельными негативными фактами, выносящимися в главную повестку дня и выдающимися за действительное положение вещей. Частные случаи подгоняются под ведущие тенденции и подменяют их.

3. Любое активное оппозиционное движение поддерживается и романтизируется. Особое внимание уделяется малейшим проявлениям дискриминации и нарушениям прав человека.

4. Положительные коннотации российской политической действительности проявлялись лишь в тех случаях, когда российская власть следовала по пути реформ в угоду западным «ценностям» [Цилюрик 2013: 9]. После того, как действия России направились на защиту своих национальных интересов и восстановление своего статуса, дискурс масс-медиа приобрел по отношению к ней негативный оттенок, возобновилась репрезентация ее пейоративных образов.

5. Положительные характеристики могут присутствовать в отношении российской культуры, туризма, жизни отдельных городов и регионов страны, однако такое освещение происходит крайне редко, в отрыве от политической составляющей и вопреки ей.

Более точно и емко можно охарактеризовать установки западных СМИ в отношении России, как policy of zero good news (политика отсутствия хороших новостей), что в интерпретации официального представителя МИД России М.В. Захаровой означает следующее: «Это когда ты включаешь телевизор и о России не узнаешь ничего позитивного: ни о том, что здесь строится, ни о том, какие выставки тут проходят, какие снимаются фильмы, делаются научные открытия и так далее. Вместо этого в эфир попадают сообщения про то, как в России что-то взрывается, совершается какое-то резонансное преступление, разгорается коррупционный скандал или случается техногенная катастрофа. Даже теракт в России подается как следствие неправильных действий власти. То есть террористические атаки, произошедшие на территории США, Франции или Великобритании, вызывают колоссальное сочувствие и к самим этим странам, и к их гражданам. Новости же о теракте, произошедшем в нашей стране или устроенном против россиян, специально подаются так, чтобы не вызывать сострадания к жертвам. И с помощью информационных технологий вина за трагедию возлагается на государство» [URL: https://lenta.ru/articles/2016/02/24/zakharovaonmediawarfare/].

Раздел 2. Метафорическая репрезентация власти и оппозиции в России

В системе образов французского языкового социума история России традиционно ассоциируется с варварством, деспотизмом, ложной цивилизованностью [Гордон 2012: 42]. Частое употребление во французском политическом дискурсе концепта «Царь», а также окружающего его лексико-семантического поля «Самодержавие» в отношении президента РФ означает формирование следующей концептуальной установки: Россия всегда была и остаётся страной самодержавной: «Russie: Vladimir le terrible» [URL: http://www.bienpublic.com/actualite/2012/08/25/vladimir-le-terrible], «Le tsar système de Vladimir Poutine» [Despic-Popovic URL: https://www.liberation.fr/planete/2012/03/06/le-tsar-systeme-de-vladimir-poutine_800903/].

Отношение французских СМИ к российской оппозиции прослеживается через номинации, которые даются одному из ее прецедентных представителей А. Навальному:

российская оппозиция	российская власть
icône démocratique (Le Figaro, 2021)	«Russie Unie» – c'est «le parti des escrocs et des voleurs» (Le Monde, 2014)
le héros de la protestation russe (France 24, 2013)	Poutine c'est la dictature (France 24, 2012)
un cavalier seul désarçonné (Libération, 2013)	Poutine passe pour un bouffon (France 24, 2012)
bête noire du Kremlin (France 24, 2021)	régime autoritaire (Libération, 2021)
le leader de l'opposition russe (Le Monde, 2013)	Poutine c'est l'autoritarisme (France 24, 2012)
un gênant chevalier blanc (Le Nouvel Observateur, 2012)	Comment Poutine musèle les libertés / …la justice est utilisée pour museler les opposants» (Le Nouvel Observateur, 2012)

l'étoile montante de la contestation russe (Le Nouvel Observateur, 2012)	Depuis son retour à la présidence en 2012, l'ancien du KGB, les services secrets soviétiques, fait tomber une chape de plomb sur le pays... (Le Monde, 2013)
«Navalny se positionne désormais comme la deuxième personnalité politique en Russie» (Libération, 2021)	Le baromètre de la corruption bat des records (La Russie d'aujourd'hui, 2013)
sa campagne municipale est un chef-d'oeuvre de communication politique mais aussi de relations avec les gens (RFI, 2013)	La corruption est un mal endémique en Russie qui gangrène l'appareil d'État à tous ses échelons, l'armée et la police (Les Echos, 2013)
La golodovka est une stratégie du pire, une tactique du faible au fort, qui correspond bien au profil de Navalny et à ses armes de prédilection: son indéniable courage physique et sa preparation à se mettre en danger qui lui permettent de forcer l'Etat russe à se montrer sous son jour le plus répressif et inhumain (Libération, 2021)	
Il ne doute pas que sa cause – combattre un régime véreux et un président usurpateur – est désormais celle d'un grand nombre de Russes (Libération, 2021)	

Во французском политическом дискурсе российская оппозиция преподносится как героическая, романтическая, положительная, постоянно притесняемая. Российская власть и российское государство при этом откровенно очерняются, даже демонизируются. Подбор образно-метафорических средств и субъективно-оценочной информации осуществляется таким образом, чтобы у реципиента не осталось сомнений в ущемлении демократии в России. Негативно окрашенной лексики или лексики с отрицательной коннотацией в описании российской оппозиции при этом встречается крайне мало.

Кроме того, большое внимание французских СМИ уделяется российскому правозащитному движению, нарушениям

прав человека, резонансным судебным делам. Все это освещается в негативном свете. Российская политическая действительность метафорически сравнивается с тюрьмой, театром (цирком), войной всех против всех, абсолютной монархией. По мнению журналистов, страна souffre de maux endémiques [Attal URL: https://www.france24.com/fr/20140207-sotchi-JO-olympique-poutine-editorial-opinion-russie], под которыми подразумеваются некие нарушения властями прав простых граждан. Эта проблема метафорически преподносится как застарелая (l'éternel talon d'Achille de la Russie) [Avril URL: https://sport24.lefigaro.fr/jeux-olympiques/sotchi-2014/actualites/poutine-en-quete-de-sacre-olympique-677106].

Раздел 3. Метафорическая репрезентация крупных спортивных событий в России

Крупные спортивные события, прошедшие на территории России, активно освещались во французских масс-медиа. Но в отличие от чемпионата мира по футболу 2018 года, который выиграла национальная команда Франции, Олимпиада в Сочи 2014 года подверглась достаточно резкой критике (хотя ряд негативных стереотипных клише в 2018 году были продублированы).

Приведем лишь один характерный пример того, как во французских СМИ искажалась и высмеивалась тщательная подготовка к Чемпионату мира 2018 года: «Des travaux gigantesques ont été réalisés bien en amont à Moscou. Les trottoirs ont été refaits. Le métro s'est mis à l'anglais. Des terminaux d'aéroports flambant neufs ont surgi de terre, comme à Saransk. A Rostov-sur-le-Don, des silhouettes joyeuses levant les bras au ciel ou brandissant des écharpes ont été dessinées sur les fenêtres de la principale artère. Un "village Potemkine 2.0", a ironisé un internaute, en référence aux façades trompeuses parsemées sur le chemin de Catherine II en Crimée, au XVIIIe» [Mandraud URL: https://www.lemonde.fr/mondial-2018/article/2018/06/14/coupe-du-monde-2018-poutine-veut-gagner-le-match-de-l-image_5314537_5193650.html]. Метафорические словоупотребления, негативно репрезентирующие российскую действительность, стали одновременно и проявлением злой

иронии, зависти, желания субъектов информации испортить общее впечатление, и их следствием.

Подобные метафоры можно встретить и в сообщениях, посвященных Олимпийским Играм в Сочи. Огромная работа по подготовке Олимпиады не только повергались насмешкам, но и появлялись более серьезные, необоснованные обвинения в непомерных тратах на ее организацию, коррупции и нарушении прав человека: «Des habitants déplacés sans ménagement et sans indemnités pour laisser place à des chantiers pharaoniques» [Bouchez, Pécout URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/23/sotchi-2014-ce-qu-il-ne-fallait-pas-manquer_4370592_1616891.html?xtmc=cloture&xtcr=6] («Ради фараоновской стройки жителей насильно перемещают и оставляют без компенсаций»). В словаре Le Petit Robert слово pharaonique определяется следующим образом: «digne des pharaons par sa démesure» («достойный фараонов по своему излишеству»; синоним colossal) [Le Petit Robert 2011: 1882]. Также делается прямое указание на недобровольность, насильственность, перемещения жителей (sans ménagement), на ущемление их прав на получение компенсаций за утраченное имущество (sans indemnités). В целом, самые запоминающиеся метафорические словоупотребления, характеризующие Россию в контексте подготовки Олимпийских Игр в Сочи, образованы различными существительными в сочетании с прилагательным pharaonique, происхождение которого относится к эпохе египетских фараонов:

– «Les dépenses pharaoniques de Sotchi s'expliquent d'abord par l'absence d'infrastructures» (Le Monde);

– «Le coût pharaonique du chantier olympique, les soupçons de corruption et, surtout, les infractions aux droits de l'homme…» (Le Figaro);

– «Trente-sept milliards d'euros, c'est ce qu'ont coûté ces Jeux, de très loin les plus chers de l'histoire. Travaux pharaoniques, corruption, infrastructures inexistantes…» (Le Monde);

– «Sotchi, avant et après les chantiers pharaoniques des JO… Mais transformer une station balnéaire en site olympique a nécessité des travaux pharaoniques» (Le Monde).

Употребление в текстах СМИ подобных прилагательных, имеющих отрицательную коннотацию, ставит перед собой целью указать на отсутствие чувства меры, чрезмерные масштабы строительства и грандиозные затраты на проведение Олимпийских Игр передавались не только определением pharaonique и его контекстуальными синонимами (как, например, astronomique). Так, во французских СМИ можно было встретить емкую характеристику: Les jeux de Sotchi: le veau d'or («Игры в Сочи: золотой телец») [Rybinski URL: http://www.france24.com/fr/20131203-vladimir-poutine-mansuetude-lui-va-bien/].

Образ золотого тельца (veau d'or) восходит к Ветхому завету, где он выступал в качестве культа отступивших от Бога Израиля (Яхве). В современном понимании золотой телец предстаёт символом наживы и алчности. Действительно, автор статьи сравнивает Олимпийские Игры в Сочи с золотым тельцом, «настоящим объектом идолопоклонства», с тем, чтобы подчеркнуть чрезмерные, рекордные траты финансовых средств на их проведение и невиданный размах коррупции.

Справедливости ради, хотелось бы отметить, что об Олимпиаде можно было встретить тексты, отмечающие положительные моменты изучаемого события, где преобладала положительно окрашенная лексика. Город Сочи неоднократно назывался не иначе как: vitrine de la superpuissance Russie (Le Monde, 08.02.2014), ville miroir de ce que les Russes appellent eux-mêmes la nouvelle Russie (Le Point, 28.03.2014), la nouvelle carte de visite du prestige russe (Le Monde, 18.10.2013).

Сочи уподобляли «Лас Вегасу на морском побережье» (un Las Vegas de bord de mer), а перестройка в районе проведения Олимпийских Игр была метафорически названа transformation copernicienne («коперниковская трансформация») (Le Monde). Имя Коперника связано с его открытием гелиоцентрической системы мира, то есть с коренными изменениями представлений о мире в целом (copernicien – «составляющий фундаментальное открытие, новшество») [Гак, Ганшина 1991: 236]. Именно на этом основании возникает приведённый метафорический перенос. Отныне Сочи представляется не как ветхий бальнеологический

курорт, а мировой спортивный центр, столица Зимних Олимпийских Игр, «Лас Вегас на морском побережье».

Тем не менее, в своем подавляющем большинстве Олимпиада в Сочи и подготовка к ней во французских СМИ освещались негативно. Журналистами широко использовались информационно-идеологические и иные штампы, подменявшие реальность и демонстрировавшие реципиенту якобы отсутствие в России элементарных гражданских прав и свобод, а также формировавшие в его сознании такой образ российской власти, который был бы максимально авторитарным (или даже диктаторским, самодержавным): «Le 19 août 2013, un oukaze présidentiel imposait ainsi de nouvelles règles de sécurité à Sotchi: manifestations interdites, contrôles renforcés, déplacements soumis à des règles draconiennes…» [Jégo URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/01/06/vladimir-poutine-visite-sotchi-capitale-de-la-russie-superpuissance_4343360_3214.html]. Приведённое выражение содержит метафору règles draconiennes («драконовские меры»), то есть крайне жестокие, строгие меры (сравнение с законами Дракона). Такая образность понадобилась французским СМИ для того, чтобы, не приводя никаких фактов, голословно обвинить российскую власть в полицейском произволе, хотя никаких жестокостей по отношению к гостям и спортсменам Олимпиады в Сочи зафиксировано не было.

Раздел 4. Метафорическая репрезентация образа России в контексте украинского кризиса

В ходе Зимней Олимпиады в Сочи набирал обороты и обострился кризис на Украине. Французскими СМИ освещали и освещают его достаточно активно, приписав в нем России роль агрессора и изображая все ее внешнеполитические действия в нейтрально-негативном ключе. Так, постоянно подчеркивается, что «Moscou souffle le chaud et le froid depuis des mois dans la crise ukrainienne» [URL: https://www.lepoint.fr/monde/ukraine-pourparlers-sur-un-cessez-le-feu-moscou-sous-pression-05-09-2014-1860211_24.php]. Использованный фразеологизм должен убедить французского реципиента в том, что на Украине русские «творят, что хотят».

Воссоединение Крыма с Россией было извращенно преподнесено не как возвращение исконных земель по добровольному желанию их жителей, а как акт «проглатывания» (engloutir, avaler) и «поглощения» (absorption) пищи:

«La Crimée engloutie par la Russie»; «L'Ukraine continue à s'éloigner de la Russie dans le sillage de l'absorption de la Crimée…»; «Les dirigeants de l'UE, réunis aujourd'hui et demain à Bruxelles, sont en quête d'une riposte crédible et unie face à la Russie, qui vient d'avaler la péninsule ukrainienne» и др. [См., например: URL: https://www.lexpress.fr/actualites/1/monde/crimee-le-fosse-se-creuse-le-sommet-ue-russie-de-sotchi-est-annule_1501777.html].

При этом согласие нашей страны принять полуостров в состав России сравнивалось с «аппетитом», физиологическим ощущением потребности в пище: «Le gouvernement intérimaire ukrainien craint que Vladimir Poutine et ses appétits territoriaux ne se sentent à l'abri de représailles sérieuses après que l'Union européenne et les États-Unis n'aient pris que des sanctions limitées contre Moscou» [URL: https://www.lepoint.fr/monde/un-sommet-sur-le-terrorisme-nucleaire-eclipse-par-la-crise-ukrainienne-24-03-2014-1804534_24.php].

Отношения России и Запада также преподносятся неоднозначно. С одной стороны, в заявлении главы французской дипломатии того периода Л. Фабиуса Россия названа «другом»: «La Russie est traditionnellement notre amie. Nous souhaitons d'un ami traditionnel autre chose qu'un bruit de bottes» [URL: https://www.lepoint.fr/monde/ukraine-l-otan-accuse-la-russie-de-menacer-la-paix-en-europe-page-2-02-03-2014-1796982_24.php]. Однако метафора войны («топот сапог») создаёт яркий образ российской военной интервенции и «перекрывает» этот положительный эффект.

Для описания российских действий во французском языке часто используются военные метафоры, причем некоторые из них еще и намекают на сходство с операциями Вермахта в годы Второй Мировой войны: «A Moscou, le Blitzkrieg institutionnel du rattachement de la Crimée est presque terminé» [URL: https://www.liberation.fr/planete/2014/03/21/kiev-s-apprete-a-signer-un-accord-d-association-avec-l-ue_988813/].

С помощью подобных метафор предпринимаются попытки переписать историю, в новом варианте которой ставится знак равенства не только между нацистской Германией и Советским Союзом, но и гитлеровским руководством и политическим руководством современной России:

«Vladimir Poutine a-t-il enfilé les bottes d'Adolf Hitler?... l'ex-secrétaire d'État de Barack Obama relève une similitude entre la justification avancée par le président russe pour envahir et sans doute annexer la Crimée – la protection de la population d'origine russe qui serait victime de mauvais traitements – avec celle mise en avant par le chancelier du IIIe Reich pour envahir la Tchécoslovaquie, puis la Pologne et qui était en effet le même: voler au secours des populations germaniques censées être asservies par d'odieux Slaves et autres peuples "inférieurs"… De même, si le Kremlin utilise les mêmes ficelles que les nazis, cela ne fait pas pour autant de Poutine l'héritier d'Hitler… Seul parallèle à faire: les Occidentaux risquent de faire preuve de la même lâcheté et du même aveuglement que face au Hitler des années 1936-38… personne ne peut raisonnablement penser que l'objectif ultime de Poutine est de lancer l'armée rouge à l'assaut de l'Europe occidentale» [URL: http://www.france24.com/fr/20140306-hillary-clinton-adolf-hitler-vladimir-poutine-ukraine-crimee-russie-etats-unis-bhl/].

Цель «внедрения» таких «формул» в сознание людей – создание в западном мире образа врага и, как следствие, оправдание внешнеполитических шагов руководства западных стран по созданию международной напряжённости и конфронтации. Примечательно, что статья этого автора, опубликованная в 2014 году, уже отсутствует в веб-архивах France 24. Возможно, это связано с осознанием французскими политическими элитами ее абсурдности и ущерба двусторонним отношениям.

Действия России вокруг ситуации на Украине нередко метафорически преподносятся французскими СМИ и через иные образы, например, мускулов и зубов: «Ces derniers mois, c'est d'abord à propos de l'Ukraine que Vladimir Poutine a montré ses muscles» (Le Parisien) / «Ukraine: les Occidentaux font des exercices militaires, la Russie montre les dents» (L'Express). Такие сравнения подкрепляются актуальным на фоне резкого обострения

отношений между Россией и Западом образом сибирского медведя – мощного, грозного, неуправляемого: «Face à l'ours russe, les Occidentaux font bloc pour éviter une guerre aux portes de l'Europe…» (Le Parisien); «L'ours russe arrive sur le terrain» (Europe 1).

Раздел 5. Метафорическая репрезентация образа России в контексте военной операции в Сирии

После начала антитеррористической операции России в Сирии во французских СМИ периодически повторяется одна и та же формула: «La Russie est le parrain de la Syrie» (с вариациями «parrain russe») [См., например: Ingiusto URL: https://www.lexpress.fr/actualite/syrie-dix-annees-de-guerre-en-huit-cartes_2146841.html]. Как в криминальной, так и политической сфере выражение «крестный отец» («босс», «пахан») несет в себе не родственную (семейную), а преступную коннотацию, которая сразу возникает в сознании реципиента и не нуждается в дополнительных намеках. Таким образом, создается впечатление о преступном сообществе, в которое входит Россия и Сирия. В контексте этой криминальной метафоры они предстают преступниками, а их действия видятся незаконными, что и нужно субъектам информационно-психологического воздействия.

Действия России в Сирии сравниваются со стратегией (тактикой) «выжженной земли»: «La stratégie du régime et de ses alliés russe et iranien est une stratégie de la terre brûlée, qui rappelle celle menée par Vladimir Poutine en Tchétchénie» [Gouëset URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-a-alep-l-armee-syrienne-pratique-la-strategie-de-la-terre-brulee_1760951.html]. Употребление этого термина в отношении правительственных войск САР и их союзников (России и Ирана) обусловлено желанием преподнести их действия как неоправданно избыточное применение силы, приводящее к страданиям мирного населения. В этой же фразе намеренно упоминается Чеченская республика с целью освежить в сознании реципиента негативные образы, сформированные западными СМИ еще в начале 2000-х годов.

В битве за Алеппо, как пишет французская пресса, «Путин разбил Обаму в пух и прах», но в ней «победа раздавила

мораль» (la force a écrasé la morale) [Makarian URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-barack-obama-a-trumpe-son-monde_1862053.html]. Эта метафора призвана суггестивно приравнять Россию к силе без моральных ценностей. Циничным выглядит здесь то, что США ассоциируют с моралью.

В том же издании Россию и вовсе называют «властелином сирийского хаоса» и «хищником», а иногда заявляют следующее: «S'il faut résumer toute cette honte internationale, osons reconnaître que les Russes gagnent leur sale guerre...» [Makarian URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/alep-tombeau-de-nos-principes_1859736.html]. Отметим, что прилагательное «грязная» в сочетании с любым существительным способно очернить действительность и исказить любые реалии без какой-либо аргументации: «грязная политика», «грязная репутация», «грязная война».

По мнению французских СМИ, деятельность российского контингента в Сирии – сплошной театр. Российские военнослужащие намеренно приглашают иностранных журналистов в освобожденные «сирийским режимом и его российским союзником» населенные пункты, чтобы показать «сцены радости жителей» («scènes de liesse d'habitants», France-Info). Процесс примирения враждующих сторон и вовсе иронично преподносится как «гвоздь программы спектакля» («clou du spectacle», Europe 1), в ходе которого боевики в отдельной палатке складывают оружие и амнистируются. В целом, в сообщениях французских СМИ целенаправленно искажается реальное положение дел в Сирии, где население якобы вынуждено противостоять армии оккупантов («Les Syriens ont le sentiment d'affronter une armée d'occupation») [Gouëset URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-a-alep-l-armee-syrienne-pratique-la-strategie-de-la-terre-brulee_1760951.html], для которой эта военная кампания может стать «новым Афганистаном» [URL: https://www.youtube.com/watch?v=KnqZFsyhGgQ].

Президенту России как инициатору и проводнику внешней политики государства во французских СМИ уделяется особое внимание. Отношение к нему формируется достаточно

противоречивое. С точки зрения внутренней политики, он характеризуется как диктатор, «душитель» гражданских свобод, авторитарный правитель, что уже наглядно было показано ранее в тексте статьи, а с точки зрения внешней политики, – как важнейший участник мировой политики, который может влиять и действительно влияет на процессы, происходящие в мире. При этом, как можно увидеть выше, действия России на международной арене в любом случае оцениваются негативно, всячески дискредитируются и преподносятся как агрессивные, деструктивные и даже преступные.

Французские СМИ сравнивают Владимира Путина с:

– Петром Великим (Sotchi est à Poutine ce que Saint-Pétersbourg fut à Pierre le Grand. On est passé de la fenêtre sur l'Europe à la baie vitrée sur le monde…; France 24);

– царем (…les 28 sont divisés sur l'attitude à adopter face aux visées expansionnistes du tsar Poutine…; Le Parisien);

– актером («Vladimir Poutine est déterminé à passer du statut d'observateur (spectacteur) à celui d'acteur de premier plan»; Europe 1);

– шахматным игроком, стратегом («Poutine c'est un joueur d'échecs, stratège… il domine le jeu international, il est en train d'avancer ses pions; est-ce qu'il est prêt à pousser immédiatement son cheval pour gagner, c'est pas sûr, mais il avance ses pions pour prendre sa place»; Le Parisien);

– игроком в карты («Oui, c'est un jeu dangereux parce qu'on ne sait pas avec certitude si Poutine a toutes les cartes en main. Mais le chef de l'État russe part de la constatation que l'Europe est en pleine crise économique, que les États-Unis sont occupés en Syrie et en Irak. Il sait pertinemment que l'Otan n'interviendra jamais. Il se dit qu'il a une carte à jouer. Et qu'il doit la jouer maintenant»; France 24).

Приведенные характеристики российского президента во французских СМИ в целом отдают дань уважения его стратегическому мышлению и наталкивают на мысль о некой закомплексованности самих французов в связи с тем, что у них в стране достаточно давно нет подобного лидера. Тем не менее, по результатам исследований французских социологических институтов, 73 % французов имеют плохое отношение к президенту России, при этом оно негативно влияет и на общее

впечатление о стране – 63 % негативных отзывов [URL: https://www.ifop.com/publication/le-regard-des-francais-sur-la-russie/].

Заключение

Результаты исследования образа России во французских СМИ показывают, что отдельные внутриполитические вопросы, в отношении которых у них могут проявляться определенные разногласия, никак не влияют на общую внешнеполитическую линию противостояния нашей стране. Вопреки объективной действительности они целенаправленно демонизируют ее образ и изображают ее виновной в разжигании различных военных конфликтов. Образ современной России репрезентируется комплексом сочетающихся и взаимодействующих военных, игровых (спортивных), цирковых (театральных), криминальных, монархических, антропоморфных, зооморфных и других метафор, которые в целом формируют отрицательные коннотации и концептуальные векторы агрессивности, опасности, непредсказуемости.

Использование во французском политическом дискурсе большого количества метафор образа России с отрицательной коннотацией вызвано желанием западных «партнеров» негативно представить ее политическую действительность и дискредитировать государственную власть. Фактически создание негативных метафорических образов есть не что иное как элемент борьбы Запада против нашей страны, цель которого состоит не только в том, чтобы изменить в ней режим власти, но и в том, чтобы вынудить её отказаться от защиты своих национальных интересов. Формирование «параллельной реальности», не имеющей ничего общего со statut quo, также необходимо с целью создания у населения образа врага, против которого будут оправданы враждебные действия, внешнее давление и даже война. По сути, распространением подобных сообщений французские источники массовой информации каждодневно применяют против России информационно-психологическое оружие, что является одним из ключевых элементов не только информационной войны, но и войны гибридной.

Литература

1. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – 11-е изд., стереотипное. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. – XVI, 1160, [8] с.
2. Гордон А.В. Сквозь лабиринт стереотипов: Три века постижения Другого // Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. Отделение глобальных проблем; Отв. ред. Лапина Н.Ю. – М., 2012. – С. 11–46.
3. Лавров назвал политику Запада кампанией по дискредитации России // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/politics/20170317/1490242481.html (дата обращения: 17.02.2021).
4. Лапина Н.Ю. «Двойное зеркальное отражение», или как воспринимается современная Россия во Франции // Россия и современный мир. – № 4 (81). – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 58–75.
5. Мировые медиагиганты // Журналистская правда. – URL: https://jpgazeta.ru/konflikty-v-smi-mirovye-mediagiganty/amp/ (дата обращения: 08.02.2021).
6. «Правильнее было бы назвать это информационной агрессией» // Lenta.ru. – URL: https://lenta.ru/articles/2016/02/24/zakharovaonmediawarfare/ (дата обращения: 06.09.2020).
7. Цилюрик Д.Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008 – 2012 гг.): автореферат дис. … канд. филол. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – 21 с.
8. Attal S. Hillary Clinton voit elle aussi du Hitler en Poutine // France 24. – URL: http://www.france24.com/fr/20140306-hillary-clinton-adolf-hitler-vladimir-poutine-ukraine-crimee-russie-etats-unis-bhl/ (дата обращения: 17.08.20).
9. Attal S. Sotchi: la Russie est sur la mauvaise pente // France 24. – URL: https://www.france24.com/fr/20140207-sotchi-JO-olympique-poutine-editorial-opinion-russie (дата обращения: 17.05.21).

10. Avril P. Poutine en quête de sacre olympique // Le Figaro. – URL: https://sport24.lefigaro.fr/jeux-olympiques/sotchi-2014/actualites/poutine-en-quete-de-sacre-olympique-677106 (дата обращения: 17.05.21).
11. Bouchez Y., Pécout A. Sotchi 2014: ce qu'il ne fallait pas manqué // Le Monde. – URL: http://www.lemonde.fr/jeux-olympiques/article/2014/02/23/sotchi-2014-ce-qu-il-ne-fallait-pas-manquer_4370592_1616891.html?xtmc=cloture&xtcr=6 (дата обращения: 08.08.20).
12. Crimée: le fossé se creuse, le sommet UE-Russie de Sotchi est annulé // L'Express. – URL: https://www.lexpress.fr/actualites/1/monde/crimee-le-fosse-se-creuse-le-sommet-ue-russie-de-sotchi-est-annule_1501777.html (дата обращения: 17.04.21).
13. Despic-Popovic H. Le tsar système de Vladimir Poutine // Libération. – URL: https://www.liberation.fr/planete/2012/03/06/le-tsar-systeme-de-vladimir-poutine_800903/ (дата обращения: 06.02.2021).
14. Frachon A. Poutine, l'homme de la «glasnostalgie» // Le Monde. – URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2013/06/26/poutine-l-homme-de-la-glasnostalgie_3437232_3232.html?xtmc=ne_dites_pas_a_vladimir_poutine_qu_il_est_un_homme_du_passe&xtcr=9 (дата обращения: 15.09.20).
15. Gouëset C. Syrie: «A Alep, la stratégie de la terre brûlée du régime et de Moscou» // L'Express. – URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-a-alep-l-armee-syrienne-pratique-la-strategie-de-la-terre-brulee_1760951.html (дата обращения: 02.02.2021).
16. Grand: «Poutine a décidé de s'engager militairement en Syrie» // Youtube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=KnqZFsyhGgQ (дата обращения: 22.08.2020).
17. Ingiusto D. Syrie: dix années de guerre en huit cartes // L'Express. – URL: https://www.lexpress.fr/actualite/syrie-dix-annees-de-guerre-en-huit-cartes_2146841.html (дата обращения: 07.05.21).

18. Jégo M. Avant les Jeux, M. Poutine visite Sotchi, capitale de la Russie «superpuissance» // Le Monde. – URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/01/06/vladimir-poutine-visite-sotchi-capitale-de-la-russie-superpuissance_4343360_3214.html (дата обращения: 21.02.20).
19. Le Petit Robert. – P.: Le Robert, 2011. – 2837 p.
20. Le Premier ministre ukrainien appelle l'UE à prendre des sanctions économiques contre Moscou // Libération. – URL: https://www.liberation.fr/planete/2014/03/21/kiev-s-apprete-a-signer-un-accord-d-association-avec-l-ue_988813/ (дата обращения: 21.02.20).
21. Le regard des Français sur la Russie // Institut d'études d'opinion et marketing en France et à l'international. –URL: https://www.ifop.com/publication/le-regard-des-francais-sur-la-russie/ (дата обращения: 22.08.2020).
22. Makarian C. Alep, tombeau de nos principes // L'Express. – URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/alep-tombeau-de-nos-principes_1859736.html (дата обращения: 29.09.2020).
23. Makarian C. Syrie: Barack Obama a "trumpé" son monde // L'Express. – URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/syrie-barack-obama-a-trumpe-son-monde_1862053.html (дата обращения: 29.09.2020).
24. Mandraud I. Coupe du monde 2018: Poutine veut gagner le match de l'image // Le Monde. – URL: https://www.lemonde.fr/mondial-2018/article/2018/06/14/coupe-du-monde-2018-poutine-veut-gagner-le-match-de-l-image_5314537_5193650.html (дата обращения: 10.02.2021).
25. Rybinski G. Vladimir Poutine, la mansuétude lui va si bien // France 24. – URL: http://www.france24.com/fr/20131203-vladimir-poutine-mansuetude-lui-va-bien/ (дата обращения: 07.11.20).
26. Ukraine: l'Otan accuse la Russie de «menacer la paix en Europe» – Page 2 // Le Point. – URL: https://www.lepoint.fr/monde/ukraine-l-otan-accuse-la-russie-de-

menacer-la-paix-en-europe-page-2-02-03-2014-1796982_24.php (дата обращения: 13.05.21).
27. Ukraine: pourparlers sur un cessez-le-feu, Moscou sous pression // Le Point. – URL: https://www.lepoint.fr/monde/ukraine-pourparlers-sur-un-cessez-le-feu-moscou-sous-pression-05-09-2014-1860211_24.php (дата обращения: 13.05.21).
28. Un sommet sur le terrorisme nucléaire éclipsé par la crise ukrainienne // Le Point. – URL: https://www.lepoint.fr/monde/un-sommet-sur-le-terrorisme-nucleaire-eclipse-par-la-crise-ukrainienne-24-03-2014-1804534_24.php (дата обращения: 29.04.21).
29. Vladimir le Terrible // Le Bien Public. – URL: http://www.bienpublic.com/actualite/2012/08/25/vladimir-le-terrible (дата обращения: 08.02.2021).

References

1. Gak V.G., Ganshina K.A. Novyj francuzsko-russkij slovar' [New French-Russian dictionary]. – 11-e izd., stereotipnoe. – M.: Rus. jaz. -Media, 2006. – XVI, 1160, [8] s. (in Russian).
2. Gordon A.V. Skvoz' labirint stereotipov: Tri veka postizhenija Drugogo [Through labyrinth of stereotypes] // Obraz sovremennoj Rossii vo Francii: Opyt mezhdisciplinarnogo analiza: Sb. st. [Modern Russia’s image in France: experience of interdisciplinary analysis: collected papers] / RAN. INION. Centr nauchno-informacionnyh issledovanij global'nyh i regional'nyh problem. Otdelenie global'nyh problem; Otv. red. Lapina N.Ju. – M., 2012. – S. 11–46 (in Russian).
3. Lavrov nazval politiku Zapada kampaniej po diskreditacii Rossii [Lavrov called politics of the West as a campaign on Russia’s discredit] // RIA Novosti. – URL: https://ria.ru/politics/20170317/1490242481.html (дата обращения: 17.02.2021) (in Russian).
4. Lapina N.Ju. «Dvojnoe zerkal'noe otrazhenie», ili kak vosprinimaetsja sovremennaja Rossija vo Francii [“Double mirror reflection”, or how modern Russia is perceived in France] // Rossija i sovremennyj mir [Russia and modern world]. – № 4 (81). – M.: INION RAN, 2013. – S. 58–75 (in Russian).

5. Mirovye mediagiganty [World media giants] // Zhurnalistskaja pravda [Journalistic true]. – URL: https://jpgazeta.ru/konflikty-v-smi-mirovye-mediagiganty/amp/ (data obrashhenija: 08.02.2021) (in Russian).
6. «Pravil'nee bylo by nazvat' jeto informacionnoj agressiej» [“It would be more correctly to call it as informational aggression”] // Lenta.ru. – URL: https://lenta.ru/articles/2016/02/24/zakharovaonmediawarfare/ (data obrashhenija: 06.09.2020) (in Russian).
7. Ciljurik D.D. Obraz Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom mediadiskurse (po materialam jelektronnyh versij ezhednevnyh gazet «Mond», «Figaro» i «Liberas'on» za 2008 – 2012 gg.): avtoreferat dis. … kand. filol. nauk [Russia’s image in modern French political discourse of media (as exemplified on digitized versions of daily newspapers “Monde”, “Figaro” and “Libération” in 2008 – 2012): extended abstract of dissertation on filology]. – M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2013. – 21 s. (in Russian).

УДК
304.
394.
327.

Павловская Анна Валентиновна
Anna Pavlovskaya

Пандемия как фактор национальной идентичности[1]

The Pandemic as a National Identity Factor

Аннотация. *В статье впервые исследуются проблемы, связанные с влиянием пандемии COVID-19 на процессы культурной глобализации в мире, а также*

[1] Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

рассматривается и место, и роль национальной идентичности в период кризиса. Пандемия нанесла удар по международному и межкультурному общению, разъединила страны и народы, карантин подорвал многие общественные связи в социуме, под запретом оказались многие традиции, в том числе и бытовые, повседневные, а также ритуалы, празднества, общественные действа. Некоторые культурные традиции оказались под угрозой уничтожения. Одновременно с этим люди сплотились перед лицом смертельной опасности, яснее осознали свою национальную идентичность. Пандемия также выявила ряд особенностей национального поведения и менталитета.

Abstract. *This article examines issues related to the impact of the COVID-19 pandemic on the processes of cultural globalisation in the world. It also looks at the place and role of national identity in times of crisis. The pandemic has delivered a blow on international and cross-cultural communication, splitting up countries and nations. The quarantine undermined many social ties within society, banning many traditions, including those of everyday life, as well as rituals, festivities and community activities. Some cultural traditions have become threatened. At the same time, people have united in the face of a deadly danger and become more acutely aware of their national identity. The pandemic has also brought to light a number of peculiar features of national mentality and behaviour patterns.*

Ключевые слова: *Пандемия COVID-19, национальная идентичность, традиционные культуры, культурная глобализация, национальные характеры.*

Key words: *COVID-19 Pandemic, National Identity, Tradition, Cultural Globalization, National Characters.*

Введение

Хорошо известно, что ничто так не сплачивает народы, как общие беды и кризисы. До сегодняшнего дня главным историческим событием, объединяющим россиян, не зависимо от возраста, пола, социального положения, этнической принадлежности и даже политических взглядов является Великая отечественная война, страшная трагедия XX века, унесшая миллионы жизней, но и проявившая лучшие качества советского в то время народа. Кризис XXI века, вызванный пандемией COVID-19, и связанные с ним карантин и режим «самоизоляции» (всех ото всех) стали серьезным испытанием для человечества, вызвали панику, создали условия для затяжного кризиса и обострили множество существовавших в обществе проблем.

Для того, чтобы разобраться в сложившейся ситуации, целью данной статьи является рассмотрение вопросов, связанных с мировой культурной глобализацией, анализ общественной ситуации в мире, сложившейся в условиях пандемии и карантина 2020, приведшей в некоторой степени к кризису традиционных культур и общественных отношений, но и одновременно к

подъему национальной идентичности, а также перспектив развития мировой культуры в целом. Материалом для исследования послужили в первую очередь данные средств массовой информации и интернета, статистические сведения, данные ряда научных и общественных организаций, таких, например, как Института глобального здоровья (Университетский колледж Лондона), составивший масштабный измеритель поведения людей в период пандемии, Школы государственного управления имени Блаватника (Оксфордский университет), собирающая сведения о правительственных мерах по борьбе с Ковид-19 в мире (охвачено на сегодня более 180 стран), Организации экономического сотрудничества и развития[1] и других.

1. Культурная глобализация в мире на современном этапе

«Мир никогда не будет прежним» – эта фраза сейчас одна из самых расхожих. Звучит, как приговор. И почему-то не предполагает, что изменения могут быть в чем-то и к лучшему, хотя всякое случается. «Пожар способствовал ей много к украшенью», провозгласил русский классик, и это отнюдь не шутка. Иногда именно жестокие кризисы, суровые встряски помогают человечеству пересмотреть взгляды на мир и изменить путь развития.

На памяти моего поколения было много перемен. Мир не был «прежним» после смерти Л.И. Брежнева, начала перестройки, чернобыльской аварии, распада СССР, падения железного занавеса, появления интернета и мобильных телефонов, список получится довольно длинным. Любые перемены неизменно сопровождались стенаниями, и трава-то раньше была зеленее, и небо синее, и люди добрее, да и мы

[1] COVID-19 Behaviour Tracker. https://ichpanalytics.imperialcollegehealthpartners.com/t/BDAU/views/YouGovICLCOVID-19BehaviourTracker/Homepage?%3Aiid=1&%3AisGuestRedirectFromVizportal=y&%3Aembed=y; Covid-19 Government Response Tracker. https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/coronavirus-government-response-tracker; Culture shock: COVID-19 and the cultural and creative sectors. OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/culture-shock-covid-19-and-the-cultural-and-creative-sectors-08da9e0e/

значительно моложе (может, в этом все и дело?). Так уж устроен человек: ждет «ветра перемен», а потом тоскует о прежней жизни. Русскому человеку особенно свойственно ожидать худшего от любых изменений: здесь и суеверия («чтобы не сглазить»), и исторический опыт, и столь любимое Достоевским русское страдание.

Такой символически красивый в начертании 2020 год показал нам бренность нашего бытия во всей красе. Мы думали, что уже никто и ничто не сможет отнять у нас главные достижения современной цивилизации: торговые центры, фитнес-клубы, японские рестораны, и, о да, самое главное – свободу передвижения. Всего несколько месяцев назад мы и представить не могли, что мы нацепим маски на лицо, перчатки на руки, будем навещать маму не чаще двух раз в неделю по пропуску, выпивать с друзьями в зуме, а аэропорт Шереметьево, как когда-то, в далекой советской жизни, станет эксклюзивным достоянием дипломатов и журналистов. Как бы мы ни тосковали о прекрасной давно ушедшей жизни, мысль о том, что теперь можно в любой момент сорваться и поехать в любую точку земного шара, грела нашу исстрадавшуюся душу.

Один из главных ударов был нанесен по глобализации, и как идее, и как процессу. Несмотря на критику, расширение и ускорение ее в последние годы было очевидно, в том числе и в области культуры и повседневной жизни. Человечество очень быстро привыкает изменениям и переменам, особенно если они удобны. Многое из того, что относительно недавно воспринималось как признак исключительно «западной» жизни (и составляло часть ее привлекательности) стало неотъемлемой частью нашей жизни: карточки «виза» (на 1994 год 30 тысяч карт в России, на сегодняшний день 130 млн карт[1]), супермаркеты (считается, что первый был открыт в 1995 году[2], но реальное распространение из по стране началось несколько лет спустя, а сегодня «Пятерочки» и «Магниты» достигли самых отдаленных

[1] History of Visa. https://www.visa.com.ru/about-visa/our_business/history-of-visa.html

[2] Самый первый супермаркет в России открылся после реконструкции. 24 июля 2020. https://www.retail.ru/news/samyy-pervyy-supermarket-v-rossii-otkrylsya-posle-rekonstruktsii-24-iyulya-2020-196260/; ОАО «Седьмой Континент». https://web.archive.org/web/20101003232707/http://corporate.7cont.ru/about/

уголков страны), Макдональдсы (первый – в 1990 году – собирал огромные очереди желающих приобщиться к западной жизни, сегодня 760 заведений по всей стране [1]). Несмотря на периодические финансовые кризисы все увеличивался поток российских туристов, выезжавших за границу. Наконец, повсеместное распространение интернета (по последним данным в России пользователями являются 80,9% населения страны[2]) включило россиян в всемирную информационную паутину.

О глобализации написано много книг и статей, ее обвиняют во всех современных проблемах, превозносят за современные достижения, пытаются играть с терминами, чтобы отделить «хорошую» глобализацию от «плохой». Так появились «глокализация» (своего рода синтез глобального и локального), «американизация», «культурная гомогенизация», «мультикультурализм», «макдональдизация» и многое другое [Bello, 2002; Munawwar; 2020, Roudometof, 2016].

В центре внимания ученых, как правило, находится экономическая и политическая глобализация. Культурная еще ждет своих исследователей [Kulich, 2021].. Хотя именно она охватывает самые широкие массы населения, касается все и каждого. Культурная глобализация (то есть процесс культурной, в самом широком смысле, интеграции и унификации) делится на разные сферы. Это и художественная культура (литература, музыка, кинематограф и т.д.), формирующая эстетические вкусы и представления о мире. И социальные отношения, и мораль, и нравственность, и верования, и обряды, и повседневная жизнь. Все это круто замешано на экономических вопросах, которые сегодня лежат в основе процессов глобализации. В советское время мы столь часто повторяли марксистскую формулу «Бытие определяет сознание», что она набила оскомину. Но это не означает, что она не верна. Материальные изменения, безусловно, приводят и к изменениям в духовной сфере. Так что разграничить разные области глобализации крайне трудно.

---

[1] Макдоналдс вновь удивляет скоростью и удобством сервиса. https://mcdonalds.ru/articles/news/mcdonalds-surprises-speed-convenience-service

[2] Internet World Stats https://www.internetworldstats.com/stats4.htm

Важно следующее. Взаимовлияние культур в мире при наличии доминирующей культуры – неотъемлемая составляющая истории человечества. Никто не отрицает того факта, что европейская цивилизация по большей части базируется на античной культуре (то есть греко-римской), сформировавшей многие черты в том числе и современного нам мира. Но это было давно и воспринимается даже с некоей долей романтики. А вот «вестернизация» современного мира вызывает глубокое отторжение, обвинения в «навязывании», чуть ли не «насаждении».

Интеграция культур – процесс естественный и закономерный, связанный с прогрессом, исторически обусловленный. Есть два пути культурной глобализации. Один – «добровольный», связанный с заимствованием, подражанием, стремлением приобщиться к «цивилизации», на современном этапе сконцентрированной на западной (европейской и американской) культуре. Несмотря на негативные коннотации, связанные с понятиями «заимствование» и «подражание», ничего плохого в нем нет. Национальные культуры, как правило, стремясь приобщиться к другим, все равно естественным путем отбирают те явления, которые им близки, или адаптируют их к своим национальным предпочтениям. Примеров тут множество, от «немецкой» системы образования в России, заимствованной в XVIII веке и измененной в итоге до неузнаваемости, до российского салата Оливье, ничего не имеющего общего со своим французским собратом. Многие народы вполне сознательно копируют привычки тех, на кого ориентируется мода. Так в России после перестройки возникла волна подражания западным образцам поведения и обычаев. Сегодня этот процесс идет и в Китае, где справляют западный Новый год и устраивают в отелях английский «5 o’clock» при наличии древнейшей традиционной чайной культуры.

Второй путь культурной глобализации более агрессивный, связан как раз с экономическими аспектами. Это продвижение на мировой рынок товаров и услуг, в том числе и таких влиятельных в плане культурного воздействия, как кино, литература, музыка, а также того самого «бытия», которое неизменно меняет «сознание». Однако и здесь идет

определенный отбор, что-то принимается, что-то отвергается народами, которые подвергаются воздействию. Так, в Китае Макдональдс, открытый, как и в России, в 1990 году, первоначально имел такой же бешеный успех, как и в нашей стране, как символ приобщения к западной, читай, цивилизованной, жизни. Однако со временем популярность его стала угасать, и он заметно уступает как своим местным заведениям фастфуда, так и американской компании KFC (на 2018 год почти 6000 против 2500 заведений)[1]. Возможно, жареная курица ближе китайцам в плане вкусовых предпочтений, чем различные «бигмаки», народу, традиционно не выпекающему хлеб.

Важнейшая проблема, связанная с глобализацией, ее влияние на национальное (региональные) культуры: уничтожает ли она местные традиции, привычки и образ жизни, или обогащает их новыми возможностями. Исторический опыт показывает, что и то, и другое. Что-то уходит, что-то приходит, культуры видоизменяются, но сохраняют свою национальную идентичность. В некоторых случаях, как например в случае с богатейшей бургундской цивилизацией, расцветшей на излете позднего средневековья, они полностью растворяются в культуре завоевателей, но и в этом случае не пропадают бесследно.

Более того, натиск глобализации стал своего рода катализатором для подъема своего рода национального самосознания, дал возможность полнее ощутить свою культурную идентичность, свою непохожесть, осознать значимость «своего» в этом мире. Пришло осознание того, что свою национальную культуру надо сохранять и защищать, идея, ставшая непопулярной в Европе в 1960-70-х, а в России в 1990-х.

2. Первые последствия пандемии в сфере общественной жизни

[1] Lee Moore. Food Fight or Combo Meal? KFC and McDonald’s Scramble for China. August 10, 2020. https://thechinaguys.com/food-fight-or-combo-meal-kfc-and-mcdonalds-scramble-for-china/; Chen Ronggang. Why Once-Loved McDonald's Now Has an Image Problem in China. December 14, 2017. https://www.sixthtone.com/news/1001386/why-once-loved-mcdonalds-now-has-an-image-problem-in-china

Итак, обратимся к 2020 году, началу пандемии и первой реакции на нее. Начало было неутешительным. Страх смерти всколыхнул в людях древнейшие инстинкты, казалось бы, давно уснувшие, убаюканные сытостью, политической корректностью, идеями глобального мира и культурной интеграции.

Во-первых, проснулся страх пред голодом, один из базовых инстинктов человека, завещанный, вероятно, еще первобытным человеком. По интернету разлетелись пугающие фотографии опустевших полок супермаркетов Милана, Лондона, Парижа, Москвы. Они, в свою очередь, еще больше подогрели панику.

Скупка продуктов сопровождает все серьезные кризисы человечества. Это удачно высмеял прекрасный советский писатель Евгений Шварц в разговоре двух горожанок в пьесе «Дракон»: «Подумать только! Война идет уже целых шесть минут, а конца ей еще не видно. Все так взволнованы, даже простые торговки подняли цены на молоко втрое... По дороге сюда мы увидели зрелище, леденящее душу. Сахар и сливочное масло, бледные как смерть, неслись из магазинов на склады. Ужасно нервные продукты. Как услышат шум боя — так и прячутся». Шварц, переживший две мировые войны и революцию, знал о голоде не понаслышке. Удивительно то, что и современные жители развитых стран, казалось бы, десятилетия живущие в «обществе потребления», привыкшие выбирать любимый вид йогурта из десятков вариантов, моментально впали в панику и скупали все, что попадало по руку.

Вторым знаковым моментом стал повсеместный всплеск ксенофобии, казалось бы, надежно похороненной под красивыми лозунгами и заявлениями о всеобщем равенстве.

Как и все остальное, и это явление отнюдь не новое. Распространившийся в мире более 500 лет назад сифилис, много веков плохо поддававшийся лечению и несший еще и клеймо позора, получил название «французской» или «галльской» болезни. Несмотря на то, что наиболее вероятной версией ее происхождения является распространение ее испанскими моряками, прибывшими из Нового Света, ее связали именно с Францией и не только потому, что первая масштабная вспышка болезни была среди французских солдат, осаждавших Неаполь,

но и в силу распространенного уже в то время стереотипа о легкомысленности, развратности и женолюбии французов. Французы же болезнь называли по имени своих военных противников «испанской» или «итальянской». В России сифилис именовали не только «французской», но и «немецкой», и «польской» болезнью: все зло от иностранцев! Крупнейшую пандемию вирусного гриппа XVIII века, начавшегося в Китае, называли в России «китайской» болезнью, а в Европе «русской». Схожая история и с «испанкой» начала XX века, начавшейся в США[1]. Список этот можно продолжать долго.

Впервые заболевание коронавирусом было обнаружено в Китае в декабре 2019 года. К началу следующего года стало очевидно, что заболевание распространяется по миру и представляет угрозу жизни людей. Почти немедленно в разных уголках планеты, отметим, в самых что ни на есть развитых странах, были зафиксированы вспышки расизма и ксенофобии. Лица, имеющие азиатскую внешность, стали подвергаться разного рода дискриминации: от косых взглядов в общественном транспорте до физических угроз и насилия.

Ксенофобия захлестнула самые разные группы населения: прежде всего, обывателей, испугавшихся за свою безопасность, но не только. Средства массовой информации, юмористы и карикатуристы, политики и общественные деятели, многие приняли участие в разжигании национальной розни. Печально знаменитым стало упорство президента США (теперь уже бывшего) Дональда Трампа, с которым он с трибуны именовал коронавирус «китайской» болезнью.

Не только злость и ненависть разрушали иллюзорный мир «глобальной деревни», но и сепаратизм. Пандемия ясно показала, что в условиях кризиса – каждый сам за себя. Выше уже говорилось о разобщении среди соседствующих народов восточной Азии. Схожая ситуация сложилась и в «Единой Европе».

Итак, пандемия вызвала к жизни базовые инстинкты людей, казалось бы, изжитые за годы мира (во всяком случае для

[1] Каменченко П. Как опасный вирус убил больше людей, чем две мировые войны. https://lenta.ru/articles/2020/10/06/influenza/

«западных» стран), культурной глобализации, политической корректности. Это не только страх перед голодом, ненависть к чужакам и разобщенность народов, в период кризиса оказавшихся в положении каждый сам за себя. Выявилось и многое другое. Обострилось противостояние между столицей и провинцией, городом и деревней (чего только стоят многочисленные случаи, когда горожан, пытавшихся пережить пандемию в своих загородных домах, местные жители встречали крайне враждебно, как носителей смертоносного вируса; в Норвегии горожанам и вовсе законодательно запретили выезд на свои «дачи»). Обострились разногласия между регионами одной страны, оказавшихся в разных «зонах опасности». Вернулись различные суеверия и интерес к народной медицине (в разные периоды то имбирь, то лимон, то чеснок объявлялись панацеей и немедленно сметались с прилавков). Власть демократических государств оказалась гораздо более тоталитарной, когда дело дошло до катастрофы: спасение людей осуществлялось с помощью штрафов и полицейского вмешательства. Граждане же государств в некоторой степени были низведены на уровень малых детей, которым внушают довольно-таки базовые понятия о жизни. Они сильно напоминают навязчивые, хотя и справедливые лозунги советского режима, причем его раннего периода: «Мойте руки перед едой», «Соблюдайте личную гигиену», «Не плюйте на пол», «Не ешьте немытые овощи и фрукты». Все это было крайне актуально в 1920-30-е для «цивилизовавшихся» рабочих и крестьян. Но звучит несколько странно для современных жителей, так как стало чем-то само собой разумеющимся.

3. Влияние пандемии на общественные отношения

Под запретом оказались и, казалось бы, незначительные мелочи повседневной жизни. Проблема в том, что эти «мелочи» очень важны опять же таки в разных национальных социумах. В России на дверях можно увидеть знаки рукопожатия, перечеркнутые красным крестом. Для многих же, особенно мужской части населения, пожатие рук при встрече, является проявлением уважения и происходит почти автоматически. Во Франции под запрет попали поцелуи при встрече, также

являющиеся неотъемлемой частью культуры. Британский журналист с удивлением передает слова владельца ресторана на Корсике о том, какой негативный эффект имеет для его соотечественников невозможность целовать знакомых при встрече и прощании: «Здесь, на Корсике, физические контакты с людьми крайне важны, их отсутствие очень психологически трудно и вызывает стресс»[1]. Каждому – свое.

Запреты и ограничения с особой остротой выявили особенности национального поведения, менталитета, предпочтений, привычек, казалось бы, уже растворившихся в глобальной культуре повседневности. И это можно расценить как положительное влияние пандемии на общество. Осознание национальной идентичности обострилось, продемонстрировало важность традиционной культуры в современном мире.

Выяснилось, что помимо универсальных ценностей сохранились и национальные. Оказавшись под угрозой, они стали особенно дороги. В том числе и бытовые, повседневные.

Для итальянцев трагедией стало закрытие, а потом ограничение часов работы ресторанов, в результате чего многие из них был вынуждены закрыться. Для итальянской культуры ресторан – это не просто место, где едят, но и где общаются, наслаждаются жизнью, приобщаются к культуре, это важная часть мировоззрения. Это образ жизни. Лучшие рестораны здесь в провинции, часто в глухой, они – не для туристов, а для себя. Множество ресторанов, разбросанных по всей стране, это еще и источники существования для местных производителей: фермеры выращивают овощи, разводят скот, отжимают оливковое масло, виноделы производят вино, рыбаки ловят рыбу. Художники и дизайнеры создают неповторимую атмосферу. Все участвуют в создании того, что называется «радость жизни». Сила итальянских ресторанов в их «местечковости», мелкие производители, большие энтузиасты своего дела, превращают скучный труд в искусство, гордятся его результатами. Все это уничтожила пандемия.

---

[1] https://kaleistyleguide.com/travel/destinations/europe/france/corsica/articles/corsica-covid-rules-cases-holidays/

Известный итальянский ресторатор Массимо Боттура в открытом письме премьер-министру Джузеппе Конте, призывающем спасти ресторанную культуру страны, поставил итальянский ресторан на один уровень с мастерского художника эпохи Ренессанса. «Гостеприимство и приготовление пищи, искусство и архитектура, дизайн и свет – краеугольные камни нашей национальной идентичности», заявил ресторатор[1].

Во Франции закрытие ресторанов также нанесло сильный удар по привычному образу жизни. Здесь принято есть долго и неспешно, смакуя и получая удовольствие. Закрытие баров лишило французов привычки, вошедшей в плоти и кровь – аперитива перед ужином. Это тоже важная часть социальной жизни, общение с друзьями, обсуждение последних новостей, чтение газеты, просто рассматривание прохожих. Удар оказался столь сильным, что французы устроили в летние теплые месяцы своеобразные протесты: они собирались около своих любимых баров (это своего рода микромир: каждый предпочитает свой, в который ходит постоянно, знает всех завсегдатаев и хозяев), усаживались на скамейки, принесенные складные стульчики или на парапет Сены в Париже, доставали бокалы, бутылки, закуску и устраивали неспешные стихийные «аперо»[2].

Пандемия ударила по самым болевым точкам в каждой стране. В Шотландии, Ирландии и Англии ограничили время работы пабов и, самое главное, запретили продавать в них алкогольные напитки[3]. В Финляндии закрыли игровые автоматы,

---

[1] Massimo Bottura tells Prime Minister: "Here are Five Measures to Save Italian Restaurants" 27 October, 2020. https://www.finedininglovers.com/article/bottura-five-measures-to-save-italian-restaurants

[2] French Take Their Apéros to the Streets, Testing Lockdown Limits. The New York Times. May 28, 2020. https://www.nytimes.com/2020/05/28/world/europe/france-coronavirus-lockdown-aperue.html; 'We need a social life': French café culture defies coronavirus shutdowns. 30.03.2020. https://www.france24.com/en/20200313-we-need-a-social-life-french-stick-to-caf%C3%A9-culture-despite-coronavirus; This is dark day for fearful, furious France. The Telegraph. October, 29 2020. https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/europe/france/articles/france-second-lockdown-wave-anthony-peregrine/

[3] Scotland's Restaurant Industry Handed "Death Sentence" Under new Restrictions. 08 October, 2020. https://www.finedininglovers.com/article/scotland-restaurants-new-covid-restrictions; New restrictions 'death sentence' for hospitality industry. https://news.stv.tv/scotland/new-restrictions-death-sentence-for-hospitality-industry?top

к которым местные меланхоличные жители питают истинную страсть.

Для России не столь важна ресторанная культура. Но и у нас есть свои слабые места. Например, праздники. Пасха 2020 стала шоком для многих, не только врачующих, но и неверующих. Освящение куличей и яиц давно стало общим праздником, в котором участвуют и стар, и млад: сначала готовка, потом общий поход в храм, толкучка перед входом, ожидание, сам ритуал освящения. Это одно из немногих действ, связывающих нынешних россиян с их истоками, историческим прошлым, традиционной культурой. Конечно, верующим разрешили самостоятельно проводить обряд освящения дома, но здесь важно именно действо, причем совместное. Также как и во время пасхальной службы, которую в прошлом году смотрели по телевизору. В православном богослужении важна тайна, мистика, чувство приобщения к чему-то высокому: ночь, храм, свечи, позолота икон, песнопения, запах ладана.

Замечательно настроение пасхальной ночи передает Александр Иванович Куприн, в его описании нет ничего религиозного, но есть много света и чистоты «Тут подошла и пасха с ее прекрасной, радостной, великой ночью. Мне некуда было пойти разговеться, и я просто в одиночестве бродил по городу, заходил в церкви, смотрел на крестные ходы, иллюминацию, слушал звон и пение, любовался милыми детскими и женскими лицами, освещенными снизу теплыми огнями свечек. Была у меня в душе какая-то упоительная грусть -- сладкая, легкая и тихая, точно я жалел без боли об утраченной чистоте и ясности моего детства». (Куприн А.И. По-семейному).

Частью нашей национальной культуры является повышенное внимание к разного рода праздникам и ритуалам, подчас выходящее на уровень суеверий. Похороны, свадьбы, дни рождения, все это надо «отметить» по всем правилам, оказать уважение друзьям и знакомым, себя показать, людей посмотреть. Запрет на проведение такого рода мероприятий сказался на моральном духе населения.

Итак, еще одним результатом «эксперимента», в котором невольно участвует человечество, можно назвать разрушение традиционной культуры, привычек повседневности,

устоявшегося образа жизни. Вместе с тем пандемия дала возможность осознать и всю важность этих больших и малых культурных традиций, их живучесть и устойчивость, сплотила национальные социумы, привела к осознанию своей идентичности.

4. Реакция народов различных регионов на карантинные меры

Проявились национальные особенности и в том, как разные народы реагировали на карантин и ограничения, вызванные пандемией. А также в тех мерах, которые предпринимались государством. Это можно назвать «национальными особенностями карантина».

Относительно масштабные исследования проводились различными научными организациями. Например, в Великобритании, Институтом глобального здоровья (University College London) было опрошено около 14 тысяч участников из 13 стран с целью изучения особенностей поведения населения в период пандемии. Результаты исследования, порой, казались неожиданными. Например, выяснилось, что жители Испании и Италии с большей вероятностью следовали предписаниям и оставались дома, чем жители Швеции и Сингапура[1]. Это при том, что коллективизм первой группы и стремление к общественной жизни широко известны, в то время как жители Швеции отличаются значительно большим индивидуализмом. Однако, вероятно, противоречия здесь нет, скорее закономерность. Жители коллективистских культур склонны к тому, чтобы поступать «как все», с оглядкой на соседей, мнение которых крайне важно, в большей степени склонны доверять и средствам массовой информации, и правительству. В то время как шведы отличаются независимостью взглядом, чтут свободу поведения, поступают в соответствии со своими личными представлениями о жизни. Мультикультурный Сингапур, с изначально малайским

[1] COVID-19 Behaviour Tracker. https://ichpanalytics.imperialcollegehealthpartners.com/t/BDAU/views/YouGovICLCOVID-19BehaviourTracker/Homepage?%3Aiid=1&%3AisGuestRedirectFromVizportal=y&%3Aembed=y

населением, ныне преобладающим китайским, с важной составляющей из «индийцев» и европейцев, представляет интересный сюжет для отдельного исследования.

Особо хотелось бы выделить две страны – Россию и Китай, в данном случае мы располагаем дополнительным материалом в виде анкетирования студентов. Известно, что в Китае оперативно ввели жесточайшие карантинные меры. Регионы, города, деревни страны были жестко изолированы. Университетские кампусы, согласно информации, полученной от студентов, были закрыты и даже пищу поставляли организованно. Заборы и запреты, вот то, что коротко характеризует карантин в стране.

У населения предпринятые меры не вызвали противодействия и были практически полностью поддержаны. Эту точку зрения разделили все студенты, единогласно заявившие, что строжайшие меры – ограничение передвижения, закрытие школ и вузов, ношение масок, соблюдение социальной дистанции были абсолютно необходимы. Некоторые пытаются объяснить свою позицию тем, что Китай столь густонаселенная страна, что без подобных мер кризис было бы невозможно преодолеть. Другие объясняют это духом коллективизма: несмотря на личные неудобства, такие меры необходимы не только для себя, но и для других. Все считают правительственные меры эффективными и действенными, многие с гордостью пишут о том, что ситуация в их регионе уже нормализовалась и вернулась к обычному ритму.

В обобщенном виде особенности поведения своих соотечественников во время карантина китайские студенты оценивают и объясняют следующим образом (язык сохранен):

- Сильно развитое коллективистское сознание; «Вся страна сотрудничает друг с другом для достижения, восходящего и нисходящего эффектов».

- Отношение к свободе: «для нас свобода не в том, чтобы делать, что хотите, а в том, что не вредит и не опасно для окружающих». «В истории Китае наши люди обычно не ценят свободу, традиционные китайцы более стремятся к стабильности и порядку».

- Общественная система, позволившая в короткие сроки установить жесткий карантин. Отсутствие протестов и демонстраций. «Очень интересно отметить, что, если бы другие страны позволили армии и полиции провести блокаду города, это вызвало бы панику и массовые протесты. Китай, напротив, гораздо комфортнее с присутствием военных».

- Общественный контроль. «У китайцев такой характер взаимного надзора». Один из студентов разъясняет: он и его друг живут в деревне, если он тайно покинет ее, чтобы съездить в Ухань или «посмотреть пейзаж», его друг сообщит об этом властям. «Трудно сказать, за себя ли он, за семью, за деревню и страну, или за то, что он стоит на высоком моральном уровне, чтобы найти человека, который не следует правилам». В других странах таких «активных людей» меньше, считает студент

- Поддержка идеи сильной централизованной власти. «китайские люди предпочитают такое сильное центральное правительство, чем федерализм. Особенно во время эпидемии, большинство китайцев считают, что существующее положение отражает необходимое преобладание однопартийной системы».

- Полное доверие к правительству страны. Страна «скорее принесет в жертву экономику, чем позволит этому вирусу нарушить основной общественный порядок и психологию людей», в отличие от других стран, где экономика на первом месте. Самое «невероятное» это то, что «Китай дорожит жизнью каждого, поэтому те, кто заражен новым коронным вирусом, будут быстро вылечены. Те государственные служащие, которые не преуспевают в работе по профилактике эпидемий, вскоре потеряют свои должности и работу, поэтому они смогут только более строго выполнять задачи по профилактике эпидемий».

- Нет предубеждения к людям, которые носят маски, которое существует в других странах, наоборот, это поддерживается, как признак заботы о других людях;

- Дисциплинированность китайцев, серьезное отношение к эпидемии, выполнение требований и предписаний, доверие к врачам.

- Жертвенность: «Не только медицинские работники, но и люди всех профессии и специальности охотны всем пожертвовать для борьбы против эпидемии».

- Деловая практичность: «китайские люди не долго горевали, а сразу начали действовать для решения актуальной проблемы».

В целом опрос китайских студентов, проведенный анонимно, показал удивительное единодушие опрашиваемых, твердую позицию и полное согласие с государственной политикой. Собранные ответы много говорят не только об особенностях коллективного поведения во время кризиса, но и об особенностях национального менталитета вообще.

В России ситуация сложилась иная. Несоблюдение карантинных мер здесь явление обычное, чем дальше от столичных регионов, тем заметнее. Только штрафы, наложенные на магазины, заставили их владельцев строго требовать ношения масок (до социальной дистанции в стране почти никто не снизошел). В небольших магазинчиках еще и часто извинялись за требование, объясняя его не необходимостью соблюдения карантина, а боязнью штрафов. Российское «авось» проявило себя во всей красе. Безусловно, был значительная категория граждан, которые безукоризненно выполняли все требования, испугавшись страшной болезни. Но в целом отношение было достаточно легкомысленным.

Пышным цветом расцвели суеверия, теории заговоров, народные средства, слухи о некомпетентности врачей, недоверие к правительственным мерам, одновременно с паникой и навязчивой идей о сокрытии подлинной информации от населения (половина считала, что цифры смертности занижены, чтобы скрыть свою беспомощность, а другая, что завышены, чтобы развести панику и ввести полицейские меры).

Неожиданным последствием карантина в России стала повышенная тяга к природе и загородной жизни. Она всегда была, своеобразное наследие относительно недавнего крестьянского прошлого страны: страсть к дачам, огородам, участкам для посадки картошки, разведению садов, борьбе за урожай. Пандемия всколыхнула любовь к «земле» с новой силой. Цены на загородные дома подскочили, эти при общем-то кризисе. Участились случаи переездов из города в деревню на постоянное жительство, тем более что возможности работы онлайн позволяют сохранять ее и живя вне города.

Мнение большинства российских студентов сводится к тому, что карантинные меры были необходимы. При этом 5% считает, что они были недостаточно строгими, а 12%, что они были слишком строгими или не нужны вообще. При этом подавляющее большинство полагает, что они плохо исполнялись и что отсутствовал контроль за их исполнением. Есть и такие, которые считают, что в России был необходимо введение режима чрезвычайной ситуации, только это могло бы обуздать население и остановить распространение инфекции. Лишь 6% считают, что «все было сделано правильно».

К числу особенностей поведения во время карантина в России, отразивших косвенным образом черты национального характера и менталитета, российские студенты относят следующие:

- Недальновидность и легкомысленное отношение россиян к проблеме (и к жизни в целом). «Многие запреты были проигнорированы и люди продолжали ходить друг к другу в гости, собираться вместе в больших компаниях и гулять по улицам. Если бы каждый житель Москвы строго соблюдал бы все правила и ограничения – статистика распространения инфекции выглядела бы совершенно по-другому». «Люди пренебрегали, и до сих пор пренебрегают средствами индивидуальной защиты, многих больше пугает возможность получить штраф, нежели заболеть и/или заразить окружающих, что мы можем наблюдать при взгляде на большую часть населения, не натягивающих свои маски выше подбородка».

- Крайности: половина считала, что ситуация раздута и преувеличена, а вторая, что недооценена. «Любопытно, что и тех, и других не устраивали действия властей: некоторые люди, относящиеся к первой группе, считали, что ограничения должны быть еще более строгими (что, например, необходимо введение режима ЧС); представители же второй группы были против каких-либо карантинных мер».

- Недоверие к правительству и принимаемым мерам

- Вера в «теорию заговора» в самых разных формах. «Народ, искренне верящий во вселенский заговор и махинации правительства, долгое время игнорировал угрозу, пока не ощутил все на собственной шкуре».

- Недоверие к официальной информации и доверие к разного рода сомнительным информационным источникам и публичным персонажам

- Упрямство, нежелание следовать законам и указаниям. «Русские держатся даже тогда, когда этого делать не следует, а именно когда необходимо обращаться к врачам и подчиняться указаниям правительства, а то самое чувство справедливости привело к словам «я имею право» и к нарушению ограничений».

Опрос российских студентов продемонстрировал недовольство практически всех карантинными мерами в стране, необходимость которых признается большинством. Одни винят государство в отсутствии должного контроля и разумных шагов по предотвращению пандемии, другие – неразумность и легкомысленность населения, не исполняющего требования. Многие считают российской бедой и то, и другое. В целом, по мнению студентов, карантин в основном выявил негативные стороны и русского характера, и современной ситуации в стране. Один из студентов выразил это следующим образом (язык сохранен): «Русские известны своей стойкость и упрямостью, что довольно часто было полезно и помогало в различных ситуациях. Кроме того, обостренное чувство справедливости и понимание «справедливо то, что заслуженно» - яркая черта русского характера. Сегодня же это пошло только во вред…На мой взгляд, национальные особенности в России привели скорее к более негативным последствиям и ухудшили положение России в период распространения COVID-19».

Заключение

В задачи данной статьи не входит оценка действий по борьбе с коронавирусом, только анализ поведения жителей разных регионов мира. Пандемия COVID-19 ударила по болевым точкам традиционных культур различных народов. Но она же и наглядно продемонстрировала место и роль национальной идентичности в жизни стран и народов. В условиях кризиса именно чувство «нации как связного целого, представленного уникальными традициями, культурой и языком» [Искусство и цивилизационная идентичность, 2007] помогло людям выжить.

Литература

1. Искусство и цивилизационная идентичность. М.: Наука, 2007. – 603 с.
2. Bello, Walden. Deglobalization: Ideas for a New World Economy, Worlds Apart: Civil Society and the Battle for Ethical Globalization, 2002. – 162 pp.
3. Kulich, Steve J., Adam Komisarof, L. Ripley Smith, Kenneth Cushner. Re-examining intercultural research and relations in the COVID pandemic. International Journal of Intercultural Relations. Volume 80, 2021: A1-A6
4. Munawwar Manshur, Fadlil. Covid-19 and Anti-Globalization Issues: A Cultural Perspective. Journal of Cririta1 Reviews, 2020, 7(14):209-213
5. Roudometof, Victor. Glocalization: A Critical Introduction. Routledge, 2016. – 206 pp.

References

6. Iskusstvo i civilizacionnaja identichnost'. [Art and Civilizational Identity] M.: Nauka, 2007. – 603 pp. (in Russian)
7. Bello, Walden. Deglobalization: Ideas for a New World Economy, Worlds Apart: Civil Society and the Battle for Ethical Globalization, 2002. – 162 pp.
8. Kulich, Steve J., Adam Komisarof, L. Ripley Smith, Kenneth Cushner. Re-examining intercultural research and relations in the COVID pandemic. International Journal of Intercultural Relations. Volume 80, 2021: A1-A6
9. Munawwar Manshur, Fadlil. Covid-19 and Anti-Globalization Issues: A Cultural Perspective. Journal of Cririta1 Reviews, 2020, 7(14):209-213
10. Roudometof, Victor. Glocalization: A Critical Introduction. Routledge, 2016. – 206 pp.

УДК 81’33

Третьякова Татьяна Петровна
Tatyana Tretyakova

О цифровизации лингвистического образования: поиск системного анализа

On the digitalization of linguistic education: the search for a systematic analysis

Аннотация. *Цель настоящей статьи рассмотреть цифровизацию лингвистического образования в рамках существующей дискуссии о системном подходе, позволяющем раскрыть сложности образовательного диалога <преподаватель-студент>. Рассматриваются тенденции развития современного образовательного дискурса, на основе меняющихся социальных и культурных тенденций развития общества, а также современной доминантной дистанционной формой общения. Материалом для анализа послужили тексты современных лингвистических образовательных программ гуманитарного цикла, а также онлайн-курсы. В качестве примера системного подхода к анализу проходящих динамических процессов в образовании предлагается использовать понятие функциональной адаптации как оптимизирующего параметра системы. Системность определяется во взаимодействии двух типов детерминант – внешней и внутренней. Внешняя детерминанта связана с анализом организационной составляющей образовательной среды, а внутренняя с когнитивно-дискурсивными особенностями учебного диалога. В результате системного подхода удалось установить следующее. Внешняя детерминанта влияет на формирование контента рабочих программ и траектории образовательного процесса, включающие разработку открытых онлайн курсов с применение разнообразных интерактивных технологии, сетевых потребительских форматов и изменения временных параметров освоений дисциплин. Внутренняя детерминанта определяется когнитивными процессами, отражающими антиномию говорящего и слушающего в рамках учебного диалога. Учёт современных способов восприятия информации, основанный на демонстративных техниках и мультимедийности контента позволяет определить новые типы интеракции в образовании :1) модельные траектории или денотатные карты и схемы и др. 2) формат «микролернинга», учитывающий минимальные форматы интерактивного внимания; 3) новые типы гибридного межличностного общения. В заключении делается вывод, что системный анализ гибридного цифрового лингвистического образования через определение внутренней и внешней доминант позволяет выявить направления адаптации образовательного процесса к изменившихся социальным условиям.*

Abstract*. The aim of this article is to consider the digitalization of linguistic education in the framework of the existing discussion about systemic approach revealing the complexity of the educational <teacher-student> dialogue. The tendencies of modern educational discourse development, based on changing social and cultural trends in the development of society, as well as the modern dominant form of distance communication, are considered. Material for the analysis are modern educational programs of the humanities linguistic cycle, online courses and digital private communication samples. It is proposed to use the concept of functional adaptation as an optimizing parameter of the system as an example of a systematic approach to the analysis*

of the ongoing dynamic processes in education. The systems approach is defined within the framework of two types of determinants –external and internal. The external determinant relates to the analysis of the organizational component of the educational environment the formation of the content of work programs and the trajectory of the educational process. The internal determinant implies cognitive and discursive features of the educational dialogue disclosing new ways of information perception. : 1) model trajectories or denotational maps and schemes; 2) "microlearning" format; 3) new types of hybrid interpersonal communication new interpretation of empathy. In conclusion, it is suggested that a systematic representation of hybrid digital linguistic education through the definition of internal and external dominants allows identifying areas of adaptation of the educational process to the changed social conditions.

Ключевые слова: *цифровизация, системный подход лингвистическое образование, детерминанта, сетевые технологии коммуникация, эмпатия*

Key-words*: digitalization; systems approach; linguistic education; determinant; network technologies; communication; empathy*

Введение

Современная ситуация с пандемией и переход на онлайн-образование в школах/вузах ускорила те процессы, которые связаны с цирфровизацией общественной и частной жизни. В этом отношении обсуждение обучения гуманитарному циклу, в том числе обучения родному и иностранным языкам, как представляется, требует чёткого системного подхода. Дискуссия о цифровизации образования, которая развернулась в 2018-2019 годах в рамках обсуждения новых государственных образовательных стандартов поставила много интересных вопросов о соотношении онлайн и оффлайн образования. В частности, ставились вопросы о разработке новых онлайн курсов и даже переводе значительной части образовательных программ в онлайн формат – к 2020 году российские вузы должны были создать 3500 онлайн курсов. Фактически с марта 2020 года в связи с переводом на «удалённое образование» онлайн курсов было спонтанно создано гораздо больше. При этом сложилась в вузах ситуация, при которой действующими являются образовательные программы обучения русскому и иностранным языкам, ориентированные на приоритеты конца 20 века. Например, формулировки основных целей в изучении русского языка как иностранного во многом могут определяться старыми ориентирами: В частности, «поддержка, сохранение и распространение русского языка среди иностранных граждан», «удовлетворении языковых и культурных потребностей

иностранных граждан и соотечественников» и в основном ориентированных на преемственность освоения филологических дисциплин. При этом в настоящее время происходит изменение требований к контенту лингвистического образования, поскольку существует необходимость подготовки специалистов более широкого профиля. Цифровая трансформация в обучении языкам определяется также тем, что в сегодня существует большое количество образовательных частных кампаний, позиционирующих себя как исключительно прогрессивные в оказании широкого спектра образовательных услуг, в том числе и при обучении русскому и иностранным языкам. Таким образом, к настоящему времени сложилась ситуация, которая позволяет поставить задачу системного аналитического изучения сетевой идентификации участников лингвистического образовательного процесса.

2.Основная часть.

2.1. Вводные положения. Цель исследования заключается в рассмотрении общих вопросов лингвистического образования студентов, которые раскрывают изменением приоритетов в современном образовательном диалоге <преподаватель-студент>. Материалом исследования послужили образовательные программы русского языка как иностранного, иностранных языков, а также публикации по проблемам цифрового образования в Интернете, и в средствах массовой информации. Эти общие вопросы определяются в системном анализе. При этом система рассматривается как сложное единство, в котором есть составные части, а также схема отношений и связей между частями. Поскольку система отношений имеет функциональный характер, то можно выделить в системе некоторые «оптимизирующие параметры», которые определяют доминанту системы. [Мельников 1972]. Система при этом понимается как сложное единство, в котором выделяются как составные части, так и схемы отношений между элементами. В настоящее время складываются абсолютно новые системные отношения в образовательном диалоге <студент-преподаватель>, возникшие в связи с цифровизацией образования и приобретением качественно новых свойств сетевых личностей

участников этого диалога. Вслед за Г.П. Мельниковым, который в своем системно-типологическом подходе к анализу языка обратился к понятию детерминанты, попытаемся использовать его для анализа системного анализа ситуации в образовательном процессе. Термин *детерминанта* как важнейший показатель, указывающий на взаимосвязь характеристик системы. Детерминанта — это и определяющая характеристика системы, и показатель того, что все в системе не случайно, предопределено, взаимно согласовано, системно взаимосвязано [Мельников 1972: 196-197].

В образовательном диалоге представляется возможным выделить два типа детерминант – внешнюю и внутреннюю, каждая из которых определяет два значимых блока, определяющих систему обучения. Первый блок – это динамические ситуации, связанные с интерактивными техниками продвижения лингвистических знаний, а второй блок отражает лингво-когнитивные особенности коммуникативного процесса обучения.

2.2. Внешняя детерминанта определяет ориентиры изменений организации учебного процесса в контексте цифровизации. Прежде всего, внешняя среда определяется требованиями программ обучения и выстраиванием тех компетенций, которые диктуются со стороны министерских указов. Формирование универсальных процессов обучения происходит с использованием разных технологий. Они осуществляются в том числе и через автоматизированные системы управления образовательным процессом (АСУ) и системы информационно-контентные системы (ИКС). Как правило технологии вплетены в лингвистических программах в рамках антропоцентрического подхода. Эти компетенции в основном обозначены как центральные. Они направлены на становление навыков в сфере обеспечения коммуникации, развития компетенции в области теории речевого воздействия, и достижений успеха в устной и письменной коммуникации, а также умение проводить самостоятельные исследования

Подход отечественных университетских школ вплоть до последнего времени позволял развивать навыки достаточно широкого формата. Это были не только практико-

ориентированные предметы, которые обеспечивают создание инновационных проектов, но также те навыки, которые позволяют постоянно учиться, создавая возможности смешанных форм обучения – традиционного, обеспечивающего фундаментальное знание, и цифрового в обязательном, элективном и дополнительном форматах образования. В условиях серьезных различий в структуре и специализации различных университетов невозможен единый, стандартизированный метод цифровизации высшего образования. Кроме того, в разных университетах существуют приоритетные области научных исследований, уникальные программы подготовки специалистов. По мнению специалистов, занимающихся этими вопросами, именно такое образование создаёт фильтры к поиску оптимальных решений по подготовке специалиста 21 века, способного постоянно учиться, менять траектории освоения новых видов знания. Отсутствие единообразия представляется скорее достижением, нежели недостатком.

Второе направление действия внешней детерминанты, формирующей лингвистическое образование, определяется процессами дистанционного обучения. Внешняя среда связана также с внедрением электронного обучения, дистанционных технологии и разного рода смешанных типы обучения, включающих онлайн и офлайн форматы. Электронное обучение определяется продуктами, направленными на отдельные аспекты обучения и/или на цели по подготовке к экзаменам, в основном созданными на платформах EdCrunch, https://edcrunch.ru/.

В период пандемии были созданы адаптивные программы (EdCrunch vs Covid), к которым относятся траектории практических аспектов изучения языка, или целевых подготовок к экзаменам. К распространённым форматам дистанционного обучения, направленными на дополнительное образование, относятся ПОТОК» (персонализированная образовательная траектория в открытых коллективах), «РОСТ», (распределенное оценивание в системе талантов), «СЦОС» (современная цифровая образовательная среда) или «МООК/МООС» (массовый открытый онлайн-курс). Все курсы ориентированы на

онлайн коммуникативный формат, имеют коммерческую составляющую и определяют получение тех навыков, которые помогают обучающимся в трудоустройстве. Отдельное место занимают и коммерческие форматы, включённые в группу EdTech (более 35 компаний), из которых выделяется онлайн школа английского языка SkyEng. Все эти форматы в той или иной степени составляют структурные составляющие новой образовательной внешней среды: https://trends.rbc.ru/trends/education/5d68e8fb9a7947360f1e2e5 В рамках Национальной платформы открытого образования в СПбГУ предлагается порядка 100 курсов, причём в гуманитарном цикле предлагаются курсы созданные в исследовательских институтах: https://openedu.ru/spbu-offer/.

Продукты новых технологий и эффективность их применения не всегда очевидна. На современном этапе происходит накопление приобретённого опыта, а также анализ учебного процесса университетов в рамках существующей ситуации. Представляется, что развитие цифрового образования будет еще больше усиливать тенденцию к дифференциации и специализации университетов в отношении подходов к образованию. Этот анализ может быть сделан в формате разбора социологического кейса в результате которого может быть доказана эффективность дифференциации для возможности постоянного обучения [Bond, et al 2018].

Необходимо также обратить внимание на те формулировки, которыми пользуются участники обсуждений, специалисты, участвующие в организации учебного процесса. Пилотное рассмотрение формулировок обсуждений проблемы в интервью, которые дают специалисты, и в публикациях на русском языке свидетельствует о том, что необходимо выработать некоторую единую платформу терминологии. В настоящее время происходит засилье макаронических форм номинации, как например, «публичная оферта (предложение) об оказании информационных услуг по онлайн-курсам», «бленды в методике преподавания», «будущее за коллаборацией»; «комбинация онлайна и офлайна» или «с большим онлайном мы повышаем статус образовании», «переход на парт-тайм», «системы прокторинга», «коворкинг» или «коворкинг-марафона

и др. Все эти формулировки требуют выработки терминологической точности и особенно в отношении лингвистического образования.

2.3. Внутренняя детерминанта системы цифровизации образования связана с внутренними психологическими факторами участников образовательного процесса. Они отражают становление так называемой сетевой личности как преподавателя, так и студента и проявляются появление новых интерактивных

Второй блок системы определяется внутренней детерминантой, и он отражает изменившиеся перцептивные возможности участников учебного процесса. Постоянное пользование гаджетов приводит к гиперстимуляции тех областей мозга, которые расшифровывают визуальные образы, игровую интеракцию и подавляют или недостаточно стимулируют остальные функции. Принципиальным является быстрое принятие не основанных на анализе решений как одного из когнитивных проявлений действия внутренней детерминанты.

Во-первых, визуализация креолизованных текстов меняет перцептивные возможности человека. Ссовременный образовательный дискурс стал поликодовым. В нём преобладает мультимедийный способ передачи информации. Именно визуализация привела к внедрению так называемых «подрывных/прорывных технологии» (disruptive technologies), включающих модельные траектории, денотатные карты, схемы «фишбоун» и др. К уже существующим в преподавании методам создания проектов в сознании уже закрепились разного рода технологии социальных сетей (крауд-сорсинги; крауд-фандинги и пр.). Кроме того, внедряются потребительские цифровые технологии, связанные с отношением к образованию как сфере услуг и геймификацией в образовании, включая игровые квесты.

Во-вторых, отдаётся предпочтение формам письменной коммуникации. При этом сам письменный диалог между преподавателем и студентом ведётся в лаконичной форме, в стиле краткого канцелярского стиля изложения. Несмотря на лаконичность текстов и зачастую отсутствие полной информации, решения принимаются студентами быстро и безапелляционно. Личный или опосредованный характер

общения представлен форматом «микролернинга». Следует также отметить тот факт, что информация из текстов больших объёмов воспринимаются тяжело. Это приводит к изменениям характеристик учебного диалога, так как преподаватели-практики, профессора и доценты становятся не столько носителями знания и примерами в становлении эрудированных профессионалов, сколько лицами, разрабатывающими траекторию для прохождения индивидуального обучения студента. Подробное и аргументированное изложение материала может привести к тому, что текст (письменный или устный) просто не будет воспринят.

К настоящему времени поменялся тип письменных текстовых сообщений в переписке преподавателя и студента. Уже сформировался жанр переписки с преподавателями. В частности, в письмах студентов преобладают констатирующие высказывания телеграфного стиля («*Высылаю готовую версию работы. Учла Ваши замечания, поправила внутритекстовые ссылки, вынесла словари в отдельный список. Для удобства выделила голубым переделанную часть введения.»*) или директивные высказывания («*Прошу прислать работу про юмор в политическом дискурсе, которую вы упоминали в прошлый четверг»*). Вежливые стереотипы институционального дискурса в этой текстологии исключаются, а речевые стереотипы традиционной культуры фактически исключаются и заменяются новыми сетевыми. На формирующийся ритуал сетевой институциональной коммуникации будущим лингвистам следует обратить внимание.

Представляется, что в этом случае начался процесс адаптации новых коммуникативных типов отношений в образовательной институциональной среде. Видимо, так называемые «текстинги», часто использующиеся в телефонной коммуникации, обусловили появление в переписке студентов жанрово-стилистических изменений. Эти послания часто воспроизводят устную, а не письменную форму общения. (Ответные реплики преподавателей в основном сохраняют вежливый стереотип общения, даже в кратких сообщениях).

Возникают новые форматы интеракции между преподавателем и студентами на платформах вебинаров и

конференций. Вместе с тем следует отметить, что тексты предпочтительны не только по своим техническим параметрам, поскольку занимают гораздо меньше места в памяти устройства, но главным образом потому, что их можно просматривать и делать на них «памятки».

В-третьих, меняется, аффективная среда, которая проявляется в отсутствии эмпатии как способности к сопереживанию эмоциональному состоянию другого человека. Эгоцентризм восприятия в принципе типичен для коммуникативной среды студентов любых специальностей, однако именно в среде лингвистов ставятся вопросы о способах передачи эмоций в письменной речи и голосовыми сообщениями, смайликами и эмотиконами. Кодификация и декодирование эмоций в текстах разных типов, в том числе и в цифровой среде представляют интерес для профессионального роста специалистов- филологов.

В среде студентов и преподавателей всё большее значение приобретает ценностная аксиологическая категория, отражающая ценностно-этическую норму цифровой коммуникации и охватывающая все формы этикетного сетевого общения. Этот тип общения подразумевает отсутствие кросспостингов, оверквотингов, оффтопиков или флеймингов и троллинга и иных способов анти-этикетного сетевого поведения.

Все указанные три фактора, относящиеся к внутреннему детерминанту системы, свидетельствуют об её адаптивном характере происходит стихийно, в процессе «естественного отбора» — неосознанного предпочтения говорящими одних способов коммуникации другим. средств другим. Новый способ отношений в образовательной лингвистической среде формирует новые коммуникативные функции. Причём процесс адаптации может стать предметом изучения лингвистов, занимающихся функционально семантическим анализом коммуникативных процессов.

Заключение

Всё сказанное выше позволяет говорить о том, что современный этап цифровизации лингвистического образования и современные коммуникативные практики сетевого дискурса,

позволяют выявить проблемы адаптивности системы образования в рамках функционирования двух взаимозависимых детерминант - внутренней и внешней – как в отношении. институциональных обучающих процессов, так и с точки зрения возможностей изучения коммуникативно- семантического потенциала дистанционного образовательного диалога.

Литература

1. Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии//Системные исследования. Ежегодник 1972. - М.: Наука 1973, с.183-204
2. Bond, M., Marín, V.I., Dolch, C.et al. Digital transformation in German higher education: student and teacher perceptions and usage of digital media. / International Journal of Educational Technology in Higher Education 15, Article Number 48 (2018) https://doi.org/10.1186/s41239-018-0130-

References

1. Melnikov G.P. Yazyk kak sistema i yazykovye uneversalii//Sistemnyye issledovaniya. Ezhegodnik 1972. - M.: Nauka 1973, pp.183-204
2. Bond, M., Marín, V.I., Dolch, C.et al. Digital transformation in German higher education: student and teacher perceptions and usage of digital media. / International Journal of Educational Technology in Higher Education 15, Article Number 48 (2018) https://doi.org/10.1186/s41239-018-0130-

СПИСОК АВТОРОВ

Ахренова Наталья Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет».

E-mail: nakhrenova@mail.ru

Воробьёва Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова.

E-mail: velena2007@mail.ru

Гвозданная Надежда Вячеславовна – старший преподаватель кафедры международной коммуникации факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: gvozdannaya@yandex.ru

Жирова Ирина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой переводоведения и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет.

E-mail: zhirova557@yandex.ru

Зарипов Руслан Ирикович – кандидат филологических наук, начальник 1 отдела 1 управления центра (лингвистического Министерства обороны Российской Федерации) Военного университета.

E-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

Мигдаль Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германо-романских языков и методики их преподавания ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

E-mail: irinamigdal@gmail.com

Миньяр-Белоручева Алла Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: ostvera@mail.ru

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: annapavl@mail.ru

Роберто Монфорте Дюпре – доктор филологии, доцент кафедры классической филологии (отделение славистики) факультета искусств Университета Страны Басков (Испания).
E-mail: robertovicente.monforte@ehu.eus

Сергиенко Полина Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра английского языка для гуманитарных факультетов, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: poserg@bk.ru

Третьякова Татьяна Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, ФГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».
E-mail: tretyakova.tp.50@gmail.com

Чеснокова Ольга Станиславовна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН.
E-mail: chesnokova_os@pfur.ru

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN,** входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.

Научно-исследовательский журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 01.06.21. Формат 60x90/16
Заказ № 24. Тираж 1000 экз.
Типография Академии акварели и изящных искусств
art-tipografia.ru
117133, Москва, ул. Академика Варги, 15
Тел.: (495) 531-55-55
academy.andriaka.ru